

Д.Т. Судзуки

Антология
**ДЗЭН-
БУДДИЙСКИХ
ТЕКСТОВ**

Дайсэцу Тэйтаро
Судзуки

Антология
ДЗЭН-
БУДДИЙСКИХ
ТЕКСТОВ

Daisetz Teitaro
Suzuki

Manual
OF ZEN
BUDDHISM

Дайсэцу Тэйтаро
Судзуки

Антология
**ДЗЭН-
БУДДИЙСКИХ
ТЕКСТОВ**

Перевод с английского

М. А. Захаровой

под редакцией

С. В. Пахомова

Санкт-Петербург

«Наука»

2005

УДК 1/14+29

ББК 86.35

С 89

Судзуки Д. Т. Антология дзен-буддийских текстов. — СПб.: Наука, 2005. — 275 с.

ISBN 5-02-026235-8

В свою «Антологию дзен-буддийских текстов» крупнейший знаток дзен Дайсэцу Тэйтаро Судзуки включил различные произведения, имеющие то или иное отношение к этой известной дальневосточной буддийской традиции. Махаянские сутры и сборники заклинаний (дхарани), знаменитые дзэнские коаны и проповеди дзэнских учителей — это и многое другое, целиком либо во фрагментах, можно встретить на страницах этой увлекательной и богато иллюстрированной книги. В приложении японский буддолог также подробно описывает культовые и памятные изображения, размещенные в большинстве дзэнских монастырей.

Книга будет полезна всем тем, кто интересуется буддизмом, сравнительным религиоведением и дальневосточной культурой.

ISBN 5-02-026235-8

- © Издание на русском языке. Распространение на территории Российской Федерации. Издательство «Наука», 2005
- © М. А. Захарова, перевод на русский язык, 2005
- © П. Палей, оформление, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

В моем *Введении в дзэн-буддизм (Introduction to Zen Buddhism, 1934)* в краткой форме излагается учение дзэн, а в *Практике дзэнского монаха (Training of the Zen Monk, 1934)* дается описание зала для медитации и рассказывается об образе жизни монаха. Настоящая *Антология* завершает эту трилогию. Ее задача — сообщить читателю сведения о различных литературных материалах, имеющих отношение к дзэнской монашеской жизни. Иностранные ученики часто желают знать, какие тексты декламирует дзэнский монах перед Буддой в своей ежедневной службе, на что направлены его мысли в часы досуга и какие культовые предметы он держит в своем жилище. Хочется надеяться, что это произведение отчасти удовлетворит их желание. Кроме того, эта трилогия работ по дзэн может стать предпочтительной для тех, кто находит мои *Очерки о дзэн (Essays on Zen Buddhism)*¹ слишком объемными или слишком замысловатыми.

Дайсэцу Тэйтаро Судзуки
Киото
август 1935 г.

¹ Речь идет о серии произведений, посвященных дзэн, которые были опубликованы в 1927—1937 гг. и впоследствии неоднократно переиздавались. В настоящее время петербургское отделение издательства «Наука» публикует все три тома работ, входящих в эту серию. — *Примеч. отв. ред.*

Будда и шестнадцать божеств праджняпарамиты.

I

ГАТХИ И МОЛИТВЫ

Гатха — санскритский термин, означающий «стих» или «гимн». В буддийской литературе его используют для обозначения стихотворной части сутр. Китайские же буддийские мыслители приспособили это слово для названия своих стихотворных сочинений, известных как *цзе* (сокращенно от *цзе то*) или *цзие сан*, что является сочетанием санскрита и китайского языка. Не все гатхи, собранные в этом разделе, принадлежат исключительно школе дзэн; некоторые из них относятся к буддийскому наследию в целом.

ЗАЧИН СУТРЫ

Дхарму, несравненно глубокую и изысканную,
Редко где встретишь даже за сотни тысяч миллионов
кальп;

Нам же ныне позволено видеть ее, слышать ее, при-
нять и придерживаться ее;

Мы можем правильно понять значение слов Татха-
гаты!

ИСПОВЕДЬ

Во всех злых деяниях, когда-то совершенных мною
из-за жадности, гнева и невежества,

Деяниях, не имеющих начала и порожденных моим
телом, речью и мыслью, —

Сейчас я полностью исповедуюсь.

ТРОЙНОЕ ПРИБЕЖИЩЕ

Я принимаю прибежище в Будде;

Я принимаю прибежище в Дхарме;

Я принимаю прибежище в Сангхе.

Я принимаю прибежище в Будде, несравненно
почитаемом;

Я принимаю прибежище в Дхарме, почитаемой за
ее чистоту;

Я принимаю прибежище в Сангхе, почитаемой за ее
гармоничную жизнь.

Я закончил принимать прибежище в Будде;

Я закончил принимать прибежище в Дхарме;

Я закончил принимать прибежище в Сангхе.

ЧЕТЫРЕ ВЕЛИКИХ ОБЕТА¹

Сколько бы ни было существ на свете, клянусь
спасти их всех;

¹ Эти обеты произносят после каждой службы.

Какими бы неисчерпаемыми ни были страсти, клянусь подавить их;

Какими бы неизмеримыми ни были Дхармы, клянусь овладеть ими;

Какой бы глубокой ни была истина Будды, клянусь постичь ее.

ПОКЛОНЕНИЕ ШАРИРЕ¹

С полным смирением мы простираемся перед святой шарирой, представляющей тело Шакьямуни, Татхагаты, который наделен всеми существующими достоинствами. *Дхармакая* — основа его существа, и *дхармадхату* — это *ступа*, посвященная ему.² С должным почтением мы отдаем ему дань уважения. Проявляясь ради нас в телесной форме, Будда входит в нас и позволяет нам войти в него. Когда его сила осеняет нас, мы обретаем просветление; поддаваясь сверхъестественной мощи Будды, все существа получают благо от этого; они желают обрести просветле-

¹ *Шарира* (санскр., буквально «тело») — нетленный фрагмент тела Будды Шакьямуни или какого-либо буддийского святого; в широком смысле слова — реликвия, культовый объект. — *Примеч. отв. ред.*

² *Дхармакая* («тело Дхармы») — высший, абсолютный принцип бытия-сознания; *дхармадхату* — «мир дхарм», здесь — все многообразие феноменов универсума; *ступа* — сооружение, в котором хранились шариры или иные объекты религиозного поклонения. — *Примеч. отв. ред.*

ние, ведут образ жизни бодхисаттвы и вступают в абсолютную безмятежность, где царит безграничная мудрость абсолютного неразличения. И вот мы простираемся перед ним.

УЧЕНИЕ СЕМИ БУДД¹

Не совершай зла
И совершай лишь благие поступки,
Сохраняй свою мысль чистой —
Вот учение всех будд.

ГАТХА О НЕПОСТОЯНСТВЕ²

Все сложные вещи непостоянны,
Они подвержены рождению и смерти;
Положите конец рождению и смерти,
И тогда наступит блаженное спокойствие.

¹ Семь просветленных существ общепобуддийской традиции. Шестеро из них появились в нашем мире до Будды, в разное время — Вишвабху, Випашьин, Шикхин, Кракучханда, Канакамуни и Кашьяпа. Седьмой будда — Майтрея — появится в будущем. — *Примеч. отв. ред.*

² Говорят, что ради второй половины этой гатхи Будда был готов пожертвовать своей собственной жизнью. По этой причине она также известна как «гатха жертвы».

Хакуин. Вималакирти.

СУТРА ЭММЭЙ КАННОН, ЗАКЛЮЧЕННАЯ В ДЕСЯТИ СТРОКАХ¹

[Поклонение] Каннон!

Поклонение Будде!

С Буддой мы связаны

В отношениях причины и следствия.

Если мы опираемся на Будду, Дхарму и Сангху,

[То способны достичь нирваны —] постоянной,
всегда благословенной, самосущей, свободной от
скверны.

Каждое утро наши мысли обращаются к Каннон,

Каждый вечер наши мысли обращаются к Каннон.

Любая мысль исходит из ума,

Ни одна мысль не отделяется от ума.

МОЛИТВА ПО СЛУЧАЮ КОРМЛЕНИЯ ГОЛОДНЫХ ДУХОВ

Если кто-либо пожелает узнать всех будд прошлого, настоящего и будущего, он должен будет созерцать природу этого дхармадхату как созданную абсолютным умом.

¹ Эммэй означает «продлевающий жизнь»; если кто-либо ежедневно прочитывает вслух это короткое стихотворение, состоящее из десяти строк и посвященное Каннон, его сердце наполняется желанием сделать что-то хорошее — не только для себя, но и для всего мира. [Каннон — японское прочтение имени бодхисаттвы Авалокитешвары. — Примеч. отв. ред.]

Поклонение буддам в десяти сторонах света!
Поклонение Дхарме, пронизывающей десять сторон
света!

Поклонение Сангхе в десяти сторонах света!
Поклонение Будде Шакьямуни, нашему наставнику!
Поклонение бодхисаттве Каннон, великому и
милосердному сострадателю, готовому спасти людей от
несчастий!

Поклонение архату Ананде, толкователю Учения!

Наму сабо тотогято борякитэ, эн!

Саммола саммола, ун!

Наму сурёбоя тотогятоя тодзито, эн!

Сурё сурёбоя сурёбоя сурё, сомоко!

Наму саманда мотонан, бан!¹

¹ Трудно сказать, каким образом это дхарани оказалось помещенным здесь. Как и большинство дхарани, оно не имеет смысла с обыденной точки зрения, однако может быть не таким уж и бессмысленным для голодных духов, которым и предлагается эта молитва. Возможно, ее изначальный санскритский вариант читается так:

Nāmaḥ sarva-tathāgatāvalokite! Om! Śāmbala, śāmbala! hum!

Nāmah surūpayā tathāgatayā! Tadyathā,

Om, surū[payā], surūpayā, surūpayā, surū[payā], svāhā!

Nāmah samantabuddhānām, vam!

(«Поклонение! О, все Татхагаты, которых мы видим [как наших покровителей]!; Ом! Благоденствие, благоденствие! Хум! Пусть будет прославлен Татхагата, имеющий прекрасный облик! Ом! Прекрасный облик! Прекрасный облик! Прекрасный облик! Слава! Пусть будут прославлены все будды! Вам!»)

Поклонение *хосин*¹ Татхагате!
Поклонение *тахо*² Татхагате!
Поклонение *мёсисин*³ Татхагате!
Поклонение *кохасин*⁴ Татхагате!
Поклонение *рифуйи*⁵ Татхагате!
Поклонение *кэнру*⁶ Татхагате!
Поклонение *омито*⁷ Татхагате!

Наму омитобоя тотогятоя,
Тониято,
Омирицубоми,
Омирито,
Ситабоми,
Омирито бигяратэй,
Омирито бигярато гямини,
Гягяно ситогяри,
*Сомоко.*⁸

¹ «Превосходная драгоценность» (*ратнакету*). [Здесь и ниже перечисляются эпитеты Будды. — *Примеч. отв. ред.*]

² «Изобилующий драгоценными камнями» (*прабхутаратна*).

³ «Тело прекрасного облика» (*сурупакая*).

⁴ «Большое тело» (*випулакая*).

⁵ «Свободный от страха» (*абхаянкара*).

⁶ «Царь нектара» (*амритараджа*).

⁷ Амида (*Амитабха*).

⁸ Санскритский вариант: *nāmo 'mitābhaya tathāgatayā! Tadyathā, amṛtodbhāve, amṛtasiddhe, (?) -bhāve, amṛtavikrañte, amṛtavikranta-gamine, gaganakīrtikare! Svāhā!*

(«Поклонение Татхагате Бесконечного Света! Возрастающему в амрите! Совершенствующемуся в амрите! Изливаю-

Пища и напитки очищаются сверхъестественной силой этого дхарани, и их мы предлагаем духам, столь же бесчисленным, сколь бесчисленны песчинки в Ганге. Мы молимся о том, чтобы все они получили полное удовлетворение и избавились от своей жадности; чтобы они покинули свои темницы и родились в более благоприятных сферах существования. Кроме того, мы молим о том, чтобы они приняли прибежище в Трех Драгоценностях, пробудили в себе желание к высшему просветлению и в конце концов пришли бы к его реализации. Неисчислимы заслуги, которые они тем самым обретают, и это будет продолжаться до конца времен и позволит всем существам в равной мере разделять эту дхармовую пищу.

О вы, владыки духов, мы предлагаем эту пищу всем вам, мы просим вас заполнить десять сторон света, с тем чтобы все существа вашего рода разделили бы ее.

Совершая этот поступок, достойный награды, мы молим о том, чтобы был возвращен долг нашим родителям, которые сделали ради нас все, что смогли. Пусть те, кто еще жив, вечно наслаждаются своей счастливой и процветающей жизнью, а те, кого больше нет с нами, освободятся от страданий и родятся в Земле Блаженства.

Мы молим о том, чтобы все живые существа тройственного мира, которые получают четверичное благо-

ществу [амриту]! Распространяющему амриту! Распространяющему амриту по всему миру! Тому, кто делает амриту столь же хорошо известной, как и пространство! Слава!»)

словение, вместе с теми, кто страдает на трех пагубных путях существования и кого мучают восемь видов бедствий, раскаялись во всех грехах и тем самым очистились от всех своих несчастий, избавились от цикла трансмиграции и переродились в Чистой Земле.

Мы молим всех будд, всех бодхисаттв-махасаттв прошлого, настоящего и будущего, пребывающих в десяти сторонах света, молим и *махапраджняпарамиту*, чтобы силой этой заслуги, распространенной повсеместно, не только мы, но и все люди одинаково достигли бы буддовости.

ОБЩАЯ МОЛИТВА¹

Все бхикшу, которые здесь присутствуют,
Продекламировали, как положено, таинственную
формулу *Шурангамы*,

Которая ныне посвящается всем *нагам* и *дэвам*,
защищающим Дхарму,

А также всем святым собраниям духовных существ,
стражам этого монастыря и его окрестностей.

Пусть все люди, пребывающие на трех пагубных
путях существования и по-разному испытывающие
восемь видов несчастий, освободятся от них с ее
помощью!

¹ Эта молитва, как явствует из текста, следует после рецитации дхарани из *Шурангама сутры*.

Пусть все существа, пребывающие в тройственном мире и получающие четверичное благословение, разделят с ее помощью эту заслугу!

Пусть страна мирно процветает, пусть прекратятся все воинственные действия.

Пусть ветер дует, когда необходимо, дождь — выпадает своевременно, а люди — живут счастливо!

Пусть вся община, единая в практике, ведущей к большим устремлениям, мгновенно пройдет все десять ступеней¹ и не испытает больших трудностей!

Пусть в этом монастыре сохранится спокойная жизнь, свободная от волнений.

И пусть у покровителей, а также у истинно верующих возрастет не только вера, но и мудрость и счастье!

[Мы молим] всех будд и бодхисаттв-махасаттв прошлого, настоящего и будущего, пребывающих в десяти сторонах света, мы молим и *махапраджня-парамиту!*

МОЛИТВА О КОЛОКОЛЕ

Пусть звук колокола выйдет за пределы нашей земли
И будет услышан даже теми, кто живет во тьме, за
Железными горами (*чакравала*)!

¹ Десять ступеней (*бхуми*) — традиционный путь совершенствования бодхисаттвы. — *Примеч. отв. ред.*

Пусть их слух станет тоньше, и пусть существа достигнут абсолютного слияния [всех чувств],

Чтобы каждый из них в конце концов смог прийти к реализации высшего просветления!¹

¹В дзэнском монастыре заведено читать вслух *Каннон* во время ударов большого колокола, в который бьют три раза в день. Настоящая гатха декламируется тогда, когда звон заканчивается. Как мы увидим ниже, от Каннон рождается звук, который слышат те, кто искренне верит в его силу, избавляющую от всех несчастий. Каждый звук, издаваемый колоколом, — это голос самого Каннон, призывающего нас очистить слух посредством особого духовного переживания (его называют «смещением»), которое в конце концов станет в нас постоянным (см. с. 40).

II

ДХАРАНИ

Собственно говоря, дхарани в дзэн изначально отсутствовали, и все же со временем они вошли в дзэнскую ежедневную службу. Произошло это в эпоху Сун, когда японские мастера дзэн посетили Китай. Они и ввели в дзэн дхарани, которые обнаружили в других школах китайского буддизма; кроме того, они ввели в дзэн и некоторые элементы школы *сингон*. В Китае школа *сингон* (*чжэньянь*) продержалась недолго, тем не менее она оставила свои следы в дзэн.

Дхарани (от глагола *дхри*, что значит «держатъ» или «передавать») обычно переводят на китайский язык словом *цзун ци* («главный владелец») или *нэн ци* («тот, кто владеет»). Дхарани считают хранилищем магической силы или же тем, что содержит глубокий смысл. Когда произносят дхарани, изгоняются любые злые духи, готовые препятствовать духовному действию ритуала.

Ниже представлены три наиболее часто читаемых дхарани. Даже при переводе их значение остается непонятным. Они состоят преимущественно из призывов и восклицаний. Призыв — это обращение к высшим силам, а восклицание — отпугивание злых духов. Само собой разумеется, практический результат этих изречений нельзя оценивать объективно.

ДХАРАНИ ДЛЯ УДАЛЕНИЯ БЕДСТВИЙ

Поклонение всем буддам!

Поклонение учению, которое не знает препятствий!

Так:

Ом! Кхья кхья кхьяхи кхьяхи (говори, говори)!

Хум хум!

Джвала джвала праджвала праджвала (гори, пылай)!

Тиштха тиштха (вверх, вверх)!

Стри стри (?)!

Спхата (расщепись, расколись)!

Тому, кто безмятежен!

Прославленному — слава!

ДХАРАНИ ВЕЛИКОГО СОСТРАДАТЕЛЯ

Поклонение Трем Драгоценностям!

Поклонение бодхисаттве-махасаттве Авалокитешваре, великому сострадателю!

Ом, тому, кто преодолевает все страхи!

Поклонившись ему, я могу войти в сердце того, у кого синяя шея, кто известен под именем благородного, прославленного Авалокитешвары! Оно означает завершение всякого смысла, оно совершенно, оно делает всех людей непобедимыми и расчищает путь существования.

¹ Возможно, от глагола *стри*, одно из значений которого — «убить», «сокрушить». — *Примеч. отв. ред.*

Так:
Ом, провидец, превзошедший мир!
О махабодхисаттва Хари!
Все, все!
Осквернение, осквернение!
Земля, земля!
Это сердце.
Выполняй, выполняй работу!
Держись стойко, держись стойко!
О великий победитель!
Продолжай, продолжай!
Я продолжаю!
Индре-создателю!
Двигай, двигай мою печать свободы от омрачений!
Приди, приди!
Услышь! Услышь!
Радость внезапно пробуждается во мне!
Говори, говори! Приказывай!
Хулу, хулу, мала, хулу, хулу, хиле!
Сара, сара! Сири, сири! Суру, суру!
Пробудись, пробудись!
Пробудился, пробудился!
О милосердный, имеющий синюю шею!
Радостному в смелости — слава!
Удачливому — слава!
Удачливейшему — слава!
Тому, кто достиг мастерства в практике, — слава!
Синешеему — слава!
Имеющему лик вепря — слава!
Тому, у кого голова и лицо льва, — слава!

Тому, кто держит в своих руках оружие, — слава!
Тому, кто держит в своих руках колесо, — слава!
Тому, кто держит в своих руках лотос, — слава!
Синешеему, действующему издалека, — слава!
Благодетелю, которого упоминали в этом дхарани
начиная с *намах*, — слава!
Поклонение Трем Драгоценностям!
Поклонение Авалокитешваре!
Слава!
Пусть эти [молящиеся] будут удачливы!
Этой таинственной формуле — слава!¹

ДХАРАНИ ПОБЕДОНОСНОГО ВЕНЦА БУДДЫ

Поклонение Благословенному — превосходнейшему
в тройственном мире!

Поклонение Просветленному, Благословенному!

А именно:

Ом! Очищай [нас], очищай [нас]! О тот, кто всегда
беспристрастен! Тот, кто, владея всепроникающим, все-

¹Эпитеты Авалокитешвары предполагают возможное влияние индуистской мифологической символики. Так, «синяя шея» — деталь образа Шивы-Нилакантхи, из сострадания к существам выпившего смертельный яд. «Лик вепря» намекает на аватару Вишну (Вараха, боров), «голова и лицо льва» — это другая аватара Вишну, Нарасинха (Человеколев). На изображениях многие индуистские божества держат в руках оружие, лотос, колесо (чакра). — *Примеч. отв. ред.*

освещающим светом, чист по своей природе, кто очистил от темноты пять путей существования!

О Сугата, осени нас бессмертной благодатью, которая состоит из самых лучших слов, из правдивых великих фраз!

Устрани несчастья, устрани несчастья, о ты, владеющий вечной жизнью!

Очисти нас, очисти нас, о ты, чистый как небо!

О ты, чистый как победоносный царь Будда!

О ты, испускающий тысячи лучей света!

О все татхагаты, видящие [целый мир]!

О ты, совершенный в шести парамитах!¹

О ты, держащий великую печать, дающую возможность духовной силы, которая исходит из сердца каждого татхагаты!

О ты, чье тело так же сильно и совершенно, как ваджра!

О ты, совершенно чистый, свободный от всех препятствий, от всех страхов и всех пагубных путей!

Отврати нас [от зла], ты, наслаждающийся свободной жизнью!

¹ *Шесть парамит* — шесть средств духовного совершенствования на пути бодхисаттвы: даяние (*дана*), обеты (*шила*), терпение (*кшанти*), старание (*вирья*), медитация (*дхьяна*) и мудрость (*праджня*). Иногда к списку парамит добавляют еще четыре: искусные методы (*упая*), желание помогать в достижении просветления (*пранидхана*), совершенствование десяти сил (*бала*) и запредельное знание (*джняна*). — Примеч. отв. ред.

Ты, наделяющий нас [силой] изначального завета!
О сокровище, сокровище, огромное сокровище! О Та-
ковость, которая является пределом реальности и
абсолютной чистотой!

О ты, чистый в своей возвышенной просветленности!
Будь победителем, будь победителем, будь всегда
победителем, будь всегда победителем!

Помни, помни!

О ты, чья чистота дарована всеми буддами!

О Ваджрагарбха, держащий *ваджру*! Пусть мое тело
будет подобным *ваджре*! Пусть все существа также бу-
дут подобны *ваджре*!

О ты, обладающий совершенно чистым телом! О ты,
абсолютно свободный от всех путей существования!
И позволь мне быть утешенным всеми татхагатами!

О ты, кому дарована утешающая сила всех татхагат!
Будь просветленным, будь просветленным, будь
всегда просветленным, будь всегда просветленным!

Сделай их просветленными, сделай их просветлен-
ными, сделай их навсегда просветленными, сделай их
навсегда просветленными!

О ты, совершенно чистый в самом прямом из путей!

О ты, держащий великую печать, наделенную духов-
ной силой, которая исходит из сердца каждого татха-
гаты!

Слава!

CYTPI

III

Чаще всего в дзэн читают такие сутры, как *Сингё* (*Праджняпарамита хридая*), *Каннонгё* (*Самантамукха париварта*) и *Конгокё* (*Ваджраччхедика*). *Сингё*, будучи самой короткой сутрой, читается практически во всех случаях. *Рёга* (*Ланкаватара*) имеет значение как исторический памятник, но, будучи трудной для понимания, мало изучается современными последователями дзэн. Для дальнейшей информации смотрите работы автора, посвященные этой сутре.¹ Большее значение, чем *Рёга*, имеет такая сутра, как *Рёгон* (*Шурангама*). Она полна глубоких мыслей, и в Китае ее изучали более тщательно, чем в Японии. Есть еще несколько махаянских сутр, с которыми ученикам дзэн следует ознакомиться, например *Конгосаммайкё* (*Ваджрасамадхи*), *Энгакукё* (*Сутра абсолютного просветления*), *Юймакё* (*Вималакирти сутра*) и *Ханьякё* (*Праджняпарамита*). Ни одна из них не была переведена на английский язык, за исключением *Юйма*, да и ту сейчас трудно достать.²

¹ См.: *The Laṅkāvatāra Sūtra*. Tr. by D. T. Suzuki. London, 1932.

² За десятилетия, прошедшие с первого издания данной книги, почти все эти произведения были переведены на западные языки, в основном на английский. — *Примеч. отв. ред.*

ПРАДЖНЯПАРАМИТА ХРИДАЯ СУТРА (СИНГЁ)

Когда (1)¹ бодхисаттва Авалокитешвара пребывал в глубокой праджняпарамите, он осознал, что существует пять скандх (2); и он увидел, что по своей природе они пусты (3).

«О Шарипутра, форма есть пустота (4), а пустота есть форма; форма — не что иное, как пустота, пустота же — не что иное, как форма; то, что есть форма, — и есть пустота, а то, что есть пустота, — и есть форма. То же самое может быть сказано о чувстве, мысли, мотивирующих факторах² и сознании.

О Шарипутра, все вещи характеризуются через пустоту: они не рождены и не уничтожены, они не омрачены и не просветлены, они не увеличиваются и не уменьшаются. Следовательно, Шарипутра, в пустоте нет формы, нет чувства, нет мысли, нет мотивирующих факторов и нет сознания; нет глаза, уха, носа, языка, тела, разума (5); нет формы, звука, цвета, вкуса, прикосновения, предметов (6); нет дхату зрения, нет и других дхату (7), вплоть до (8) дхату сознания, которого тоже нет; нет ни знания, ни не-знания (9) и т. п.; нет ни старости, ни смерти; нет ни угасания старости, ни смерти; нет страдания (10), нет накопления, нет

¹ В скобках дана нумерация примечаний, приводимых автором (Судзуки) после текста. — *Примеч. отв. ред.*

² В оригинале — *confection*, буквально «сласти», «конфекцион»; этим словом автор передает санскритский термин *санскара*. — *Примеч. отв. ред.*

уничтожения, нет пути; нет знания, нет достижения; нет [и] реализации,¹ раз нечего достигать. В сознании бодхисаттвы, который живет согласно праджняпарамите, нет препятствий;² и, преодолев омраченные воззрения, он достигает окончательной нирваны. Все будды прошлого, настоящего и будущего, пребывая в праджняпарамите, достигают высшего абсолютного просветления.

Поэтому следует знать, что праджняпарамита — это великая мантра, мантра великой мудрости, высшая мантра, несравненная мантра, которая способна уменьшить любое страдание; это правда, потому что это не ложь: эта мантра провозглашена в *Праджняпарамите*. Она звучит так: *Гате гате парagate парасангате бодхи сваха!* (О бодхи, ушедший, ушедший, ушедший к другому берегу, достигший другого берега, сваха!)

Примечания

1. Есть две версии текста, имеющего название *Хридая*: одна — малая, а другая — большая. Версия сутры, приведенная выше, — малая, именно ее используют в Японии и Китае.

¹ Это выражение (*набхисамаях*) отсутствует в китайских переводах, равно как и в рукописи из монастыря Хорюдзи.

² Санскр. *варана* — термин, который во всех китайских версиях переводится как «препятствие», что полностью соответствует учению праджняпарамиты. Перевод Макса Мюллера — «охватывание» — не очень хорош.

Вступительная часть, содержащаяся в большой версии текста на санскрите и тибетском и пропущенная в малой, звучит так:¹ «Т а к я с л ы ш а л. Однажды Почитаемый в Мире пребывал в Раджагрихе, на Коршуньей горе, вместе с огромным числом бхикшу и бодхисаттв. В то время Почитаемый в Мире пребывал в самадхи (медитации), известном как „глубокое просветление“. И в то же самое время великий бодхисаттва Арьявалокитешвара практиковался в глубокой праджняпарамите».

Заключительная же часть, которая также пропущена в краткой версии текста, гласит следующее: «О Шарипутра, так должен бодхисаттва упражняться в праджняпарамите. В это время Почитаемый в Мире вышел из самадхи и выразил одобрение великому бодхисаттве Арьявалокитешваре, сказав так: „Отлично, замечательно, благородный сын! Так и есть! Именно так и следует практиковать глубокую праджняпарамиту. Ты изложил это, и тебя восхвалили татхагаты и архаты“. Так сказал с радостным сердцем Почитаемый в Мире. Преподобный Шарипутра и великий бодхисаттва Арьявалокитешвара, вместе с остальным собранием, и сонмы

¹ Кроме того, в тибетском варианте есть еще и дополнительный пассаж: «Поклонение праджняпарамите, которая выше слов, мысли, выше всякой похвалы, чья природа, подобно пространству, не создана и не разрушена; поклонение праджняпарамите, которая находится в состоянии мудрости и нравственности, очевидной нашему внутреннему сознанию, и которая является матерью всех превосходных существ прошлого, настоящего и будущего».

Сэйсэцу Сэки. Каннон.

богов, людей, асуров и гандхарвов — все восхваляли речь Почитаемого в Мире».

2. С современной научной точки зрения концепция *скандхи* представляется слишком неопределенной и неясной. Но мы должны помнить, что происхождение буддийского способа анализа не обусловлено одним только научным интересом: буддизм стремится оградить нас от идеи высшей индивидуальной реальности, которая, как считают, существует вечно, сама по себе. Если принять эту идею, то совершится ошибка привязанности, а ведь именно привязанность есть то, что отдаёт нас на порабощение внешним вещам. Пять *скандх* («совокупностей», или «элементов») таковы: форма (*рупа*); ощущение, или сознание ощущения (*ведана*); мысль (*санджня*); факторы, или структуры (*санскара*); сознание (*виджняна*). Первая *скандха* — это материальный мир, или материальность вещей, в то время как оставшиеся четыре *скандхи* принадлежат к сфере разума. *Ведана* — это то, что мы получаем посредством наших чувств; *санджня* соответствует мысли в широком смысле слова или же тому, что вырабатывает разум; *санскара* — очень сложный термин, не имеющий точного эквивалента, он означает нечто формирующее, некий образующий принцип; *виджняна* — это сознание, или процесс мышления. Есть шесть форм сознания: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание и размышление.

3. В переводе Сюань-цзана есть следующее добавление: «Он был свободен от всякого страдания и несчастья».

Бодхидхарма.

4. «Пустота» (*шунья*), или «пустотность» (*шуньята*), — одно из наиболее важных понятий в махаянской философии и в то же время наиболее труднодоступное для небуддийских читателей. Под термином «пустота» не подразумевается «относительность», «феноменальность», «небытие»; скорее, он означает абсолют, или нечто, имеющее трансцендентальную природу, хотя и такое толкование также обманчиво, как мы увидим позже. Когда буддисты утверждают, что все вещи должны быть пусты, они не отстаивают нигилистическую точку зрения; напротив, они намекают на запредельную реальность, которая не может быть отнесена к какой-либо категории логики. Для них провозгласить обусловленность вещей — значит указать на существование чего-то совершенно необусловленного и превосходящего все определения. Таким образом, слово «шуньята» зачастую лучше всего переводить как «абсолют». Если в сутре говорится, что пять скандх пусты или что в пустоте нет ни создания, ни разрушения, ни омрачения, ни просветления и т. д., то смысл этого таков: абсолюту не следует приписывать никаких ограничивающих качеств. В то время как абсолют присутствует во всех конкретных, индивидуальных объектах, сам по себе он неопределим. Следовательно, неизбежным результатом в философии праджни становится универсальное отрицание.

5. Здесь упоминаются шесть органов чувств. В буддийской философии разум (*мановиджняна*) — это особый орган чувства, с помощью которого схватывается *дхарма*, или объект мысли.

6. Речь идет о шести качествах внешнего мира, которые становятся объектами шести чувств.

7. Имеются в виду восемнадцать *дхату*, которые включают шесть органов чувств (*индрия*), шесть объектов чувств (*вишая*) и шесть сознаний (*виджняна*).

8. «Вплоть до» (санскр. *яват*, кит. *най чжи*) — достаточно часто встречающееся в буддийской литературе выражение, позволяющее избегать повторения того, что хорошо известно. Если целиком перечислять все элементы в этих классификациях, то они могут показаться в какой-то степени запутанными и частично совпадающими друг с другом.

9. Это полное отрицание Двенадцатеричной цепи причинно-следственного возникновения (*пратитья-самутпада*), которая состоит из следующих элементов: неведение (*авидья*), действие (*санскара*), сознание (*виджняна*), имя-и-форма (*намарупа*), шесть органов чувств (*шадаятана*), контакт (*спарша*), ощущение (*ведана*), желание (*тришна*), привязанность (*упадана*), жизнь (*бхава*), рождение (*джати*), старость-и-смерть (*джарамарана*). Эта цепь из двенадцати звеньев была предметом частых дискуссий буддийских ученых.

10. Безусловно, здесь содержится аллюзия на Четыре благородные истины (*сатья*): 1) жизнь — это страдание (*дуккха*); 2) из-за скопления (*самудая*) злой кармы; 3) причина страдания может быть уничтожена (*ниродха*), 4) и для этого есть особый путь (*марга*).

САМАНТАМУКХА ПАРИВАРТА (КАННОНГЁ)

Как правило, эта сутра известна под японским (*Каннонгё*) и китайским (*Гуань-инь цзин*) названиями. Она образует двадцать пятую главу *Саддхарма пундарика сутры* («Сутра Лотоса Благого Закона») в переводе Кумарадживы и на санскрите называется *Самантамукха париварта*. Это одна из наиболее популярных сутр в Японии, особенно среди последователей Благородного пути, включая школы дзэн, тэндай, сингон, нитирэн и т. д.

Согласно японским специалистам, первоначально, в санскритском варианте, в названии текста стояло не «Авалокитешвара» (яп. Каннон), а «Авалокитасвара». Если это так, тогда *Каннон* — более точный перевод, чем *Кандзэон* (кит. *Гуань-ши-инь*) или *Кандзидзай* (кит. *Гуань-цзы-цзай*). Слово «Авалокитасвара» означает «обладатель зримого (слышимого) голоса». От этого бодхисаттвы исходит голос, который слышится и воспроизводится всеми людьми по-разному, и только благодаря этому слышанию они освобождаются от бедствий, в которые оказались втянуты.

Настоящий перевод основан на китайском переводе Кумарадживы. В чтении имен собственных сохранено японское произношение.

И тогда Мудзинни-босацу¹ поднялся со своего места, обнажил правое плечо, повернулся, сложив ладони,

¹ Санскр. бодхисаттва Акшаямати; буквально — «бодхисаттва неистощимого ума».

к Будде и спросил: «О Почитаемый в Мире, по какой причине Кандзэон-босацу получил такое имя?»

Будда ответил Мудзинни-босацу: «О благородный муж, если сотни тысяч мириад *коти*¹ существ, страдающих от различных видов несчастий, узнают об этом Кандзэон-босацу, сосредоточенно произнесут его имя, они тут же услышат его голос и получают освобождение.

Даже если люди упадут в большой костер, то, повторяя имя Кандзэон-босацу, они не будут затронуты огнем благодаря духовной силе этого босацу. Если их носят разъяренные волны, то стоит им только произнести его имя, и их выбросит на мелководье.

Когда сотни тысяч мириад *коти* людей выходят в великий океан, надеясь отыскать там такие сокровища, как золото, серебро, лазурит, морские раковины, сердолик, коралл, янтарь, жемчужины и другие драгоценные камни, их лодки могут быть потоплены жестокими штормами или их может выбросить на остров ракшасов. Но если среди этих людей окажется хотя бы один, кто произнесет имя Кандзэон-босацу, все они будут избавлены от опасности, [которая наверняка грозит им] от ракшасов. По этой причине босацу и назван Кандзэон.

Далее, если кому-либо вот-вот должны нанести повреждение, то от произнесения имени Кандзэон-босацу меч или палка, которую держит [его палач], сразу же разлетится на кусочки и человек получит избавление.

¹ Десять миллионов. — Примеч. отв. ред.

Если все якши и ракшасы, наполнив три тысячи великих миров, придут к какому-либо человеку и будут досаждать ему, они могут услышать, как тот произносит имя Кандзэон-босацу, и тогда они не посмеют взглянуть на него своими злыми глазами и причинить хоть какой-нибудь вред.

Далее, если кто-либо, виноват он или безвиновен, окажется закованным в цепи или наручники, то, произнеся имя Кандзэон-босацу, он увидит, как они разобьются вдребезги, и обретет свободу.

Может быть так, что все земли в трех тысячах великих миров заполнятся врагами и какой-нибудь купец со своим караваном, нагруженным драгоценными сокровищами, будет проходить через опасные ущелья. И один из группы скажет другим: «О добрые люди, не бойтесь, но лишь сосредоточенно произнесите имя Кандзэон-босацу — и этот босацу даст нам бесстрашие. Произнесите его имя — и вы будете избавлены от врагов». Выслушав это, вся группа станет декламировать и хором воскликнет: «Да поклонимся мы Кандзэон-босацу!» Благодаря этому восклицанию, обращенному к босацу, они будут освобождены. О Мудзинни, такова внушающая благоговение духовная сила Кандзэон-босацу-макасацу.

Если люди одержимы чрезмерной страстью, пусть они всегда почтительно думают о Кандзэон-босацу — и тогда освободятся от страсти. Если они одержимы чрезмерным гневом, пусть они всегда почтительно думают о Кандзэон-босацу — и тогда освободятся от гнева. Если они одержимы чрезмерной глупостью, пусть

они всегда почтительно думают о Кандзэон-босацу — и тогда освободятся от глупости. О Мудзинни, таким могуществом наделена его духовная сила, полная блаженства. Поэтому пусть все существа всегда думают о нем.

Если женщина желает родить мальчика, пусть она совершит поклонение и принесет жертвы Кандзэон-босацу — и у нее появится мальчик, наделенный блаженством и мудростью. Если же она желает иметь девочку, то у нее родится девочка, приятная обликом, наделенная всеми достоинствами [благородной женщины], и за то, что мать вырастила благие заслуги, дитя будет любимо и уважаемо всеми существами. О Мудзинни, такова сила Кандзэон-босацу.

Если все люди будут почитать Кандзэон-босацу и приносить ему жертвы, они обязательно получат от этого блага. Поэтому пусть все люди повторяют имя Кандзэон-босацу. О Мудзинни, как ты думаешь, если человек шестьдесят два миллиарда раз повторяет имена всех бодхисаттв, столь же бесчисленных, сколь бесчисленны песчинки в Ганге, и до конца своей жизни совершает им подношение в виде пищи и питья, одежды, постельных принадлежностей и лекарств, — разве заслуга, накопленная в связи с такими деяниями, не является великой?»

Мудзинни ответил: «Поистине величайшей, о Почитаемый в Мире!»

Будда сказал: «А вот представь другого человека. Если он будет повторять имя Кандзэон-босацу совсем недолго и сделает подношение босацу, его заслуга будет равновелика заслуге от упомянутых выше деяний и не будет исчерпана даже через сотни тысяч миллиардов

коти калып. Те, кто повторяет имя Кандзэон-босацу, обретут неизмеримые и неисчислимые благодатные заслуги».

Мудзинни-босацу сказал Будде: «О Почитаемый в Мире, каким образом Кандзэон-босацу посещает этот мир *сах*?¹ Как он проповедует дхарму всем существам? Каковы его искусные методы?»²

Будда сказал Мудзинни-босацу: «О благородный муж, если в какой-либо стране существ нужно спасти, приняв облик будды, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик пратьекабудды, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик шраваки, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик Брахмы, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

¹ Т. е. *сахалока*, или «мир терпения». [Согласно буддийской космографической модели, беспредельная вселенная включает в себя бесчисленное множество миров; один из них — это «локадхату», или *сахалока*, — мир, населенный людьми. Каждому миру покровительствуют свои будды и бодхисаттвы. — Примеч. отв. ред.]

² Санскр. *упая* — средства, которые использует бодхисаттва для духовной помощи существам. В своей совокупности упая образуют принцип сострадания (*каруна*), с которым коррелирует *праджня*, или высшая мудрость. — Примеч. отв. ред.

Если для спасения существ нужно принять облик Шакрендры, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик Ишвары, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик Махешвары, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик чакравартина, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик Вайшраваны, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик местного правителя, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик домохозяина, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик мирского последователя, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик чиновника, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик брахмана, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик *бхикшу*, или *бхикшуни*, или *упасаки*, или *упасики*, босацу предстанет перед ними в соответствующем облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик супруги домохозяина, или супруги мирского последователя, или супруги чиновника, или супруги брахмана, босацу предстанет перед ними в соответствующем облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик юноши или девушки, босацу предстанет перед ними в соответствующем облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик дэвы, наги, якши, гандхарвы, асуры, гаруды, киннары, махораги, человека или не-человека, босацу предстанет перед ними в соответствующем облике и будет проповедовать им дхарму.

Если для спасения существ нужно принять облик Ваджрапани, босацу предстанет перед ними в этом облике и будет проповедовать им дхарму.¹

¹ Будда перечисляет различные разряды существ. *Пратьекабудда* — монашествующий последователь буддизма, совершенствующийся в одиночку; *шравака* — буддист-монах, входящий в общину [пратьекабудды и шраваки — два основных типа практикующих монахов (т. е. в одиночку и коллективно) в буддизме хинаяны]; *Брахма*, *Шакрендра*, *Ишвара*, *Махешвара*, *Вайшравана* (Кубера) — индуистские божества, перечисленные в нисходящем по иерархии порядке; *чакравартин* («вращающий колесо») — мировой правитель, высший тип царя; *бхикшу* — монах как таковой; *бхикшуни* — монахиня; *упа-*

О Мудзинни, вот так этот Кандзэон-босацу совершает благородные деяния, принимая множество обликов; посещая различные земли, он спасает и освобождает существ. Поэтому нужно искренне делать подношения Кандзэон-босацу. Есть много страхов, опасностей и бедствий, но именно он дарует нам бесстрашие,¹ и потому его называют в этом мире саха „единственным, дарующим бесстрашие“».

Мудзинни-босацу сказал Будде: «Я желаю сделать подношение Кандзэон-босацу».

Сказав так, он снял свое ожерелье, унизанное различными драгоценными камнями и стоившее сотни тысяч золотых монет, и подарил его Кандзэон-босацу со словами: «О достопочтенный, прими это ожерелье из драгоценных камней как подношение дхармы».

Кандзэон-босацу отказался принять его, после чего Мудзинни сказал ему: «О достопочтенный, прошу, прими ожерелье из сострадания ко всем нам».

Тогда Будда сказал Кандзэон-босацу: «Из сострадания к Мудзинни-босацу и четырем видам существ, а также из сострадания к дэвам, нагам, якшам, гандхарвам, асурам, гарудам, киннарам, махорагам, людям и

сака — мирянин; *упасика* — мирянка [бхикшу, бхикшуни, *упасака* и *упасика* — четыре социальных группы, образующих сангху (буддийскую общину)]; *дэвы*, *наги*, *якши*, *гандхарвы*, *асуры*, *гаруды* (обычно в единственном числе, как *Гаруда*), *киннары*, *махораги* — различные виды полубожественных существ из «низшей» индуистской мифологии; *Ваджрапани* — бодхисаттва мудрости. — *Примеч. отв. ред.*

¹ «Безопасность», или, лучше сказать, «веру».

не-людям и всем другим прими, о Кандзэон-босацу, это ожерелье».

И из сострадания к четырем видам существ, а также к дэвам, людям, не-людям и другим Кандзэон-босацу принял ожерелье и, разделив его на две равные части, подарил одну Сякамуни Буцу (Будде Шакьямуни), а другую — святилицу¹ Тахо Буцу (Будде Прабхутаратне).

«О Мудзинни, таким способом Кандзэон-босацу, обладающий столь чудесной сверхъестественной духовной силой, посещает этот мир *саха*».

В это время Мудзинни-босацу спросил, облакая слова в стихотворную форму:

«О Почитаемый в Мире, обладающий изысканным обликом, позволь задать еще один вопрос. По какой причине сын будды назван Кандзэон?»

Почитаемый в Мире, обладающий изысканным обликом, так же отвечал Мудзинни: «Восприми то, что я скажу о жизни Кандзэон! Он всегда готов отозваться на призывы, обращенные к нему со всех сторон света. Его вселенские клятвы глубоки как океан. В течение веков, находясь за пределами понимания, он служил мириадам будд и следовал великим обетам чистоты.

Я расскажу о них кратко. Услышав его имя, увидя его, подумав о нем без праздности, люди смогут разглядеть любые виды зла, имеющиеся во всех мирах.

¹ «Святилище» — санскр. *ступа*; сооружение, созданное над останками чтимого буддийского святого или другими реликвиями. — *Примеч. отв. ред.*

Если враг, желая причинить вред кому-либо, толкает его вниз, в огромную огненную яму, пусть этот человек направит свои мысли на могущество Каннон — и огненная яма превратится в пруд.

Если человека, дрейфующего в огромном океане, вот-вот проглотят наги, рыбы или какие-либо злобные существа, пусть он направит свои мысли на могущество Каннон — и волны не уничтожат его.

Если враг сбросит человека с вершины горы Сумеру, пусть тот направит свои мысли на могущество Каннон — и тогда сброшенный повиснет в воздухе, словно солнце.

Если человек, преследуемый злодеями, натолкнется на гору Ваджра, пусть он направит свои мысли на могущество Каннон — и ни один волосок не упадет с его головы.

Если человек окружен армией врагов, каждый из которых держит меч и готов изувечить его, пусть он направит свои мысли на могущество Каннон — и в сердцах врагов появится сострадание.

Если человека, которого подверг гонениям тиран, вот-вот должны казнить, пусть он направит свои мысли на могущество Каннон — и меч палача тут же разлетится на куски.

Если человек окажется в тюрьме, где будет скован по рукам и ногам наручниками и кандалами, пусть он направит свои мысли на могущество Каннон — и тогда будет освобожден от оков.

Если человеку намереваются нанести вред посредством магических или ядовитых трав или растений,

пусть он направит свои мысли на могущество Каннон — и проклятие обратится на людей, от которых пришло.

Если человек встретится с воинством ракшасов, или дышащих ядом нагов, или злых духов, пусть он направит свои мысли на могущество Каннон — и ему не будет причинено никакого вреда.

Если человек окружен дикими зверями с наводящими ужас острыми зубами и когтями, пусть он направит свои мысли на могущество Каннон — и они быстро разбегутся в различных направлениях.

Если на человека нападут змеи и скорпионы, изрыгающие яд, чтобы отравить его, пусть он направит свои мысли на могущество Каннон — и они унесутся прочь в ужасе.

Когда в грозовых облаках сверкают молнии и начинается крупный град или сильный ливень, пусть он направит свои мысли на могущество Каннон — и непогода тут же прекратится.

Если на существ обрушилось несчастье и они испытывают нестерпимые страдания, [пусть они направят свои мысли на могущество] Каннон, который, будучи наделен непостижимой силой мудрости, защитит их от всех бедствий в мире.

Каннон обладает чудесными силами, глубокими знаниями и искусными средствами, и во всех землях десяти сторон света нет места, где бы он ни появлялся.

Разнообразные пагубные пути таких существ, как демоны, злые духи, отвратительные создания и т. д., а также страдания, возникающие из-за рождения,

старости, болезни и смерти, — все они постепенно будут уничтожены.

[Каннон —] тот, кто смотрит на мир истинным оком; он свободен от омрачения, имеет далеко простирающееся знание; к нему, преисполненному любви и сострадания, всегда будут обращаться с молитвами и всегда будут прославлять его.

Он — чистый, незапятнанный источник света; подобно солнцу, он рассеивает темноту с помощью мудрости, а также гасит все разрушительные действия ветра и огня; его всеозаряющий свет наполняет мир.

Он контролирует свое «тело любви», словно сдерживает гром, который сотрясает мир; его чувство сострадания — все равно что огромное облако, из которого, заставляя угаснуть пагубные страсти, изливается дождь дхармы, подобный чудесному нектару.

Если человеку выносят обвинительный приговор или если ему угрожают войной, пусть он направит свои мысли на могущество Каннон — и все его враги отступят.

[Его голос —] самый чудесный; это голос, который слышит весь мир; это голос Брахмы, голос океана; его голос превосходит все голоса в мире. По этой причине пусть наши мысли будут всегда направлены на него.

Пусть в нас никогда не возникнет сомнение в Кандэон, совершенно чистом и святом, подлинном прибежище и спасителе от бедствий, скорби, смерти и катастроф.

Он обладает всеми заслугами, он взирает на все оком сострадания и, подобно океану, таит в себе бесценные

достоинства. По этой причине ему следует поклоняться».

В это время Дзидзи-босацу¹ поднялся со своего места, встал перед Буддой и сказал: «О Почитаемый в Мире, поистине немалыми заслугами наделены те, кто слушает эту главу о Кандзэон-босацу, в которой описывается его жизнь, полная совершенств, — жизнь того, кто, будучи наделенным чудесными свойствами, показывает себя во всех сторонах света.

Когда Будда закончил проповедовать эту главу о Всестороннем, все собравшиеся люди, а их было восемьдесят четыре тысячи, ощутили желание достичь высшего, ни с чем не сравнимого просветления.

ВАДЖРАЧЧХЕДИКА СУТРА (КОНГОКЁ)

Конгокё — японское название этой сутры. Ее полное санскритское название — *Ваджраччхедика-праджняпарамита сутра*. Она принадлежит к жанру праджня махаянской литературы. Тем, кто не привык к такому роду рассуждений, будет интересно узнать, каков запредельный смысл всех этих отрицаний. Диалектика праджни означает приведение к высшему утверждению через опровержение простого прямого высказывания. От гегелевской диалектики она отличается

¹ Санскр. бодхисаттва Дхараниндхара, «тот, кто держит землю».

прямотой и интуитивностью. В основу данного перевода лег китайский перевод Кумарадживы, созданный в 402—412 гг. н. э.

1. Так я слышал. Однажды Будда остановился в саду Анатхапиндаки, в роще Джета, что в царстве Шравасты; с ним было 1250 великих бхикшу. Когда настало время принятия пищи, Почитаемый в Мире надел свое верхнее одеяние и, с чашей в руке, пошел в великий город Шравасты за подаянием. Обойдя дома и закончив собирать милостыню, он вернулся обратно и принялся за еду. Поев, он убрал одеяние и чашу, омыл ноги, расположился и сел.

2. Затем достопочтенный Субхути, находившийся среди собравшихся, поднялся со своего места, обнажил правое плечо, преклонил правое колено и, почтительно сложив ладони, обратился к Будде со следующими словами: «Это прекрасно, о Почитаемый в Мире, что Татхагата постоянно думает обо всех бодхисаттвах и правильно их наставляет. О Почитаемый в Мире, если у благородных мужчин и благородных женщин когда-либо возникнет желание обрести высшее просветление, на что им опираться? Как им контролировать свои мысли?»

Будда отвечал: «Поистине хорошо сказано, о Субхути! Ты прав, говоря, что Татхагата очень много думает обо всех бодхисаттвах и правильно наставляет их. Но сейчас слушай внимательно то, что я скажу тебе. Если у благородных мужчин и женщин когда-либо возникнет желание обрести высшее просветление, они должны

опираться на него таким образом и так должны контролировать свои мысли».

«Так тому и быть, о Почитаемый в Мире. Желая выслушать тебя».

3. Будда сказал Субхути: «Все бодхисаттвы-махасаттвы должны контролировать свои мысли. Все виды живых существ — рожденные из яйца, рожденные из чрева, рожденные сверхъестественным путем; те, у кого есть форма, и те, у кого ее нет; те, кто имеет сознание, и те, у кого оно отсутствует, — всем им я помогаю войти в нирвану, за пределами которой нет ничего, и с моей помощью они достигают окончательного освобождения. Казалось бы, таким образом освобождаются бесчисленные существа, но на самом деле нет существ, которые обретают освобождение. И почему, Субхути? Потому, что если бодхисаттва имеет представление о „я“, существе или душе, то он не является бодхисаттвой».

4. Далее, Субхути! Если бодхисаттва практикует милосердие, он не должен лелеять какого-либо представления; то есть он не должен иметь представления ни о форме, когда практикует милосердие, ни о звуке, запахе, осязании или о качестве.¹ Субхути, бодхисаттва должен практиковать милосердие так, чтобы не иметь никакого представления о форме. Почему? Если бодхисаттва будет практиковать милосердие, не имея никакого представления о форме, его заслуга превзойдет всякое

¹Имеется в виду *дхарма*, т. е. мысль, объект мановиджняны, подобно тому как форма (*рупа*) — это объект зрения, звук — объект слышания, запах — объект обоняния и т. д.

понимание. Как ты думаешь, Субхути? Можешь ли ты иметь представление о пространстве, простирающемся в восточном направлении?»

«Нет, Почитаемый в Мире, не могу».

«Субхути, можешь ли ты иметь представление о пространстве, простирающемся на юг, запад или север, выше или ниже?»

«Нет, Почитаемый в Мире, не могу».

«Вот, Субхути, так и в случае с заслугой бодхисаттвы, который практикует милосердие, не имея никакого представления о форме; оно вне представления. Субхути, бодхисаттва должен возвращать в себе только то, чему его учили».

5. «Как ты думаешь, Субхути? Можно ли постичь Татхагату в его человеческом облике?»

«Нет, Почитаемый в Мире, его нельзя постичь в человеческом облике. Почему? Согласно Татхагате, человеческий облик — это не-человеческий облик».

Будда отвечал Субхути: «Все, что имеет форму, иллюзорно. Когда приходит осознание того, что всякая форма — это не-форма, тогда и можно постичь Татхагату».

6. Субхути спросил Будду: «Почитаемый в Мире, если люди услышат такие слова и утверждения, обретут ли они твердую веру в них?»

Будда отвечал: «Не говори так. За последние пятьсот лет после прихода Татхагаты появлялись существа, практиковавшие нравственные предписания и потому имевшие заслуги; этим существам посчастливилось слышать эти утверждения и взрастить истинную веру

в них. Ты должен знать, что эти существа возвращали корень своих заслуг не только при одном, двух, трех, четырех или пяти буддах, но даже и при тысячах мириад *асанкхей*¹ будд. Субхути, все те, кто, услышав эти утверждения, пробуждают в себе хотя бы одну мысль об истинной вере, известны Татхагате, и он признает за ними неизмеримые заслуги. Почему? Да потому что все эти существа избавились от понятий „я“, „личность“, „существо“, „душа“; они избавились и от понятия „дхарма“, и от понятия „не-дхарма“. Почему? Потому, что, если они помещают в свой ум понятие „форма“, они привязываются к понятиям „я“, „личность“, „существо“ или „душа“. Если они возвращают понятие „дхарма“, то привязываются к понятиям „я“, „личность“, „существо“ или „душа“. Почему? Если они возвращают понятие „не-дхарма“, они привязываются к понятиям „я“, „личность“, „существо“ или „душа“. Поэтому не следует возвращать ни понятия „дхарма“, ни понятия „не-дхарма“. По этой причине Татхагата всегда проповедует так: „О бхикшу, знайте, что мое учение подобно парому. Следует отказаться даже от понятия „дхарма“, тем более от понятия „не-дхарма“».

7. «Как ты думаешь, Субхути? Достиг ли Татхагата высшего просветления? Проповедовал ли он что-либо?»

Субхути отвечал: «Почитаемый в Мире, насколько я понимаю учение Будды, нет никакой неизменной доктрины, проповеданной Татхагатой. И почему? Пото-

¹ *Асанкхей* (санскр. «неисчислимо») — нечто неопределенно огромное; частый термин в буддизме. — *Примеч. отв. ред.*

му, что доктрины, которую он проповедует, не следует придерживать, ее не следует проповедовать; это ни дхарма, ни не-дхарма. И почему это так? Потому, что все мудрые люди принадлежат к категории не-действия (*асанскара*) и, кроме того, они отличны друг от друга».

8. «Как ты думаешь, Субхути? Если человек наполнит три тысячи великих миров семью видами драгоценных сокровищ и раздаст их как милостыню, станет ли он великим благодаря этой заслуге?»

Субхути отвечал: «Он станет поистине великим, о Почитаемый в Мире».

«Почему? Потому, что ценность его заслуги заключается в отсутствии какой-либо заслуги. Поэтому Татхагата говорит о заслуге, как о великой заслуге. И если кто-либо прочитает хотя бы четыре строки этой сутры и станет проповедовать ее другим, то его заслуга будет выше, чем заслуга того, о ком мы только что говорили. Это потому, Субхути, что все будды со всем своим высшим просветлением происходят из этой сутры. Субхути, то, что известно как учение Будды, на самом деле не есть учение Будды.

9. Как ты думаешь, Субхути? Мыслит ли *сротапанна*¹ таким образом: «Я обрел плод сротапатти?»»

Субхути отвечал: «Нет, Почитаемый в Мире, он так не мыслит. Почему? Потому, что хотя слово *сротапанна* означает «входящий в поток», на самом

¹ *Сротапанна*, а также ниже *сакридагамин*, *анагамин* и *архат* — четыре типа «благородных личностей» раннего буддизма, представленные в порядке возрастания их заслуг. — Примеч. отв. ред.

деле нет никакого входа. Его называют *сротапанной* потому, что он не проникает в [мир] формы, звука, запаха, вкуса, осязания и качества».

«Как ты думаешь, Субхути? Мыслит ли *сакридагамин* таким образом: „Я обрел плод сакридагамина“?»

Субхути отвечал: «Нет, Почитаемый в Мире, он так не мыслит. Почему? Потому, что хотя слово *сакридагамин* означает «приходящий и уходящий лишь однажды», на самом деле нет того, кто приходит и уходит; поэтому он и называется *сакридагамином*».

«Субхути, как ты думаешь? Мыслит ли *анагамин* таким образом: „Я обрел плод анагамина“?»

Субхути отвечал: «Нет, Почитаемый в Мире, он так не мыслит. Почему? Потому, что хотя слово *анагамин* означает „не-приходящий“, на самом деле нет того, кто не приходит; поэтому его и называют *анагамином*».

«Субхути, как ты думаешь? Мыслит ли *архат* таким образом: „Я обрел плод архатства“?»

Субхути отвечал: «Нет, Почитаемый в Мире, он так не мыслит. Почему? Потому, что нет дхармы, которую следует называть *архатом*. Если, Почитаемый в Мире, архат думает, что он обрел плод архатства, это значит, что он привязан к понятиям „я“, „личность“, „существо“ или „душа“. Даже если Будда говорит, что я — первый из тех, кто достиг *арана-самадхи*,¹ что я — первый из архатов, освободившихся от дурных желаний,

¹ Т. е. самадхи, не встречающее сопротивления. *Арана* [санскр. *аранья*. — Примеч. отв. ред.] также означает лес или место, где йогин практикуется в медитации.

то я, о Почитаемый в Мире, не возвращаю той мысли, будто достиг архатства. Почитаемый в Мире, [иначе] ты бы не сказал мне: „О Субхути, ты — единственный, кто радуется жизни, не встречающей сопротивления“. Только потому, что Субхути совершенно не привязан к этой жизни, он, как говорят, — „единственный, кто радуется жизни, не встречающей сопротивления“».

10. Будда спросил Субхути: «Как ты думаешь? Когда в древности Татхагата пребывал вместе с Буддой Дипанкарой, постиг ли он дхарму?»

«Нет, Почитаемый в Мире, не постиг. Когда Татхагата пребывал с Буддой Дипанкарой, он никоим образом не постиг дхарму».

«Субхути, как ты думаешь? Украшает ли бодхисаттва какую-либо Землю Будды?»

«Нет, Почитаемый в Мире, не украшает».

«Почему? Потому, что украшать Землю Будды — значит не украшать ее, и именно поэтому и называют это украшением Земли Будды. Следовательно, Субхути, все бодхисаттвы-махасаттвы должны возвращать чистую мысль. Они не должны возвращать мысль, привязанную к форме; они не должны возвращать мысль, привязанную к звуку, запаху, вкусу, осязанию и качеству; они должны возвращать мысль, которая ни в чем не пребывает. Субхути, это подобно человеческому телу, равному по величине горе Сумеру. Как ты думаешь? Разве это не большое тело?»

Субхути отвечал: «Очень большое, Почитаемый в Мире. Почему? Потому, что Будда учит: то, что называется не-телом, известно как огромное тело».

11. «Субхути, вообрази себе все песчинки Ганга и представь, что существует столько же Гангов, сколько этих песчинок. Как ты думаешь? Много ли будет песчинок во всех этих реках?»

Субхути отвечал: «Чрезвычайно много, Почитаемый в Мире».

«Если даже в одном Ганге этих песчинок — невообразимое количество, то насколько же больше песчинок во всех этих Гангах! Субхути, я хочу услышать твой ответ. Допустим, есть благородный мужчина или благородная женщина, которые наполняют все миры во всех трех тысячах великих миров — все миры, бесчисленные, как песчинки в этих Гангах, — семью видами драгоценностей и жертвуют их в качестве милостыни: будет ли эта их заслуга великой?»

Субхути отвечал: «Поистине величайшей, Почитаемый в Мире».

Будда сказал Субхути: «Если благородный мужчина или благородная женщина, изучив хотя бы четыре строки этой сутры, будут проповедовать ее другим, его или ее заслуга будет во много раз больше заслуги того, кто упомянут выше.

12. Далее, Субхути! То место, где эта сутра или хотя бы четыре ее строки проповедуются, будет уважаемо всеми существами, включая дэвов, асуров и других, как если бы это была собственная ступа или чайтья Будды. Насколько же выше тот, кто может изучить и декламировать эту сутру! Субхути, ты должен знать, что этот человек совершает высочайший, выдающийся и самый замечательный подвиг. Любое место, где хранится эта

сутра, должно рассматриваться так, как будто бы там присутствует сам Будда или кто-либо из его почтенных учеников».

13. Субхути спросил Будду: «Почитаемый в Мире, как надлежит называть эту сутру? Каким образом мы будем изучать ее?»

Будда отвечал Субхути: «Название этой сутры — *Ваджрапраджняпарамита*, и под этим названием тебе следует изучать ее. Субхути, дело в том, что согласно учению Будды праджняпарамита — это не-праджняпарамита, и потому она названа праджняпарамитой. Субхути, как ты думаешь? Существует ли что-либо, о чем проповедует Татхагата?»

Субхути отвечал Будде: «Почитаемый в Мире, нет ничего, о чем мог бы проповедовать Татхагата».

«Субхути, как ты думаешь? Много ли пылинок в трех тысячах великих миров?»

Субхути отвечал: «Чрезвычайно много, Почитаемый в Мире».

«Субхути, Татхагата проповедует, что все эти пылинки — не-пылинки, и потому они называются пылинками; он учит, что мир — это не-мир, и потому он называется миром. Субхути, как ты думаешь? Обладает ли Татхагата тридцатью двумя признаками [великого человека]?»

«Нет, Почитаемый в Мире, не обладает».

«Татхагату не следует познавать по тридцати двум признакам потому, что, как сказано, Татхагата учил о тридцати двух признаках как о не-признаках, и потому они называются тридцатью двумя признаками. Субху-

ти, если есть благородный мужчина или благородная женщина, которые жертвуют своими жизнями столько раз, сколько содержится песчинок в Ганге, его или ее заслуга, обретаемая в результате подобного действия, не превышает заслугу того, кто, изучив хотя бы одну гатху из четырех строк, входящую в эту сутру, проповедует ее другим».

14. В это время Субхути, слушая эту сутру, обрел глубокое понимание ее смысла и, со слезами признательности, сказал Будде: «Поистине прекрасно, Почитаемый в Мире, что Будда учит нас этой сутре, полной глубокого смысла. Таковую сутру я никогда прежде не слышал, даже имея око мудрости, обретенное мною в прошлых жизнях. Почитаемый в Мире, если человек, услышав эту сутру, приобретет чистое верующее сердце, у него появится истинное понимание вещей. Он получит известность за свое обретение чудесной добродетели. Почитаемый в Мире, то, что известно как истинное понимание, есть не-понимание, и потому оно называется истинным пониманием.

Почитаемый в Мире, мне нетрудно уверовать в эту сутру, понять и изучить ее, но если в будущем, в грядущие пятьсот лет, найдутся существа, которые, услышав эту сутру, будут способны уверовать в нее, понять и изучить ее, они станут поистине превосходнейшими существами. Почему? Потому, что у них не будет понятия „я“, „личность“, „существо“ или „душа“. И по какой причине? Понятие „я“ — это не-понятие [„я“], понятия „личность“, „существо“ или „душа“ — не-понятия [„личность“, „существо“ или „душа“]. И по

какой причине? Они суть будды, свободные от любых понятий».

Будда сказал Субхути: «То, что ты сказал, верно. Если человек, услышав эту сутру, не испугается, не встревожится и не забеспокоится, тебе следует отличать его как прекрасного человека. Почему? Субхути, Татхагата учил о первой парамите как о не-первой парамите, и потому она названа первой парамитой. Субхути, Татхагата говорил о парамите терпения как о не-парамите терпения, и потому она является парамитой терпения. Почему? Субхути, в давние времена, когда царь Калинги разрезал мое тело на куски, я не имел ни понятия „я“, ни понятия „личность“, ни понятия „существо“, ни понятия „душа“. Почему? Мое тело было расчленено, конечность за конечностью, сустав за суставом, и если бы я имел тогда понятие „я“, понятия „личность“, „существо“ или „душа“, то во мне пробудились бы гнев и злоба. Субхути, я помню, как в одном из своих пятиста перерождений я был *риши* по имени Кшанти,¹ и в те времена у меня не было ни понятия „я“, ни понятий „личность“, „существо“ или „душа“.

Потому, Субхути, тебе следует, отрешась от всех понятий, развивать в себе желание высшего просветления. Ты должен возвращать мысль, которая не привязывается к форме; ты должен возвращать мысль,

¹ *Риши*, в узком смысле слова, — поэт, создатель гимнов «Ригведы», в широком смысле — святой мудрец. *Кшанти* — буквально «терпение», одна из шести парамит бодхисаттвы. — *Примеч. отв. ред.*

которая не привязывается к звуку, запаху, вкусу, осязанию или качеству. Какими бы ни были твои мысли, они не должны привязываться к чему-либо. Если мысль к чему-то привязывается, то это называется не-привязанностью мысли. Поэтому Будда учит, что бодхисаттва не должен практиковать милосердие, привязываясь к форме. Субхути, причина, по которой он практикует милосердие, состоит в желании помочь всем существам.

Татхагата учит тому, что все понятия — это непонятия и что все существа — это не-существа. Субхути, Татхагата — тот, кто высказывает истину, кто говорит доподлинно, чьи слова реальны; он не обманывает и не говорит двусмысленно.

Субхути, в дхарме, которую обрел Татхагата, нет ни истины, ни лжи. Субхути, если бодхисаттва практикует милосердие, возвращая мысль, которая привязывается к дхарме, он похож на человека, бродящего во тьме и ничего не видящего. Если же он практикует милосердие, не возвращая мысли, которая привязывается к дхарме, тогда он похож на зрячего, видящего разнообразные формы, освещенные солнцем.

Субхути, если в будущем какие-либо благородные мужчины и благородные женщины изучат и прочтут эту сутру вслух, их увидит и узнает Татхагата с помощью своего пробужденного знания, и все они приобретут неизмеримые и бесчисленные заслуги.

15. Субхути, если благородный муж или благородная женщина в течение сотен тысяч мириад коти кальп будут в первой половине дня приносить собственные тела в

жертву столько раз, сколько есть песчинок в Ганге, и также будут в середине дня приносить свои тела в жертву столько раз, сколько есть песчинок в Ганге, и также в конце дня будут приносить в жертву свои тела столько раз, сколько есть песчинок в Ганге, и если другие люди, которые, услышав эту сутру, примут ее с верой в сердце, то заслуга последних намного превзойдет заслуги ранее упомянутых людей. Насколько же больше заслуга того, кто запишет, изучит, запомнит, прочтет вслух и изложит ее другим!

Итак, Субхути, в этой сутре — множество неизмеримых, неисчислимых и непостижимых заслуг. Татхагата проповедовал ее последователям *махаяаны*, он проповедовал ее последователям *шреитхяаны*.¹ Если есть существа, которые изучат, запомнят и изложат эту сутру другим, все они станут известны Татхагате, будут узнаны им и приобретут безмерную, неизмеримую и непостижимую заслугу. Таких людей называют теми, кто несет высшее просветление, достигнутое Татхагатой. Почему? Субхути, те, кто стремится к низшим доктринам, привязываются к понятиям „я“, „личность“, „существо“ или „душа“. Они не способны слышать, изучать, запоминать, декламировать и излагать эту сутру другим. Субхути, где бы ни хранилась эта сутра, все существа, включая дэвов и асуров, придут туда и станут поклоняться ей. Это место станет известно как чайтья — предмет почитания; вокруг него

¹ Буквально: «наивысшая, наилучшая колесница». — *Примеч. отв. ред.*

соберутся верующие, усыпят его цветами и воскурят благовония.

16. Далее, Субхути! Некоторые благородные мужчины и благородные женщины будут презираемы за то, что они изучали и декламировали эту сутру. Это потому, что вследствие своей злой кармы они ниспали на неблагие пути существования; но из-за того, что их презирают в нынешней жизни, любая злая карма, возникшая в их предыдущих жизнях, будет уничтожена, и они смогут достичь высшего просветления.

Субхути, я помню, как в своих прошлых жизнях, бесчисленные асанкхейя кальп тому назад, я пребывал вместе с Буддой Дипанкарой. В то время я видел восемьдесят четыре сотни тысяч мириад *наюта*¹ будд, приносил им жертвы, с почтительностью служил им всем, и ни один из них не был обойден мною.

И если в следующие [пятьсот] лет появятся люди, которые изучат, прочтут вслух и запомнят эту сутру, заслуга, которую они таким образом приобретут, [будет выше] той заслуги, которую приобрел я, когда служил всем буддам. Последняя не превысит и одной сотой части предыдущей заслуги; нет, она не превысит даже одной стотысячдысятимиллионной части. Нет, она вообще находится за пределами любого вычисления или какого-либо сходства.

Субхути, если в следующие пятьсот лет появятся благородные мужчины и благородные женщины, которые изучат, прочтут вслух и запомнят эту сутру, заслуги,

¹Сто тысяч миллионов, «мириады». — *Примеч. отв. ред.*

которые они таким образом обретут, я не смог бы перечислить. Если бы я взялся за это перечисление, то те, кто слушал бы меня, сошли с ума или взрастили в себе тягостные сомнения, совсем не веря в то, что смысл этой сутры, а также благая награда находятся за пределами постижения».¹ <...>

18. Будда сказал Субхути: «Татхагата хорошо знает психические наклонности всех существ, живущих в тех бесчисленных землях. Почему? Потому, что Татхагата учит, что все психические наклонности — это не-наклонности, и потому они и называются наклонностями. Субхути, мысль² о прошлом неуловима, мысль о настоящим неуловима, мысль о будущем тоже неуловима. <...>

¹Здесь заканчивается первая часть *Алмазной сутры* и начинается ее вторая часть. Стиль оставшейся части остается прежним. Некоторые ученые полагают, что вторая часть — это лишь повторение первой части или что они обе — просто различные копии одного и того же оригинального текста, и что какими бы ни были варианты этих двух копий, они являются лишь результатом толкований, переплетенных с самим текстом. Я не могу в полной мере согласиться с этой точкой зрения, однако следует признать, что эпизоды, содержащие похожие мысли, действительно встречаются во всей литературе *праджняпарамиты*. В связи с этим далее я привожу только те идеи, которые в первой части не были выражены в полной мере.

²Слово *читта* обозначает и разум, и мысль. В этом пассаже подразумевается то, что в нас нет какой-либо четко определенной сущности, которая психологически обозначается как разум или мысль. В тот момент, когда мы полагаем, что овладели мыслью, ее уже нет. Так обстоит дело и с понятиями

23. Далее, Субхути! Эта дхарма уравновешенна; она не знает ни возвышения, ни уменьшения, и ее называют высшим просветлением. Поскольку человек практикует все, что является благом, и при этом не возвращивает в себе понятия „я“, „личность“, „существо“ и „душа“, он достигает высшего просветления. Субхути, то, что называют благом, не является благом, и поэтому оно известно как благо. <...>

26. Субхути, как ты думаешь? Может ли человек узреть Татхагату как [великого человека], наделенного тридцатью двумя признаками?»

Субхути отвечал: «Так и есть, так и есть. Можно видеть, что Татхагата наделен тридцатью двумя признаками».

Будда сказал Субхути: «Если можно узреть, что Татхагата наделен тридцатью двумя признаками, то может ли тогда Татхагатой быть чакраварти?»

Субхути отвечал Будде: «Почитаемый в Мире, насколько я понимаю учение Будды, Татхагату нельзя узреть как наделенного тридцатью двумя признаками».

Тогда Почитаемый в Мире произнес такую гатху:

«душа», «я», «существо» или «личность»: нет какой-либо особенной сущности, которую можно было бы как-то охарактеризовать и которая вечно отделена от субъекта, думающего с ее помощью. Идея этой неуловимости разума, или мысли, аналогичная идее о том, что нет сущности души как отдельной, свободной «вещи», находящейся в глубинах сознания, составляет одну из ключевых доктрин буддизма — как в махаяне, так и в хинаяне.

*«Если кто-нибудь увидит, что я наделен обликом
Или что я обладаю голосом,
Тот встанет на ложный путь
И не сможет увидеть Татхагату. <...>*

29. Субхути, если кто-либо скажет, что Татхагата — это тот, кто приходит или уходит, сидит или лежит, это значит, что такой человек не понимает смысла моего учения. Почему? Татхагата ниоткуда не приходит и никуда не отправляется; поэтому он и назван Татхагатой. <...>

32. Как же человеку разъяснить это другим? Когда не привязываешься к форме, то благодаря таковости остаешься неподвижным. Почему?

*Все созданные вещи (санскрита)
Подобны сновидениям, фантомам, пузырям и теням;
Они подобны капле росы и вспышке молнии.
Именно так и следует их воспринимать».*

ЛАНКАВАТАРА СУТРА

Принято считать, что эта сутра, в которой заключена суть учения дзэн, была передана Бодхидхармой его главному ученику Хуэй-кэ. С тех пор ее изучали главным образом дзэнские философы. Изобилие специальных терминов, трудных для понимания, а также неровный стиль изложения сделали этот текст не очень популярным, в отличие от других махаянских сутр, таких, например, как *Пундарика*, *Вималакирти* или *Ваджраччхедика*.

Главный собеседник Будды — бодхисаттва Махамати; в основе обсуждения ими разнообразных философских предметов лежит глубокая религиозная заинтересованность. Для читателя этой книги наиболее занимательна тема *свапратья-магати*, то есть тема самореализации высшей истины.

Возможно, будет уместным объяснить здесь некоторые термины. Так, «рождение-и-смерть» (санскр. *сансара*) всегда противопоставляется «нирване». Нирвана — это высшая истина и норма существования, в то время как «рождение-и-смерть» — это эмпирический мир, управляемый кармой и причинной обусловленностью. Будучи подвержены карме, мы движемся от одного рождения к другому, претерпевая все бедствия, неизбежно связанные с таким образом жизни. Эта жизнь представляет собой своего рода бессмертие, но не к такому бессмертию стремятся буддисты.

«Только-Сознание» (*читтаматра*) — несколько искусственный термин. Он означает абсолютное Сознание и отличен от сознания эмпирического — объекта психологической науки. Когда этот термин пишется с прописной буквы, он означает запредельную реальность, на которой основывается весь мир индивидуальных объектов. Реализовать эту истину — цель буддийской жизни.

Под тем, «что видится как только-Сознание», подразумевается этот видимый мир, включая то, что привычно называется сознанием. Наш простой жизненный опыт признает этот мир как нечто такое, что имеет свою «собственную природу», что существует само по себе. Но более высокая интуиция подсказывает нам: это не так, это лишь иллюзия, и реально существует одно абсолютное Сознание, не знающее второго. Все, что мы видим, слышим и думаем относительно объектов наших модусов сознания (*виджняна*), суть то, что возникает только в Сознании и исчезает в нем же.

Это абсолютное Сознание также называется в *Ланкаватаре* «дхармой единичности» (*вивикта-дхарма*), потому что оно существует само по себе. Это также означает, что дхарма по своему существу абсолютно неподвижна.

Нет никакого «различения» в этой дхарме единичности, поскольку различение принадлежит относительному уровню существования, с его множественностью и причинностью. В самом деле, без такого различения мир невозможен.

Различение появляется вследствие «силы привычки», или «силы памяти», которая таится в *алаявиджняне*, или во всесохраняющем сознании. Само по себе это сознание бездейтельно. Оно совершенно пассивно и остается бездействующим до тех пор, пока его не затронет некий особый посредник. Появление этого посредника — великая тайна, которая не может быть раскрыта интеллектуально; это нечто, что следует принять просто как факт. Согласно Ашвагхоше,¹ пробуждение происходит «внезапно».

Понимание того, что означает эта «внезапность», составляет функцию «благородной мудрости» (*арьяджняна*). В качестве факта опыта внезапное пробуждение различения не содержит никакого тайного значения. Все дело в том, что оно пробуждается, и ничего более; это выражение ни на что больше не указывает.

Когда *алаявиджняна*, или всесохраняющее сознание, рассматривается как сокровищница или, лучше сказать, как творческая матрица, из которой происходят все татхагаты, она называется *татхагатагарбхой*. *Гарбха* означает «чрево».

Как правило, весь наш познавательный механизм настроен на работу во внешнем, относительном мире, и по этой причине мы, втягиваясь в этот процесс, оказываемся не в состоянии

¹Известный буддийский мыслитель, поэт и драматург
[в. н. э. — Примеч. отв. ред.

реализовать свободу, которой внутренне обладаем, и в результате все окружающее раздражает нас. Нужно, чтобы отрешенность от этого познания — что с точки зрения психологии можно назвать «внезапным изменением чувств», или «переворотом», — заняла место в нашем внутреннем сознании. Однако это вовсе не простой эмпирический психологический факт, который можно объяснить в терминах сознания. Такое событие происходит в самых глубинных слоях нашего существа. На санскрите это называется *паравриташирая*.

Нижеследующие фрагменты взяты из моего английского перевода (1932 г.) оригинального санскритского текста *Ланкаватары*, изданного Бунью Нандзё в 1923 г.

XVIII

«<...> Далее, Махамати, те, кто, боясь страданий, проистекающих от различения рождения и смерти, стремятся к нирване, не знают, что рождение-и-смерть и нирвану нельзя отделять друг от друга. Сознывая, что все вещи, подверженные различению, нереальны, они воображают, будто нирвана состоит в полном уничтожении деятельности чувств и их сфер. Махамати, они не понимают того, что нирвана — это алаявиджняна, в которой за внезапным изменением следует самореализация. Поэтому, Махамати, глупы те, кто рассуждает о „трех колесницах“,¹ а не о состоянии только-Сознания,

¹ Шравакаяна, пратьекабуддаяна и бодхисаттваяна. Две первых относятся к хинаяне, последняя — к махаяне. — Примеч. отв. ред.

лишенного ясного очертания. Поэтому, Махамати, те, кто не понимает учений татхагат прошлого, настоящего и будущего относительно внешнего мира, который есть Сознание, те, кто цепляется за представление о том, будто есть некий мир за пределами Сознания, — они, Махамати, продолжают вращаться в колесе рождения-и-смерти». <...>

XIX

«Далее, Махамати, согласно учению татхагат прошлого, настоящего и будущего, ничто не рождено. Почему? Потому, что все вещи нереальны и сами по себе суть проявления Сознания. Махамати, поскольку они не рождены бытием или не-бытием, они не рождены. Махамати, все вещи подобны рогам на голове зайца, лошади, осла или верблюда, но люди невежественные и глупые, погруженные в ложные и ошибочные фантазии, различают вещи там, где их нет; между тем ничто не рождено. Махамати, понимание того, что все вещи по своей природе не рождены, относится к области самореализации, достигаемой благородной мудростью, и, по существу, не относится к области дуалистического различения, которую взращивают невежды и глупцы.

Природа и характерные признаки тела, его свойства и обиталища выявляются тогда, когда несведущие воспринимают алаявиджняну как нечто постигающее и постигаемое. Затем они впадают в дуалистические воззрения о существовании, в котором различают возник-

новение, пребывание и исчезновение, взрачивая мысль о том, что все вещи рождены и подвержены различению на бытие и не-бытие. Поэтому, Махамати, ты должен практиковаться в этом [то есть в самореализации]». <...>

XXIV

«И далее, Махамати, пусть бодхисаттва-махасаттва полностью поймет природу двойного отсутствия „я“. Махамати, что же это за двойное отсутствие „я“? [Это отсутствие „я“ у существ и отсутствие „я“ у вещей. Что подразумевается под отсутствием „я“ у существ? Это означает, что] в собрании скандх, дхату и аятан¹ нет ни субстанции „я“, ни того, что к ней относится. Виджняна порождается невежеством, деянием и желанием, и поддерживает свою функцию тем, что „схватывает“ объекты посредством органов чувств, таких как глаза и т. д., и „цепляется“ за эти объекты как за реальные. В то же время проявляется мир объектов и тел — вследствие различения, имеющего место в том мире, который представляет собой сферу самого Сознания, то есть в алаявиджняне.

В силу привычки, хранимой ложным воображением с незапамятных времен, этот мир (*вишая*) время от времени подвергается изменению и разрушению; он подобен реке, семени, лампе, ветру, облаку. [В то же

¹ Перечисляются три традиционные классификации дхарм в раннебуддийской философии. — *Примеч. отв. ред.*

время сама виджняна] подобна всегда суетящейся обезьяне; она подобна мухе, всегда летающей в поисках нечистых вещей и грязных мест; она подобна огню, который никогда не гаснет. Виджняна подобна также водяному колесу или механизму, поскольку она продолжает вращать колесо перерождений, перенося множество тел и форм, оживляя мертвых, словно демон-ветала, и заставляя двигаться деревянные фигуры, словно фокусник. Махамати, полное понимание этих явлений называется постижением отсутствия „я“ у существ.

Теперь, Махамати, что означает отсутствие „я“ у вещей? Следует понять, что скандхи, дхату и аятаны характеризуются в соответствии с природой ложного различения. Махамати, поскольку скандхи, дхату и аятаны лишены субстанции „я“ и суть только совокупность скандх, подчиненная условиям взаимного происхождения, которые в силу причинной обусловленности соединяются с источником желания и деяний, и поскольку в них нет никакого творящего фактора, то, Махамати, скандхи полностью лишены признаков особенного и всеобщего. А несведущие вследствие ошибочного различения воображают, будто есть множество вещей. Однако мудрые не поступают так. Махамати, если бодхисаттва-махасаттва постигнет, что все вещи лишены читты, манаса, мановиджняны, пяти дхарм и [трех] свабхав,¹ он ясно осознает то, что подразумевается под отсутствием „я“ у вещей.

¹ *Читта* — то же, что и алаявиджняна; *манас* — различающее сознание; *мановиджняна* — сознание, объектом ко-

Далее, Махамати, если бодхисаттва-махасаттва осознает, что значит отсутствие „я“ у вещей, то, прежде чем он достигнет первой стадии [состояния бодхисаттвы], у него уже будет определенное представление об отсутствии образности. Приобретя определенное понимание этого аспекта ступеней [состояния бодхисаттвы], бодхисаттва испытает радость и, последовательно пройдя все уровни, достигнет девятой стадии, на которой его понимание будет усовершенствовано, и [в конце концов — десятой стадии, известной как] „великое облако дхармы“.

Обосновавшись, он воссядет в великом драгоценном дворце, который называется „Большой лотосовый трон“, имеет форму лотоса и украшен различными драгоценными камнями и жемчугом; и тогда он обретет и завершит мир, имеющий природу майи; окруженный такими же, как он, бодхисаттвами и умащенный, словно сын чакравартина, буддами, пришедшими со всех земель будд, он выйдет за пределы последней стадии состояния бодхисаттвы, обретет благородную истину самореализации и, благодаря своему пониманию отсутствия „я“ у вещей, станет Татхагатой, наделенным совершенной свободой *Дхармакаи*. Махамати, это то, что подразумевается под отсутствием „я“ у всех вещей, и в этом ты и другие бодхисаттвы-махасаттвы должны усердно упражняться». <...>

того являются дхармы; пять дхарм — это пять скандх, а три свабхавы — три уровня своебытия, или три уровня реальности, соответствующие обыденному восприятию, понимание взаимообусловленности вещей, совершенному знанию.

И тогда бодхисаттва-махасаттва Махамати сказал Благословенному: «Благословенный упоминает в сутрах о татхагатагарбхе. Он описывает ее как яркую и чистую по своей природе, как изначально неомраченную, наделенную тридцатью двумя признаками отличия. Подобно драгоценности, завернутой в грязную тряпицу, она сокрыта в теле каждого существа, завернута в одеяния скандх, дхату и аятан, запачкана грязью жадности, гнева, глупости и ложного воображения, но Благословенный описывает ее как вечную, благоприятную и неизменную. Но разве не об этой же татхагатагарбхе, которую проповедует Благословенный, говорят и философы, называя ее субстанцией „я“? Ведь „я“, о котором учат философы в своих системах, — вечный создатель, неопределенный, вездесущий, неуничтожимый».

Благословенный отвечал: «Нет, Махамати, моя татхагатагарбха — это не то же самое, что „я“, о котором вещают философы. Махамати, татхагаты учат, что татхагатагарбха — это пустота, предел реальности, нирвана, нерожденное; это то, что не имеет качеств и лишено волевого усилия. Причина, почему татхагаты, которые являются архатами и абсолютно просветленными существами, учат о доктрине, указывающей на татхагатагарбху, состоит в следующем: нужно заставить несведущих отбросить свой страх, когда они слушают учение об отсутствии „я“, помочь им осознать состояние неразличения и отсутствия образности.

Я также желаю, Махамати, чтобы бодхисаттвы-махасаттвы настоящего и будущего не привязывались к понятию „я“, [воображая, что это душа]. Махамати, представь себе гончара, который производит различные сосуды из глины одного сорта с помощью собственных рук, используя в своей работе прут, воду, нить. Так и татхагаты проповедуют учение об отсутствии „я“ у вещей, — учение, которое удаляет все следы различения посредством различных искусных средств, исходящих из их запредельной мудрости. Иначе говоря, иногда излагается доктрина татхагатагарбхи, а иногда и учение об отсутствии „я“ — словно гончар, использующий разные средства, — применяя различные термины, выражения, синонимы. По этой причине, Махамати, доктрина философов о субстанции „я“ — не то же самое, что учение о татхагатагарбхе.

Таким образом, Махамати, учение о татхагатагарбхе излагается для того, чтобы отвлечь философов от их цепляния за понятие „я“, чтобы те, кто поддался стремлению принимать несуществующее „я“ за реальность, кто поддался представлению о том, что тройственное освобождение — это вершина всего, смогли бы быстро пробудиться к состоянию высшего просветления. Вот почему, Махамати, татхагаты, эти архаты и абсолютно просветленные существа, открывают доктрину татхагатагарбхи, которую не следует смешивать с понятием философов о субстанции „я“. Следовательно, Махамати, чтобы отказаться от неправильного представления, которым дорожат философы, ты должен стремиться постичь учение об отсутствии „я“ и о татхагатагарбхе». <...>

В это время бодхисаттва-махасаттва Махамати снова сказал Благословенному: «Прошу тебя, о Благословенный, поведай мне о самореализации посредством благородной мудрости, — о самореализации, которой нет на пути в образе жизни философов; которая лишена [всех предикатов вроде] бытия и не-бытия, одного и другого, обоюдности и не-обоюдности, существования и не-существования, вечности и не-вечности; которая не имеет никакого отношения ни к ложному воображению, ни к индивидуальности, ни к общности; которая проявляется как истина высшей реальности; которая, последовательно поднимаясь по ступеням очищения, вступает в стадию состояния Татхагаты; которая, из-за изначальных обетов, при отсутствии какого бы то ни было стремления, исполнит свои труды в бесконечных мирах подобно драгоценному камню, отражающему разнообразие оттенков цвета, и которая проявляется тогда, [когда будет замечено, как] признаки индивидуальности подымутся во всех вещах, поскольку наступит понимание направления и царства того, что видится как само Сознание. И тем самым я и другие бодхисаттвы-махасаттвы так сможем посмотреть на вещи, что они не будут омрачены ни признаками индивидуальности, ни признаками общности, ни какими-либо ложными идеями, и мы сможем быстро достичь высшего просветления и позволим всем существам обрести совершенство во всех их добродетелях».

Благословенный отвечал: «Хорошо сказано, хорошо сказано, Махамати! Очень хорошо, Махамати! Сострадаю миру, заботясь о благе и счастье множества людей, о благополучии, пользе, благоденствии как небесных существ, так и человеческих, ты, Махамати, стоишь передо мной и излагаешь свою просьбу. Поэтому, Махамати, слушай внимательно и искренне и подумай над тем, что я тебе скажу».

«Конечно», — произнес бодхисаттва-махасаттва Махамати и стал слушать Благословенного.

Тогда Благословенный сказал ему: «Махамати, поскольку невежды и глупцы не знают, что видимый мир — это только-Сознание, они цепляются за многообразие внешних объектов, за понятия бытия и небытия, одного и другого, обоюдного и не-обоюдного, существования и не-существования, вечности и не-вечности; из-за различения, основанного на силе привычки, они считают, что все это наделено характером самосуществования (*свабхава*), и увлекаются ложными воображениями.

Махамати, это подобно миражу, когда кажется, будто виднеется какой-то источник. Животным, из-за жары измученным жаждой, этот „источник“ кажется реальным, и они спешат к нему. Не зная, что источник — это порождение их ума, они не понимают, что никакой воды нет. Точно так же, Махамати, невежды и глупцы, с безначальных времен отягощая свой ум различными ошибочными теориями и различениями, сжигаемые огнем жадности, гнева и невежества, радуясь миру многообразных форм, взрастив мысли о рождении,

разрушении и существовании, не понимая, что подразумевается под существующим и не-существующим, внутренним и внешним, — эти невежды и глупцы вступают на путь „схватывания“ одного и другого, бытия и не-бытия [как реально существующих].

Махамати, это подобно городу гандхарвов,¹ который несведущие принимают за реальный город, но на самом деле его нет. Этот город возникает вследствие их привязанности к воспоминанию о некоем городе, которое с безначальных времен хранится в них словно семя. Таким образом, этот город ни существует, ни не существует. Точно так же, Махамати, с безначальных времен цепляясь за воспоминания (*васана*) о ложных теориях и доктринах, они крепко держатся за такие понятия, как одно и другое, бытие и не-бытие, и совсем не понимают, что все видимое есть только-Сознание.

Махамати, это подобно человеку, видящему во сне страну, в которой находится множество женщин, мужчин, слонов, лошадей, колесниц, пешеходов, деревень, городов, сёл, коров, буйволов, дворцов, лесов, гор, рек и озер; этот человек вступает внутрь этой страны, а потом просыпается. Проснувшись, он вспоминает эту страну и ее внутренние пределы. Что ты думаешь, Махамати? Следует ли этого человека считать мудрым за то, что он вспоминает разные нереальные вещи, увиденные им во сне?»

¹ Гандхарвы — в индийской мифологии небесные певцы, музыканты. «Город гандхарвов» — символ чего-то эфемерного, призрачного, несуществующего. — *Примеч. отв. ред.*

Махамати отвечал: «Конечно же нет, Благословенный».

Благословенный продолжал: «Точно так же невежды и глупцы, поддавшись ошибочным представлениям и поверив философам, не понимают, что вещи, если их видеть как только-Сознание, подобны сну, и крепко держатся за представления об одном и другом, о бытии и не-бытии.

Махамати, это подобно холсту живописца, на котором нет ни впадин, ни возвышений, как бы ни силился вообразить их невежда. Таким же образом, Махамати, в будущем могут появиться люди, у которых вращены сила привычки, рассуждение и воображение, основанные на ошибочных воззрениях философов; цепляясь за идеи об одном и другом, обоюдности и не-обоюдности, они могут погубить и себя и других; они могут объявить нигилистами тех людей, которые придерживаются доктрины не-рождения, не говоря уж об отрицающих категории бытия и не-бытия. Они [приводят доводы против] причины и следствия, они — носители порочных взглядов, посредством которых искореняют благие корни безупречной чистоты. От них следует держаться подальше тем, чьи желания благородны. Сознание этих людей опутано заблуждениями о „я“, другом и обоих, ложными помыслами о бытии и не-бытии, утверждении и отрицании; ад станет их конечным пристанищем.

Махамати, это подобно слабовидящему, который, увидев сетку для волос, воскликнул бы: „Она замечательна! Она прекрасна! Взгляните на нее, благородные господа!“ Но эта сетка для волос никогда не суще-

ствовала. По сути, она ни реальна, ни не реальна, потому что нельзя сказать, видима она или нет. Точно так же, Махамати, те, кто увлечен различием ошибочных по своей сути воззрений, пестуемых философами, и те, кто считает реальными идеи о бытии и небытии, одного и другого, обоюдности и не-обоюдности, будут оспаривать благую Дхарму, а закончат тем, что уничтожат и себя и других.

Махамати, это подобно горячей головне, которая, вращаясь, образует колесо; в реальности же колеса нет, его видят только невежды. Точно так же, Махамати, те, кто поддается ошибочным воззрениям философов, ложно воображают при появлении всех существ [реальность] одного и другого, обоюдности и не-обоюдности.

Махамати, это подобно пузырям, которые появляются на поверхности луж при сильном дожде и напоминают драгоценные кристаллы; невежда, принимая эти „драгоценные кристаллы“ за реальные, бежит за ними. Махамати, на самом деле это просто пузыри на воде, а не драгоценности или не-драгоценности, потому что их суть воспринимается разными существами по-разному. Точно так же, Махамати, те, кто находится под воздействием силы привычки философских представлений и различий, будут считать возникшие вещи несуществующими, а разрушенные причинностью — существующими». <...>

«Далее, Махамати, есть четыре вида дхьян. Какие же? Вот они: 1) дхьяна, практикуемая несведущими; 2) дхьяна, посвященная исследованию смысла; 3) дхьяна, имеющая в качестве своего объекта „таковость“, и 4) дхьяна татхагат.

Что подразумевается под „дхьяной, практикуемой невеждами“? Это дхьяна, к которой обращаются йогини, упражняющиеся по системе шраваков и пратьекабудд. Понимая, что нет никакого субстанциального „я“, что вещи характеризуются индивидуальностью и общностью, что тело — это тень, скелет, нечто мимолетное, полное страдания и нечистое, они упорно цепляются за эти понятия и считают, что это так и не иначе. Отталкиваясь от этих идей, они последовательно двигаются вперед, до тех пор пока не обретут угасание, когда уже нет никаких мыслей. Это называется „дхьяной, практикуемой невеждами“.

Махамати, что такое „дхьяна, посвященная исследованию смысла“? Это дхьяна, [практикуемая теми, кто], преодолев отсутствие „я“ у вещей, индивидуальность и всеобщность, непрочность таких понятий, как „я“, другое и оба, то есть идей, которые поддерживают философы, успешно исследуют и до конца познают смысл [различных] воззрений об отсутствии „я“ у вещей и проходят ступени бодхисаттвы.¹ Это и есть дхьяна, посвященная исследованию смысла.

¹ Здесь подразумеваются последователи мадхьямаки. — *Примеч. отв. ред.*

Махамати, что такое „дхьяна, имеющая в качестве объекта *татхату*“ (или «таковость»)? Когда [йогин постигает, что] различие двух форм отсутствия „я“ — это простое воображение и что там, где он пребывает в реальности „таковости“ (*ятхабхута*), нет никакого возникновения различения, я называю это „дхьяной, имеющей в качестве своего объекта *татхату*“.

Махамати, что такое „дхьяна *татхагат*“? Когда [йогин], вступив на ступень *татхагатства* и пребывая в тройном блаженстве, которое характеризует самореализацию, достигнутую посредством благородной мудрости, посвящает себя [выполнению] непостижимых трудов ради всех существ, я называю это „дхьяной *татхагат*“. Поэтому говорят: существуют дхьяна для исследования смысла, дхьяна, практикуемая несведущим, дхьяна, имеющая в качестве своего объекта *татхату*, и чистая дхьяна *татхагат*. Практикующий йогин созерцает форму солнца или луны, или нечто, напоминающее лотос, или преисподнюю, или многие другие формы, такие как небо, огонь и т. д. Все эти явления приводят его на путь философов; они погружают его в состояние шраваков, в царство пратьекабудд.

Когда все это отброшено в сторону и появляется состояние отсутствия образности, тогда оно предстает как соответствующее *татхате*; и тогда придут будды из всех земель и возложат свои сияющие руки на голову такого счастливица». <...>

В это время бодхисаттва-махасаттва Махамати попросил Благословенного объяснить, что значит глубоко укорененная привязанность к существованию всех вещей и каковы пути освобождения. Он сказал: «Молю тебя, Благословенный, Татхагата, Архат, Полностью Просветленный! Поведай о признаках нашей глубокой привязанности к существованию и о нашей отрешенности от него.

Ясно осознав различие между привязанностью и отрешенностью, я и другие бодхисаттвы-махасаттвы сумеем познать, в чем состоят искусные средства применительно к ним, и не будем больше привязываться к словам, на основе которых усваиваем их смысл.

Ясно осознав, что означает привязанность к существованию всех вещей и отрешенность от них, мы уничтожим различие слов и знаков и посредством своей мудрости (*буддхи*) вступим во все земли будд и во все благородные собрания; мы будем награждены печатью сил, самоконтроля, психических способностей и дхарани; обеспеченные великой мудростью (*буддхи*) десяти неистоимых обетов и сияя многочисленными лучами, исходящими из „тела трансформации“, мы будем действовать без усилий, подобно луне, солнцу, драгоценному камню и первостихиям; мы будем всегда, на каждом этапе, поддерживать воззрения, свободные от любых признаков саморазличения; видя, что все вещи подобны сну, майе и т. п., [мы сможем] войти в обители будд и проповедовать о дхарме для всех существ

в соответствии с их нуждами; мы сможем освободить их от дуалистического представления о бытии и не-бытии при созерцании всех вещей, подобных сну и майе, а также от ложного различения рождения и смерти; в конце концов [мы сумеем] утвердиться в тех глубинных уровнях [нашего сознания], на которых внезапно происходит полное преобразование».

Благословенный произнес: «Хорошо сказано, хорошо сказано, Махамати! Теперь послушай меня внимательно и подумай над тем, что я скажу тебе».

Бодхисаттва-махасаттва Махамати сказал: «Конечно, я буду слушать, Благословенный», — и стал слушать его.

Благословенный сказал ему так: «Махамати, неизмерима наша глубоко укоренившаяся привязанность к существованию всех вещей, суть которых мы стараемся понять при помощи слов. Например, существуют глубоко укоренившиеся привязанности к признакам индивидуальности, причинной обусловленности, понятию бытия и не-бытия, различению рождения и не-рождения, угасания и не-угасания, различению колесницы и не-колесницы, санскриты и асанскриты,¹ ступеней и не-ступеней. Существует привязанность к самому различению, а также к возникающей из просветления привязанности к различению бытия и не-бытия, от которого столь зависимы философы, и привязанности к тройственной колеснице и единственной колеснице, которые они различают.

¹ «Созданного» и «не-созданного». — *Примеч. отв. ред.*

Все это и многое другое, Махамати, суть глубоко укоренившиеся привязанности к различениям, пустуемым невеждами и глупцами. Упорно привязываясь к ним, невежды и глупцы продолжают бесконечное различение. Они — словно шелковичные черви; зачарованные нитью различения и привязанности, они не только опутываются сами, но опутывают ею других. Так, они всегда крепко привязаны к понятиям существования и не-существования. [Но в действительности], Махамати, нет никаких признаков цепкой привязанности или отчужденности. Как можно видеть, все вещи пребывают в единстве, в котором не выявляется никакого различения. Махамати, бодхисаттве-махасаттве следует пребывать там, где он сможет видеть все вещи с точки зрения единства.

Далее, Махамати, когда, достигнув понимания того, что существование и не-существование внешнего мира обязано видению в этих признаках только-Сознания, [бодхисаттва] может вступить в состояние отсутствия образности, где есть только-Сознание, и прозреть [там] единство, которое лежит в основе различения всех вещей, как существующих, так и не-существующих, и укоренившихся привязанностей, проистекающих оттуда. Поскольку это так, то во всех вещах нет никаких признаков глубоко укоренившейся привязанности или отчужденности. Махамати, нет никого, кто бы находился в зависимости или кто был бы свободен, за исключением тех, кто по причине своей развращенной мудрости признает зависимость и освобождение. Почему? Потому, что во всех вещах нет ни существующего, ни

не-существующего, нет того, чем можно было бы овладеть.

Далее, Махамати, существует три привязанности, укоренившиеся в умах невежд и глупцов. Это жадность, гнев и глупость; таким образом, существует желание, которое наделено порождающей силой и сопровождается радостью и жадностью; крепкая привязанность к ним приводит к последовательным рождениям на [пяти] путях. В соответствии с этим есть пять путей существования для всех существ, которые оказываются тесно связаны [с жадностью, гневом и глупостью]. Если отрезать эти привязанности, не увидишь никаких знаков, которые указывали бы на привязанность или на не-привязанность.

ШУРАНГАМА СУТРА (РЁГОНКЁ)¹

В китайской Трипитаке есть две сутры, носящие заглавие «Шурангама», но они совершенно отличаются друг от друга по своему содержанию. Первая была переведена на китайский язык Кумарадживой между 402 и 412 гг. и состоит из двух глав. Вторая, в десяти главах, была переведена Парамити в 705 г.; именно ее использовали в дзэн, а также в школе сингон.² Причина популярности этой сутры в школе син-

¹ Буквально: *Сутра героического деяния*.

² Японская школа сингон (кит. чжэньянь), буквально «истинное слово», — вариант буддийского тантризма; основана монахом Кукаем в начале IX в. — *Примеч. отв. ред.*

гон состоит в том, что она включает описание мандалы, а также содержит мантру «*ситатарапатала*» («белый зонт»), публичное чтение которой, в сочетании с практикой самадхи, как предполагают, помогает йогину: будды и боги охраняют его от вторжения злых духов. Но общее направление мысли — так, как оно представлено в сутре, — это скорее дзэн, чем сингон. Так что вполне естественно, что все комментарии к ней принадлежат школе дзэн. Термины, используемые здесь, в чем-то необычны, особенно те, с помощью которых описывается сознание. Вероятно, эта сутра была написана в период позднего развития махаянской литературы в Индии. Она обращается к чрезвычайно глубоким предметам. Ниже следует ее краткое содержание.

1. Сутра открывается описанием приключений Ананды, которого колдунья Матанга посредством магических чар заманивает в свое обиталище. Будда, видя это своим сверхъестественным оком, посылает на выручку Манджушри и приказывает ему привести Ананду. Последний полностью раскаивается и желает получить наставление в искусстве управления разумом. Будда объясняет ему, что любая духовная дисциплина должна исходить из искреннего сердца и что глубокие познания не имеют практической ценности, особенно если речь идет о религиозном опыте человека. Ананда приобрел достаточно знаний, но никакие знания не могут противиться влиянию колдуньи.

2. Причина, по которой мы блуждаем в вечном цикле рождения-и-смерти, испытывая присущие ему несчастья, состоит в нашем незнании источника рождения-

и-смерти; это происходит еще и потому, что сущность сознания не замечается, скрытая покровом причинной зависимости, которая правит этим миром частных объектов.

Сущность сознания описывают как нечто самобытное, таинственное, непостижимо яркое, пробужденное, истинное, совершенное, чистое как драгоценный камень и т. д. Ее не следует смешивать с нашим эмпирическим сознанием, поскольку она не является объектом интеллектуального различения.

Ананду просят определить местонахождение этой сущности сознания. Но поскольку его разум движется по путям относительного опыта, он не способен дать удовлетворительный ответ. Он ищет объективные явления, которые подвержены рождению-и-смерти; он никогда не пытается обнаружить в себе яркое и светлое сознание, которое весь его опыт делает возможным.

3. Даже бодхисаттва не может обнаружить эту таинственную прозрачную сущность за пределами мира индивидуальных вещей. Он не может доказать ее реальность посредством своего различающего ума. Ее там нет. Но эта сущность присутствует там, и это очевидно из того факта, что глаз видит, ухо слышит, а ум думает. Только она не поддается обнаружению так, как обнаруживает себя индивидуальный объект или понятие, объективное или субъективное; поскольку ничего из этого не существует, мы и говорим о дереве или солнце, о добродетели или мысли. Напротив, все эти предметы и мысли находятся в сущности сознания, истинной, самобытной и непостижимо яркой. Наше тело и разум суще-

ствуют, возможно, только тогда, когда мысль связана с ней.

4. Поскольку с безначальных времен мы следуем за объектами, не зная, где находится наше «я», мы утрачиваем след исконного сознания и постоянно страдаем от опасностей объективного мира, рассматривая его как хороший или плохой, истинный или ложный, приятный или неприятный. Таким образом, мы — рабы вещей и обстоятельств. Будда говорит нам, что наше реальное состояние должно быть совершенно иным. Пусть вещи следуют за нами и ждут наших указаний. Пусть истинное «я» направляет нас во всех наших взаимодействиях с миром. Тогда мы все будем татхагатами. Наше тело и наш разум сохранят свою первоначальную добродетель яркой и сияющей. Не удаляясь от этого пристанища просветления, мы добьемся того, что все миры во всех десяти направлениях проявятся даже на кончике волоска.

5. Манджушри — это Манджушри; он абсолютен по своей природе; о нем нельзя говорить ни утвердительно, ни отрицательно. Все утверждения и отрицания опираются на истину абсолютной идентичности; это не что иное, как изначально пробуждающая сущность сознания. Коренясь в этой сущности, реализуются условия, которые составляют наш мир чувств: мы видим, мы слышим, мы чувствуем, мы учимся, мы думаем.

6. Причинная обусловленность принадлежит миру противоположностей. Она не может быть обращена к изначально яркой и озаряющей сущности сознания. Никто не может приписать ей «самопроизвольную деятельность», ибо это также предполагает существование

индивидуальной конкретной субстанции, атрибутом которой она является. Если эта сущность есть нечто такое, о чем мы можем вывести какое-либо суждение — или утвердительное, или отрицательное, — то это уже больше не сущность. Она не зависит от каких-либо форм и идей, и все же мы не можем говорить о ней, как не зависимой от них. Это абсолютная Пустота, *шуньята*, и именно по этой причине все вещи возможны в ней.

7. Мир, содержащий сознание, делится на пять *скандх* («совокупностей»), шесть *правеш* («входов»), двенадцать *аятан* («положений») и восемнадцать *дхату* («сфер»). Все они возникают, когда создаются благоприятные условия, и исчезают, когда условия прекращаются. Все эти сущности и условия иллюзорны в *татхагатагарбхе*, которая тождественна сущности сознания. Именно она вечно пребывает как «таковость», яркая, озаряющая, пробуждающая и неподвижная. В этой сущности вечной истины на самом деле нет ни прихода, ни ухода; ни омрачения, ни просветления; ни смерти, ни рождения; она абсолютно недостижима и необъяснима с помощью интеллекта, поскольку находится вне каких-либо категорий мышления.

8. Татхагатагарбха сама по себе совершенно чиста и всеохватна; она содержит в себе такую формулу: форма — это пустота, а пустота — это форма.¹ Поскольку это так, сущность, которая является татхагатагарбхой, проявляется в соответствии с мыслями и склонностями

¹ Rūpaṃ śūnyata, śūnyatam eva rūpaṃ.

всех людей, в соответствии с их бесконечно разнообразными уровнями знания, а также в соответствии с их кармой. Несмотря на то что сущность вовлечена в эволюцию мира множественности, она никогда не теряет своей первоначальной чистоты, свечения, пустоты; все эти термины обозначают одно и то же.

9. Познать объективный мир нельзя ни с помощью объектов, ни с помощью органов чувств. Он — и не простая случайность, и не иллюзия. Для познания необходимо, чтобы сочетались некоторые условия или факторы. Но и этого простого сочетания недостаточно. Это сочетание должно занять место изначально чистой, яркой, озаряющей сущности, которая и является источником знания.

Если понимание достигнуто, то все миры во всех десяти направлениях, включая чье-либо существование, воспринимаются так, как будто бы они — множество пылинок, появляющееся и исчезающее словно пена в обширной пустоте пространства, которое вечно объемлет единое озаряющее сознание.

10. Вопрос: «Если татхагатагарбха по своей сущности столь чиста и лишена скверны, то почему же все составляющие этого мира — горы, реки и другие вещи — подвержены постоянным изменениям и превращениям?»

Это сомнение вытекает из непонимания абсолютной природы чистоты сущности. Ведь ее чистота — это не относительная чистота, которая возможна только при дуалистическом представлении о реальности. Сущность не находится ни внутри мира, ни вне его, ни за его пре-

делами. Поэтому этот вопрос, который основан на дуалистической интерпретации реальности, неуместен, когда с ним подходят к природе Сущности и к ее отношению с миром.

Отсюда и примечательное утверждение: «Татхагата-гарбха, непостижимо яркая и озаряющая сущность сознания, ни тождественна, ни не тождественна [миру]; она одновременно и то и другое.

11. Яджнядатта, житель Шравасты, однажды утром взглянул в зеркало и увидел в нем прелестное лицо. Он подумал, что его собственное лицо исчезло, и сошел с ума. Эту историю приводят для того, чтобы показать, насколько глупо цепляние за относительное знание, вытекающее из противопоставления субъекта и объекта. Пока мы цепляемся за него как за абсолютную ценность, мир перед нашим взором переворачивается. Подлинно ярким и прелестным лицом обладает каждый из нас, но оно видно только тогда, когда мы осознаём факт его отражения внутри нас самих, а не гонимся за нереальными объектами.

12. Теперь Ананда хочет знать, как войти в роскошный дворец, который, как ему сказали, принадлежит ему. У него нет ключа, как же ему открыть входную дверь? Будда наставляет его. Есть два способа проникнуть внутрь, и их оба, дополняющих друг друга, нужно применить. Один — это *шаматха*, другой — *vipashьяна*. *Шаматха* означает «успокоение», а *vipashьяна* — «созерцание».

Посредством шаматхи мир форм стирается из сознания, и таким образом готовится переход к реализации

последней ступени просветления. Если ум полон смятения и тревоги, он никак не подходит для созерцания. Под випашьяной подразумевается то, что йогин сперва должен пробудить в себе желание просветления и твердо решить, будет ли он вести жизнь бодхисаттвы; он должен иметь ясное представление об источнике пагубных страстей, которые всегда готовы утвердиться в татхагатагарбхе.

13. Если проникнуть в этот источник при помощи праджни, откроется вход во внутреннее святилище, где все шесть чувств сольются в одно. Пусть праджня проникнет сквозь орган слуха, как это было в случае с Кантон-босацу, и различия шести чувств будут таким образом стерты; иначе говоря, возникнет переживание, которое называется «совершенным смешением». Ухо будет не только слышать, но и видеть, обонять и осязать. Все преграды между сенсорными ощущениями устранились и произойдет их совершенное смешение; тогда каждая виджняна будет функционировать для других виджнян.

Будда приказывает Рахуле ударить в колокол, а затем спрашивает участников собрания, что «они слышат». Все говорят, что слышат удар колокола. Еще раз бьют в колокол, и они снова говорят, что исходит звук, который они слышат; когда колокол перестает звучать, звуков уже нет. Эти вопросы и ответы повторяются несколько раз. В конце концов Будда говорит, что все они не правы, поскольку следуют лишь за тем, что им собственно не принадлежит, и совершенно забывают о своей внутренней сущности, которая действует через этих объективных посредников. Должна быть схвачена сущность, а не слышание или звук. Предположение, что

звук реален, — влияние деятельности забуждающегося ума. Посредством практики випашьяны такая работа должна быть устранена, так чтобы сущность сознания всегда узнавалась во всех функциях эмпирического ума, равно как и во всех явлениях так называемого объективного мира. Таким образом, когда овладевают сущностью сознания, происходит «совершенное смещение» всех шести виджнян, образующее просветление.

14. Корень рождения-и-смерти — в шести виджнянах, в них же кроется и то, что приводит человека к реализации «совершенного смещения». Стремиться к просветлению, или освобождению, или нирване — не значит отделяться от вышеперечисленных посредников, т. е. чувств. Если искать освобождение за их пределами, то его там нет, или, скорее, оно становится одним из конкретных объектов, переставая быть тем, чем оно, в сущности, является. Вот почему во всех махаянских сутрах так много говорится о недостижимости шуньяты.

В подлинной сущности нет ни *санскриты* («созданного»), ни *асанскриты* («не-созданного»); они подобны майе или цветкам, рожденным галлюцинацией. Пытаясь обнаружить истинность при помощи того, что является ложью, вы делаете неистинным и то и другое. Пытаясь объяснить объект с помощью субъекта и субъект — с помощью объекта, вы создаете мир бесконечных рядов противоположностей, и тогда не схватывается ничего реального. Чтобы испытать «совершенное смещение», пусть все противоположности, или «узлы», как они называются, растворятся, и наступит избавление. Но когда где-нибудь есть какое-либо цепляние и утверждается

эго-сознание, Сущности там уже больше нет, и таинственный лотос увядает.

15. Затем Будда просит некоторых главных участников собрания рассказать о своем опыте «совершенного смещения». Опыт Каннон признают наиболее выдающимся. Этот опыт исходит из его органа слуха, о чем говорит само имя Каннон. Это ведет его к просветленному состоянию сознания, достигаемому всеми буддами, и теперь он становится воплощением любви. Но в то же время он отождествляет себя со всеми существами шести миров существования, посредством которых ему известны все их внутренние склонности и стремления, простирающиеся к любви Будды. Таким образом, Каннон появляется там, где нуждаются в его помощи, или он предстает перед любимым, кто внимает ему. Вся Сутра Каннон, приводимая выше, полностью подтверждает это.

16. Всезнание не слишком полезно при изучении буддизма, что доказывает случай с Анандой; соблазненный посредством магических чар куртизанкой, он чуть не совершил один из тяжелейших проступков. В практике самадхи важнее всего — контроль над сознанием при соблюдении *шила* («нравственных предписаний»). Шила предполагает отказ от сексуального возбуждения, от порыва убивать кого-либо, от импульса брать чужие вещи и от желания есть мясо. Успешно сдерживая эти порывы, можно практиковать подлинную медитацию, из которой вырастает праджня; и именно праджня ведет такого человека к сущности, к переживанию «совершенного смещения» всех шести виджнян.

17. Мы подходим к эзотерической части *Шурангама сутры*, где описывается устройство мандалы, а также мантра. В этой мандале самадхи практикуется в течение трех недель или ста дней, и в конце концов те, кто обладает даром, смогут реализовать плод сротапанны.

18. Далее следует описание более чем пятидесяти ступеней познания, ведущего к окончательному просветлению и нирване; затем — последствия различных видов кармы, приводящих к тому, что существа подвергаются различным мукам, как это объяснялось раньше; затем излагаются причины превращения существ в различных злых духов и животных. Впрочем, искупив грехи, они снова возвращаются в мир людей. Есть и существа, которые становятся отшельниками или небесными созданиями.

19. Пока йогин упражняется в медитации, его постоянно осаждают всевозможные злые существа, из-за которых он все время испытывает галлюцинации различного характера. Все эти галлюцинации — результат чрезвычайного психического расстройства, и йогину нужно остерегаться их.

Если йогин держит все эти умственные нарушения под контролем, его сознание достигает состояния спокойствия и способно сохранять самоидентичность как при бодрствовании, так и во время сна. Современные психологи сказали бы, что его больше не тревожат мысли, глубоко сокрытые в бессознательном; другими словами, у йогина уже нет никаких фантазий. Его ум совершенно чист и спокоен, словно небо, на котором

нет ни облачка. Мир с его земным простором, высокими горами, бушующими волнами, извилистыми реками и бесконечно разнообразными оттенками и формами, — весь мир спокойно отражается в зеркале сознания йогина. Зеркало вбирает в себя все это, и все же в нем не остается ни следов, ни пятен — только одна сущность, яркая и озаряющая. Источник рождения-и-смерти четко проявляется. Йогин знает, где он находится; он освобождается.

20. Но это еще не все. Йогин должен не только обладать такими переживаниями и интуицией, но и быть искушенным в философии, иметь ясное, логичное, глубокое понимание Сущности. Если его сознание направлено в нужном направлении, он не будет придерживаться ошибочных идей, представленных заблуждающимися философами. Помимо практики шаматхи активно поощряется также и практика випашьяны.

IV

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
КИТАЙСКИХ МАСТЕРОВ ДЗЭН

Существует масса литературы, которую следует называть исключительно дзэнской — вследствие ее стиля и терминологии. Вплоть до эпохи Хуэй-нэна (яп. Эно) и его ближайших последователей таких произведений было не так много, если иметь в виду собственно дзэнские трактаты, отличные от других буддийских текстов. Но со временем появился литературный жанр, получивший название *юй-лу* (яп. *гороку*); это были высказывания и проповеди, стихотворения-гатхи и другие литературные работы дзэнских мастеров. Строго говоря, *юй-лу*, или *гороку*, не принадлежат исключительно дзэн. Одна из главных характеристик дзэнских *гороку* — свободное использование разговорных выражений, которых не сыщешь в классической литературе Китая. Поскольку дзэн обращается к личному переживанию человека, сознание мастера отвергает абстракции.

ДВА ВСТУПЛЕНИЯ В ДАО¹

Имеется много способов вступления на Путь, но в целом они сводятся к двум. Один из них — «вступление посредством разума», другой — «вступление посредством поведения».² Под «вступлением посредством разума» подразумевается осознание духа буддизма при помощи священных писаний. Здесь мы приходим к глубокой вере в истинную природу, одинаково присущую всем живым существам. Причина того, почему она не проявляется, состоит в следующем: ее затмевают внешние вещи и ложные мысли. Отказываясь от ложного и принимая истинное, сосредоточенно практикуя *би-гуань*,³ человек обнаруживает, что не существует ни «я», ни «другого», что простые люди и люди достойные наделены одной сущностью, и твердо придерживается этой веры и никогда не отходит от нее. С этих пор он никогда уже не будет рабом слов, поскольку находится в безмолвном общении с самим разумом, свободным от понятийных различений; он безмятежен и не творит деяний. Это и называется «вступлением посредством разума».

¹ Из *Передачи Светильника* (XXX).

² Выражение «вступление посредством разума» может быть также переведено как «вступление посредством высшей интуиции», а «вступление посредством поведения» — как «вступление посредством практики».

³ Буквально: «глядение на стену».

Под «вступлением посредством поведения» подразумеваются четыре типа действий. Каковы же они? 1) Знать, как воздавать за ненависть; 2) покоряться своей карме; 3) ничего не жаждать и 4) пребывать в гармонии с Дхармой.

1. Что означает «знать, как воздавать за ненависть»? Тот, кто упражняется в практиках Пути, борясь с неблагоприятными условиями, должен думать так: «За бесчисленные века я прошел через множество существований и в каждом из них получал немалую выгоду из жизненных обстоятельств за счет живых существ; тем самым я создал множество поводов для ненависти, злой воли и преступлений. Несмотря на то что в этой жизни никаких преступлений я не совершал, все плоды дурных поступков, совершенных в прошлом, должны быть собраны. Ни боги, ни люди не могут предсказать то, что ожидает меня. Я охотно и терпеливо покорюсь всем бедам, которые выпадут на мою долю, и никогда не буду ни о чем сожалеть или жаловаться на что бы то ни было. Сутра учит меня не терзаться по поводу бедствий, которые могут произойти со мной. Почему? Потому, что, если смотреть на вещи более возвышенно, можно достичь основания причинной связи». Осознав это, человек придет к гармонии с разумом; он наилучшим образом извлечет пользу из ненависти и превратит ее в средство продвижения по Пути. Это называется «воздавать за ненависть».

2. Под «покорностью своей карме» имеется в виду следующее. Нет никакого «я» (*атман*) в существах, рожденных в результате взаимосвязи кармических

условий; наслаждение и боль, которые я испытываю, — это последствия моих предыдущих действий. Если я вознагражден удачей, почетом и т. д., то они — результаты моих поступков в прошлых жизнях, в силу причинной обусловленности воздействующие на мою нынешнюю жизнь. Когда сила кармы будет исчерпана, результат, которым я наслаждаюсь сейчас, исчезнет; зачем же мне радоваться нынешнему положению? Пусть карма несет мне приобретение или утрату — я смиренно приму и то и другое. Сам ум не знает ни прибавления, ни уменьшения. Ветер удовольствия [и боли] не колеблет меня, поскольку я безмолвно пребываю в гармонии со своим Путем. Поэтому это и называется «покорностью своей карме».

3. «Ничего не жаждать» (цю) означает следующее. Люди этого мира, находясь в вечном смятении, повсеместно привязываются то к одной вещи, то к другой, и это называется «страстным желанием». Однако мудрые знают истину, и это отличает их от несведущих. Их сознание безмятежно пребывает извечно, тело же изменяется в соответствии с законами причинной обусловленности. Все вещи пусты, и на самом деле нет ничего, чего следовало бы желать. Там, где ярко сияет солнце заслуг, обязательно скрывается тьма порока. Этот тройной мир, в котором мы так долго пребываем, подобен дому, объятому огнем; все, кто имеет плоть, испытывают боль, и никто в действительности не знает, где искать покой. Поскольку мудрые постигли эту истину, они никогда не привязываются к изменчивым вещам; их мысли спокойны, они никогда ничего не жаждут.

Сутра гласит: «Где есть страстное желание, там есть и боль; оставьте алчность — и обретете благодать». Таким образом, мы знаем, что ничего не жаждать — значит продвигаться по пути к Истине. Поэтому и говорится, что нужно «ничего не жаждать».

4. «Пребывать в гармонии с Дхармой» — это значит, что разум, который мы называем Дхармой, в сущности чист и является источником пустоты (*шуньята*) во всем том, что проявляется. Он выше омрачений и привязанностей, в нем нет ни «я», ни «другого». Сутра гласит: «В Дхарме нет живых существ, потому что она свободна от омрачений существа; в Дхарме нет „я“, потому что она свободна от омрачений самости». Когда мудрые поймут эту истину и поверят в нее, их жизнь придет «в гармонию с Дхармой».

Поскольку в сущности Дхармы отсутствует желание обладать, мудрые всегда готовы оказывать милосердие — всем своим телом, жизнью и имуществом; они никогда не завидуют и не знают, что такое щедрость, сопряженная со злобой. Поскольку они обладают совершенным пониманием тройной природы пустоты, они выше любых различий и привязанностей. Только из-за желания очистить всех существ от омрачений они и пребывают среди них, но при этом не привязываются к форме. Это этап их жизни, на котором они оказывают благодеяние самим себе. Однако им также известно, как благодетельствовать других и как прославить истину просветления. Подобно добродетели милосердия, так же обстоит дело и с пятью другими добродетелями [праджняпарамиты]. Мудрые практикуют шесть добро-

детелей совершенства, чтобы избавиться от путаных мыслей, и все же они не сознают, что совершают какие-то похвальные дела. Это и называется «пребывать в гармонии с Дхармой».

Сэн-цань (Сосан)

О ВЕРЕ В УМ (СИНЬ СИНЬ МИН)¹

1. Истинный Путь не знает преград
И не делает никаких предпочтений;
Только освободившись от ненависти и любви,
Он являет себя полностью и без прикрас;
Стоит появиться различию на волосок —
И небеса с землей оказываются разделенными;
Если вы хотите видеть это своими глазами,
Не привязывайтесь ни к мыслям «за», ни к мыслям
«против».

¹ Сэн-цань (яп. Сосан) — третий патриарх дзэн, умерший в 606 г. н. э. *Синь* означает «Ум»; это одно из труднопереводимых китайских слов. Когда индийские буддийские мыслители пытались переводить буддийские санскритские трактаты на китайский язык, они обнаружили пять классов санскритских терминов, которые нельзя было точно передать с помощью китайских аналогов. Поэтому в китайской Трипитаке встречаются такие слова, как *праджня*, *бодхи*, *Будда*, *нирвана*, *дхьяна*, *бодхисаттва* и т. д.: почти всегда они остаются непере переведенными. И по сей день, наряду с техническими буддийскими терминами, они сохраняют свою оригинальную санскритскую форму. Если бы мы могли оставить слово *синь* со всеми его

2. Утверждать то, что нравится, в ущерб тому, что не
нравится, —

Есть болезнь ума:

Если глубинный смысл [Пути] не понят,
Спокойствие ума нарушается напрасно.

3. [Путь] совершенен, подобно бескрайнему
пространству,
Не испытывающему ни в чем ни недостатка,
ни избытка:

Лишь только некто делает выбор —
И Таковость теряется из виду.

4. Не ищите сложностей вовне,
Не пребывайте в пустоте внутри;
Будьте безмятежны в единстве вещей,
И [двойственность] исчезнет сама собой.

нюансами и оттенками значения без перевода, это спасло бы нас от многих трудностей, которые возникают при его переводе на английский. *Синь* означает «разум», «сердце», «душу», «дух» — и все вместе, и по отдельности. В настоящем трактате третьего патриарха дзэн оно имеет прежде всего интеллектуальное значение, но в других случаях его можно более точно перевести как «сердце». Поскольку преобладающим признаком дзэн-буддизма является скорее интеллектуальность, чем что-либо другое (но не в логическом или философском смысле слова), я решил переводить *синь* как «разум», а не как «сердце»; но под «умом» я имею в виду не наш психологический ум, а то, что может быть названо абсолютным умом, или Умом с большой буквы.

5. Когда стремитесь обрести покой, прекратив
движение,
Такой покой всегда подвижен;
Цепляясь за двойственность,
Можно ли понять единство?
6. И если знание о единстве несовершенно,
Потери с двух сторон:
Отрицание реальности есть ее утверждение,
А утверждение пустоты есть ее отрицание.¹
7. Чем больше слов мы произносим и чем больше
умствуем,
Тем больше мы сбиваемся с пути;
А потому отбросьте болтовню и рассуждения,
И не останется места, куда бы мы не могли
проникнуть.
8. Возвращаясь к истоку, мы обретаем смысл;
Следуя за внешними объектами, мы теряем суть.

¹ Это означает следующее. Когда абсолютное единство вещей не осознано должным образом, приверженность к отрицаниям и утверждениям ведет к одностороннему пониманию реальности. Отрицая реальность объективного мира, буддисты не имеют в виду, что они верят в необусловленную пустоту вещей; они знают, что есть что-то реальное, то, чего нельзя игнорировать. Поддерживая доктрину пустоты, они не имеют в виду, что весь мир — лишь некая полость; в таком утверждении содержалось бы внутреннее противоречие. Философия дзэн избегает ошибки односторонности, проявляющейся то в виде реализма, то в виде нигилизма.

13. Объект — это объект для субъекта,
Субъект — это субъект для объекта:
Знайте, что относительность обоих
Покоится в конечном счете на Пустоте.
14. В такой Пустоте оба неразличимы,
И каждый содержит в себе все десять тысяч вещей;
Если между ними нет никакого различения,
Откуда же тогда может возникнуть одностороннее
и предвзятое суждение?
15. Великий Путь спокоен и благостен,
Нет ничего легкого, нет ничего трудного;
Недалекие умы нерешительны;
Чем больше они торопятся, тем медленнее
совершается их работа.
16. Привязанность никогда не удержишь в границах,
Следовать ей — неверный путь;
Откажитесь от нее — и все пойдет своим чередом,
В то же время Сущность ни удаляется,
ни пребывает.
17. Подчинитесь природе вещей — и будете
в согласии с Путем,
Спокойными, легкими и безгневными;
Но если ваши мысли скованы, вы удаляетесь
от истины,
Они тяжелеют, притупляются и утрачивают свою
ясность.

18. Когда мысли неясны, дух беспокоен;
В таком случае какой толк в частности
и односторонности?
Если хотите следовать путем Единой колесницы,
Не имейте предубеждений относительно шести
объектов чувств.
19. Если вы не имеете предубеждений относительно
шести объектов чувств,
Вы близки к Просветлению;
Мудрые бездеятельны,
В то время как несведущие поглощены работой;
В самой Дхарме нет никакой индивидуализации,
Но они по неведению привязываются к частным
вещам.
Именно их собственный ум создает иллюзии —
Разве это не величайшее из всех противоречий?
20. Несведущие возвращают мысль о покое
и беспокойстве,
Просветленные же не имеют ни симпатии,
ни неприязни:
Все формы двойственности
Изобрели сами несведущие.
Эти формы подобны видениям и воздушным
цветам;
Нужно ли беспокоиться о том, чтобы
удерживать их?
Обретение и утрата, правильное и неправильное —
Отбросьте все это навсегда!

21. Если око никогда не дремлет,
Все сны исчезнут сами собой:
Если Ум сохраняет свою безусловность,
Десять тысяч вещей выходят из одной Таковости.¹

22. Внезапно постигнув глубокую тайну единой
Таковости,
Мы забываем о внешних преградах;
Рассматривая десять тысяч вещей в их единстве,
Мы возвращаемся к первоисточнику и пребываем
там, где были всегда.

¹ В «Мастерах и учениках Ланки» также цитируется поэтическое сочинение Сосана, называющееся «Таинственное», в котором мы находим следующий отклик на вышевысказанную мысль:

«Только одна Реальность —
Как она глубока и обширна!
Десять тысяч вещей —
Как они беспорядочно многообразны!
На самом деле истинное и обусловленное смешаны друг
с другом,

Но по сути, у них одна субстанция.
Мудрые и непросветленные на самом деле различимы,
Но в Пути они объединены в одно целое.
Желаешь ли ты найти ее пределы?
Как далеко она простирается! Она беспредельна!
Как она рассеивается в тумане! Ее концов никогда
не достигнуть!
Она возникает в безначальном, она завершается
в бесконечном».

23. Забудем причину вещей —
И достигнем состояния, ни с чем не сравнимого;
Движение прекратилось и нет никаких действий,
Покой превращается в движение и неподвижности
больше нет;
Когда исчезает двойственность,
Нет и единства как такового.
24. Высший предел вещей, когда они уже не могут
двигаться дальше,
Не ограничен никакими правилами и критериями:
Ум, который соответствует [Пути], придерживается
принципа идентичности,
И в нем гаснут все наши стремления;
Со всеми сомнениями и колебаниями покончено,
И истинная вера выпрямляется;
Нет ничего того, что осталось позади,
Нет ничего, что следует сохранять,
Все пусто, ясно и самопроявлено;
Нет никакого усилия, нет никакой траты энергии —
Именно здесь никогда не действует мысль,
Именно здесь иссякает сила воображения.
25. В высшем царстве истинной Таковости
Нет ни «я», ни «другого»:
На вопрос о непосредственном тождестве
Мы можем ответить только: «Не два».¹

¹ Т. е. *тат твам аси*.

26. В бытии «не двух» всё — одно и то же,
Всё сущее в нем постигается;
Все мудрецы десяти сторон света
Вступают в этот абсолютный Ум.
27. Абсолютный Ум находится за пределами бегущего
[времени] и протяженного [пространства],
Для него один миг — как десять тысяч лет;
Он проявляется везде, во всех десяти сторонах
света,
Независимо от того, видим мы его или нет.
28. Бесконечно малые вещи могут быть такими же,
как большие,
Ведь для них нет никаких признанных объективных
условий;
Бесконечно большие вещи могут быть такими же,
как малые,
Ведь для них нет никаких объективных пределов.
29. Существующее — то же самое, что
не-существующее,
Не-существующее — то же самое, что
существующее:
Если невозможно обрести такое положение
вещей,
Нет, в сущности, никакого промедления.
30. Единое — во Всеобщем,
Всеобщее — в Едином;

те космоса. Когда некто сидит с опустошенным умом, он впадает в пустоту безразличия. Мир включает в себя солнце, луну, звезды, созвездия, великую землю, горы и реки. Всё — травы и растения, добродетельные и скверные люди, плохие и хорошие вещи, небеса и ад — уместается в пустом пространстве. Так же пуста природа «я», присутствующая во всех людях.

25. Природа «я» содержит в себе все предметы; следовательно, она велика. Все предметы без исключения наделены природой «я». Видя суть всех людей и других существ, не принадлежащих к человеческому роду, злых и добрых, а также все приятные и отвратительные предметы, она и не отказывается от них, и не загрязняется ими; она подобна пустоте космоса. Поэтому она и называется «великой», то есть *маха*. Невежды говорят о ней, мудрые же хранят ее в своем сердце. Кроме того, есть люди заблуждающиеся; они полагают, что она велика даже тогда, когда они освобождают свой ум от мыслей, — но это неверно. Вместителище Ума велико; когда же нет никакой жизни, сопутствующей ей, оно мало. Не ограничивайтесь лишь разговорами о ней. Те, кто не может научиться жить подобным образом, — не мои ученики.

26. Что такое *праджня*? *Праджня* — это *чжи хуэй* (мудрость). Если вы всегда придерживаетесь *чжи хуэй* и ни одна ваша мысль не погружена во мрак, это называется «вести жизнь согласно праджне». Если же хотя бы одна ваша мысль затемняется, праджня перестает существовать. Если одна-единственная мысль происходит от *чжи*, то есть просветлена, тотчас рожда-

ется праджня. Имея затуманенное сознание, люди тем не менее заявляют, что они живут согласно праджне. Праджня не имеет ни формы, ни проявления; это не что иное, как сущность (*син*) мудрости (*чжи хуэй*).

Что такое *парамита*? Это санскритский термин, пришедший из западных стран. В стране Тан он означает «достижение другого берега». Осознав это выражение (санскр. *артха*), человек отторгает себя от рождения-и-смерти. Цепляние же за объективный мир (*вишая*) — источник появления рождения-и-смерти; это подобно волнам, появляющимся на глади воды, и называется «этот берег». Если вы отцепляетесь от объективного мира, для вас больше не существует рождения-и-смерти; это подобно реке, постоянно несущей свои воды: это и есть «достижение другого берега» — *парамита*.

Невежды говорят о [праджне]; мудрые хранят ее в своем сердце. Простое говорение о ней моментально приводит ко лжи, а ложь — это уже не реальность. Если праджня присутствует в каждой вашей мысли, это называется «реальностью». Те, кто осознает эту истину, понимают истину праджни и ведут жизнь в соответствии с ней. Люди, не ведущие такую жизнь, — обычные люди. Если вы практикуете такую жизнь и праджня присутствует в каждой вашей мысли, вы равновелики Будде.

Друзья мои, страсти — не что иное, как просветление (*бодхи*). Если предшествующая мысль сбивает вас с толку, ваш ум зауряден; но как только ваша следующая мысль просветляется, вы становитесь буддой.

Друзья мои, праджняпарамита — это то, что почитается превыше всего, это то, что главнее всего. Она нигде не пребывает, никуда не уходит, ниоткуда не является; все будды прошлого, настоящего и будущего выходят из нее. Посредством Великой Мудрости (*дэ чжи хуэй*; санскр. *махапраджня*), ведущей к «другому берегу» (*парамита*), разрушаются пять скандх, страсти и неисчислимы изъяны. Упражняясь в этом, человек станет буддой, и три страсти [жадность, гнев и неведение] превратятся в обеты (*шила*), созерцание (*дхьяна*) и мудрость (*праджня*).

27. Друзья мои, насколько я понимаю эту истину, из одной праджни происходят восемьдесят четыре тысячи мудрости (*чжи хуэй*). Почему? Да потому, что существует восемьдесят четыре тысячи неведений. Если бы не было такого неисчислимого количества неведений, праджня пребывала бы вечно, не отделяясь от природы «я». Тот, кто способен проникнуть в суть этой истины, свободен от мыслей, от воспоминаний, от привязанностей; в нем нет ни притворства, ни обмана. Именно здесь сущность Таковости существует сама по себе. Если все вещи рассматриваются в свете мудрости, нет ни привязанности, ни отрешенности. Это есть видение природы человека и достижение истины буддовости.

28. Друзья мои, если вы желаете войти в совершеннейшее царство Истины (*дхармадхату*) и достигнуть праджнясамадхи, вам нужно немедленно учиться жить в согласии с праджняпарамитой. Стоит вам посвятить себя лишь одной строке *Ваджраччхедика праджняпарамита сутры*, и вы, прозрев природу своего бытия, вступите в

праджнясамадхи. Следует знать, что заслуга такого человека безмерна; об этом отчетливо сообщается в сутрах, о которых мне нет надобности говорить подробно.

Эту Истину высшего порядка проповедуют людям великого ума и больших дарований. Если бы ее случилось слышать людям небольшого ума и малых дарований, никакая вера никогда бы не пробудилась в их уме. Почему? Например, большой дракон проливает потоки дождей над Джамбудвипой: все города и деревни затопляются и смываются наводнением так, словно они — травинки. Но если дождь, даже очень сильный, идет над великим океаном, уровень воды в этом океане и не повышается, и не понижается.

Когда последователи махаяны слушают проповедь о *Ваджраччхедике*, их ум раскрывается и в нем возникает интуитивное понимание. С его помощью они осознают, что их собственная природа изначально наделена мудростью праджни, что все вещи следует созерцать в свете их собственной мудрости и что они не должны зависеть от письменных знаков. Дождевые воды накапливаются в небе. Однако царь драконов черпает воду из рек и океанов, и благодаря этому все существа, разумные и неразумные, одинаково получают влагу. Все реки впадают в великий океан, и этот всепоглощающий океан смешивает их в единую массу воды. То же самое происходит с мудростью праджни, которая является изначальной природой всех существ.

29. Когда люди малых дарований слышат о такой «внезапной» доктрине, они уподобляются низким растениям; залитые обильным дождем, они более не могут

подняться и продолжить свой рост. То же самое происходит и с людьми малых дарований. Они наделены мудростью праджня так же, как и люди большого ума: между ними нет никакого различия. Почему же эти люди не прозревают даже тогда, когда слышат об Истине? Прозрение у них не наступает только по одной причине: они создают перед собой груды препятствий, вызванных ложными представлениями и глубокой укорененностью страстей. Все это напоминает черную тучу, застилающую солнце; пока не подует ветер и не сгонит ее, не будут видны никакие лучи света.

Праджня не различает в себе ни великого, ни малого, но поскольку все существа взращивают в себе обманчивые мысли, они ищут Будду вовне и поэтому не способны прозреть собственную природу. Именно поэтому о них говорят как о людях малых дарований.

Те же существа, которые, слушая о «внезапной» доктрине, не прибегают к поискам вовне и, обращая свои размышления вовнутрь, все время доводят эту изначальную природу до правильного видения [Истины], [не омрачены] страстями и неисчислимыми неведениями; в этот момент все они проникают [в Истину]. Великий океан вбирает в себя все реки, большие и малые, и смешивает их в единую массу воды — это и есть прозрение собственной природы. [Тот, кто подобным образом прозревает свою собственную природу], нигде не пребывает — ни внутри, ни снаружи; он свободно приходит и уходит; он знает, как избавиться от привязчивых мыслей; на его пути нет никаких преград. Если человек старается вести такую жизнь, он понимает, что изна-

чально нет никакого различия между [его собственной природой] и праджняпарамитой.¹

30. Все сутры и писания, Большая и Малая колесницы, двенадцать разделов [буддийской литературы] установлены благодаря людям мира. Поскольку существует природа мудрости (чжи хуэй син), есть основание для создания всех этих трудов. Если бы не было людей мира, никакие многообразные объекты никогда бы не существовали. Поэтому мы знаем, что происхождение всех объектов обусловлено тем, что есть люди мира. Считают, что все сутры и писания существуют только благодаря людям мира.

Различение глупости и разумности возможно только в мире, где проживают люди. Те, кто глуп, — люди низкого уровня, а те, кто умен, — люди высшего уровня. Невежды задают мудрым вопросы, и мудрые рассуждают ради них об Истине, дабы просветить их и дать им интуитивное ее понимание. Если невежды становятся просветленными и высвобождают свой ум, они ничем не отличаются от людей великого ума.

Известно, что непросветленные будды ничем не отличаются от обычных существ; если же имеется хотя бы одна мысль о просветлении, обычные существа немедленно превращаются в будд. Поэтому мы знаем, что все многообразные объекты находятся в собственном уме человека.² Почему изначальная сущность Таковости

¹ В тексте говорится о *Праджняпарамита сутре*. Но я понимаю это, скорее, как саму праджня, а не как сутру.

² В тексте стоит слово «тело», в то время как в издании Косёдзи, а также в данной книге, напечатано «ум».

не открывается сразу изнутри в собственном уме? *Бодхисаттвашила сутра* говорит: «Моя изначальная природа „я“ извечно чиста; познавая свой Ум и прозревая свою природу, я естественным образом достигаю буддовости». В *Вималакирти сутре* есть такие слова: «Мгновенное прозрение возвращает вас к вашему изначальному Уму». <...>

48. Великий наставник умер на третий день восьмого месяца второго года Сянь-тянь (713 г. н. э.). На восьмой день седьмого месяца этого года он в последний раз собрал своих учеников, чувствуя, что в следующем месяце он должен будет покинуть их навсегда. Он сказал им, что все их сомнения относительно его учения должны разрешиться раз и навсегда. Когда на глазах учеников появились слезы, он сказал им: «Вы плачете, но о ком вы так печалитесь? Если вы сожалеете обо мне, не зная, куда я отправляюсь, вы ошибаетесь: ведь я знаю, куда иду. Если бы я не знал этого, то никогда не расстался бы с вами. Причина, по которой вы сокрушаетесь, состоит, вероятно, в том, что вы не знаете, куда я иду. Если бы вы знали об этом, то не плакали бы так сильно. Сущность Дхармы не знает ни рождения, ни смерти, ни прихода, ни ухода. Сядьте и выслушайте гатху, которая называется «Об Абсолюте»:¹

¹ Название буквально гласит: «Истина и ложь, движение и покой». «Истина» противопоставлена «лжи», а «движение» — «покою», и пока существует какая бы то ни было противоположность, истина духовного понимания невозможна. И это понимание не может быть результатом безмолвных упражнений в созерцании.

Не существует ничего истинного,
Истину нигде нельзя узреть;
Если вы скажете, что видите истину,
То это видение не истинно.¹

Там, где истина предоставлена самой себе,
Там нет ничего ложного, поскольку она — сам Ум.
Если Ум в себе не освобожден от всего ложного,
В нем нет ничего подлинного, и истину там не найти.

Только сознающее существо понимает, что́ значит
«движение»;²

Тем, кто не наделен сознанием, сути движения не
постичь;

Если вы упражняетесь в практике сохранения своего
ума неподвижным, [то есть в безмолвном
 созерцании],

То неподвижность, достигаемая вами, есть то, что
относится к не-сознающему существу.

Если вы стремитесь достичь подлинной
неподвижности,

Нужно знать, что неподвижность заключена
в самом движении,

Именно эта неподвижность — [истинная]
неподвижность;

¹ То есть Абсолют невозможно разделить на две части: на то, что видит, и на видимое.

² «Движение» означает «разделение», или «ограничение». Когда Абсолют движется, имеет место двойственное его истолкование, и это называется «сознанием».

Не заронено никакое семя буддовости там, где нет
сознания.

Запомните, чем отличаются аспекты
[неподвижности],
И знайте, что первичная реальность неподвижна;
Лишь постигнув это,
Вы поймете истинную деятельность Таковости.

Всем вам, пытающимся постичь Истину,
Я советую прилагать усилия в правильном
направлении;
Изучая махаяну,
Избегайте цепляния за относительное знание¹
рождения-и-смерти.

Там, где есть полное согласие в суждениях,
Говорите об учении Будды;
Там же, где нет такого согласия,
Сложите ладони и храните свою радость внутри себя.

На самом деле в этом учении нет ничего, о чем стоило
бы спорить;
Спорить — значит противоречить его цели;
Запутанные доктрины, требующие приведения доводов,
Сами собой ведут к рождению-и-смерти.

¹ Термин *чжи* (санскр. *джняна*), обозначающий «относительное знание», используется в противоположность *праджне*, которая является высшей формой знания, непосредственным прозвением Неподвижности, или Абсолюта.

ПЕСНЬ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

1. Слышал ли ты о том ленивом философе, который
превзошел ученость и ни в чем не упражняется?
Он не пытается избегать праздных мыслей и не ищет
Истину,
[Поскольку знает, что] неведение на самом деле —
это и есть природа Будды
[И что] это пустое призрачное тело — не что иное,
как тело Дхармы.
2. Когда человек знает, что такое тело Дхармы, то для
него нет объекта, [который был бы известен
в качестве такового],
Источник всех вещей, их собственная природа —
это Будда в своем аспекте Абсолюта;
Пять совокупностей (скандха) подобны облаку,
плывущему по небу свободно и без какого-либо
намерения,

¹ Юнцзя-даши (яп. Ёка-дайси, ум. в 713 г.), известный также как Дзэнгаку (Сюань-цзяо), был одним из главных учеников Хуэй-нэна, шестого дзэнского патриарха. До своего обращения в дзэн он изучал доктрину школы тяньтай. Его беседы с Хуэй-нэном записаны в *Дань цзине*. После его смерти осталось большое количество коротких сочинений по философии дзэн и наиболее популярна из них стихотворная «Песнь просветления». В оригинале это произведение носит название *Цзин дао гэ*, т. е. «Песнь о пути реализации».

Три яда (клеша) подобны пене, то появляющейся,
то исчезающей в силу обстоятельств.

3. Когда постигается Реальность, она предстает без
субстанции «я», она лишена всех форм
объективности,

Таким образом, всякая карма, которая ведет нас
в самые глубины ада, тотчас уничтожается;

Те же, кто обманывает людей с помощью своего
ложного знания,

Увидят, несомненно, как их языки вырывают
в бесчисленных грядущих эонах.

4. В том, чей разум сразу же пробуждается к [цели]
Татхагата-дхьяны,

Приобретают полное завершение шесть парамит
и все другие достоинства;

Если в мире грез ясно просматриваются шесть
путей существования,

То после пробуждения остается лишь великая
Пустота и не существует даже великого
хилиокосма.¹

5. Здесь не знают ни греха, ни блаженства; ни потери,
ни приобретения;

Посреди вечной безмятежности не возникает никаких
праздных вопросов;

¹ Согласно буддийской космографической традиции, вселенная (хилиокосм) состоит из трех тысяч великой тысячи миров. — *Примеч. отв. ред.*

Пыль [невежества] издавна накапливалась на
никогда не полировавшемся зеркале,
Настало время раз и навсегда увидеть, как
происходит очищение.

6. У кого, спрашивается, есть не-мысль? И кто не
рожден?

Если кто-либо действительно не рожден, то нет
и не-рождения;

Спросите у того, кто действует машинально,
и выясните, так ли это;

До тех пор пока вы ищете буддовость, специально
упражняясь в этом, вы ничего не достигнете.

7. Пусть четыре первостихии выйдут из-под вашей
власти,

И, находясь среди вечной безмятежности,
позвольте себе пить большими глотками или

отхлебывать понемногу — как вам больше нравится;
Там, где все относительные вещи изменчивы

и абсолютно пусты,
Осуществляется великое совершенное

просветление Татхагаты.

8. Быть истинным монахом — значит иметь твердые
убеждения;

Если же вы лишены их, спросите меня в соответствии
со своими понятиями — [и будете просветленными].

Иметь прямое понимание корня всех вещей — вот,
что утверждает Будда;

Если же вы продолжаете собирать листья и ветки,
то вам уже ничто не поможет.

9. Как правило, местонахождение драгоценности-мани
людям неизвестно,
Ведь она глубоко запрятана в тайниках
татхагатагарбхи;
Шесть функций, чудесно ею выполняемые, — это
и иллюзия, и не иллюзия,
Лучи света, исходящие от единственного
совершенного солнца, есть принадлежность
и в то же время не принадлежность царства
формы.
10. Когда приобретается осознание, превосходящее
[интеллектуальное] измерение;
Очищаются пять видов зрения,¹ обретаются пять
видов сил,²
Изображение в зеркале видеть несложно,
Но может ли кто-либо поймать луну, отраженную
в воде?³
11. [Просветленный] движется всегда самостоятельно,
он всегда рассказывает сам;
Каждый совершенный идет по одному и тому же
проходу нирваны;

¹ Пять видов зрения (чакшус): 1) физическое, 2) божественное, 3) праджня, 4) дхармическое и 5) «око Будды».

² Пять видов силы (бала): 1) вера, 2) энергия, 3) память, 4) медитация и 5) праджня.

Его стиль традиционен, его дух прозрачен, его
внешность естественно величественна,
Черты его лица суровы, его кости тверды, он ни
на кого не обращает внимания.

12. Сыновья Шакьи, как известно, бедны;
Но бедность касается только их тела; их духовная
жизнь богата;
Бедное тело кутается в лохмотья,
Но внутри него пребывает дух — как редкостная
и бесценная драгоценность.
13. Сила редкостной и бесценной драгоценности никогда
не иссякает, как бы часто ею ни пользовались,
И все существа, по необходимости, черпают ее
щедрую милость;
Тройственное тело¹ и четырехвидная джняна²
совершенствуются в ее пределах,
Восьмеричное освобождение³ и шестеричные
чудесные силы⁴ выражаются в нем.

¹ 1) Тело Дхармы, 2) тело Наслаждения и 3) тело Трансформации.

² 1) Зерцалоподобная интуиция, 2) интуиция подлинности, 3) знание выполнения действий и 4) ясное восприятие отношений.

³ Абхидхармакоша (кн. VIII) объясняет восемь видов *ви-мокши*.

⁴ Речь идет о шести *риддхи*, или о сверхъестественных способностях, приобретаемых в результате медитации.

14. Высокоодаренный человек понимает это раз
и навсегда,
Посредственный — долго изучает и все-таки
продолжает сомневаться;
Главное — сбросьте с себя грязную одежду,
которую вы так бережно носите;
Нужно ли выставлять напоказ свою работу?
15. Пусть обо мне дурно говорят и пусть меня
унижают;
Те, кто пыгается поджечь небо факелом, в конце
концов утомятся;
Я слушаю их и вкушаю [их злословие], как нектар;
Все улетучится, и я внезапно окажусь внутри
Непостижимого.
16. Слушая, как дурно говорят обо мне, я получаю
возможность обрести заслугу,
Поскольку на самом деле эти люди — мои добрые
друзья;
Подвергаясь брани и не питая при этом ни вражды,
ни благосклонности,
Я усиливаю свою силу любви и смирения, которая
рождается из Нерожденного.
17. Давайте будем доходить до сути не только во
внутреннем переживании, но и в его толковании,
И тогда наша практика будет совершенна и в дхьяне
и в праджне, не относясь лишь к одной шуньяте
(пустоте);

Не только мы в конце концов отправляемся туда,
Но все будды, бесчисленные, как песчинки Ганга,
имеют ту же самую сущность.

18. Когда робкие животные слышат львиный рев
доктрины бесстрашия,
Их мозги разрываются на части;
Даже слон, испуская от страха запах, бежит, забыв
о присущем ему достоинстве;
И только небесный дракон, окрыленный радостью,
спокойно внимает [львиному рыку Будды].
19. Чтобы беседовать с наставниками, вопрошать об
истине и погружаться в тайны дзэн,
Я пересек моря и реки, покорил горы и перешел
вброд потоки воды,
И с тех пор как мне позволили осознать путь Сокэя,¹
Я знаю, что рождение-и-смерть — это не то, что
может меня заинтересовать.
20. Ибо хождение — это дзэн, сидение — это дзэн,
При разговоре или молчании, движении или покое
сущность всегда одна и та же;
Даже встретившись с мечами и копьями, она никогда
не теряет своего спокойствия,
И даже отравляющие вещества не могут нарушить
ее безмятежности.

¹ Кит. Цаоци — название местности, в которой находился монастырь Хуэй-нэна; здесь имеется в виду сам мастер.

21. Когда-то наш наставник [Шакьямуни] служил
Будде Дипанкаре,
И еще много кальп он совершенствовался как
отшельник Кшанти.
[Я также] прошел через много рождений и через
много смертей;
Рождения и смерти — как бесконечен их повтор!
22. Но стоило мне внезапно осознать, что значит
не-рождение,
Превратности судьбы утратили надо мной свою
власть.
Я живу высоко в горах в скромной хижине;
Выше — только горы и черные тени деревьев,
И под старой сосной, спокойный и довольный,
я сижу в своем монашеском доме;
Здесь царят совершенное спокойствие и сельская
простота.
23. Когда вы пробуждаетесь [к Дхарме], все становится
ясным, никакие устремления не нужны;
Вещи санскриты¹ лишены этого свойства;

¹ Согласно буддийской философии, сущее разделяется на две группы — на *санскриту* и *асанскриту*. *Санскрита* подразумевает то, что связано с какой-либо деятельностью, в то время как *асанскрита* ни с какой деятельностью не связана. К классу *асанскриты* принадлежит пространство, которое рассматривается как модус реальности, а также нирвана и небытие, имеющее место из-за отсутствия необходимых условий.

Милосердие, которое осуществляется с идеей формы
(*рупа*), может привести к божественному
рождению,

Но это — все равно что пускать в небо стрелу:
Как только силы истощатся, стрела упадет на землю.
Подобно этому, [стоит только истощиться
божественной награде], последующая жизнь
перестает быть успешной.

Не лучше ли в таком случае пребывать
с Реальностью, которая является *асанскритой*,
превосходящей все стремления,
И посредством которой мгновенно вступают на
ступень татхагатства?

24. Следует заботиться только о корне и не
беспокоиться о ветвях;
Это подобно прозрачной воде, отражающей луну,
И теперь я знаю, что из себя представляет эта
драгоценность-*мани*,
С помощью которой извлекаешь пользу не только
для себя, но и для других;
Луна отчетливо отражается в потоке, ветер легко
проходит сквозь сосны,
Полная тишина, царящая повсюду, — для чего
все это?

25. Сокровище-нравственность, свойственная природе
Будды, накладывает свою печать на ум-основу
[просветленного],
Чья одежда соткана из туманов, облаков и росы,

Чья чаша в древности умиротворяла огнедышащих
драконов и чей посох некогда разводил дравшихся
тигров;

Слушайте же чарующие мелодии золотых
колокольчиков на его посохе,

Но все это — не просто символические выражения,
лишенные реальной основы;

Куда б ни перемещался святой посох татхагатства,
следы его отчетливо видны.

26. Он не ищет истины, не отделяет себя от
загрязненного,

Он ясно видит, что двойственность пуста и неистинна,

Быть неистинным — значит не быть ни
односторонним, ни пустым, ни не пустым,

Ибо такова подлинная форма татхагатства.

27. Ум озаряющ, словно зеркало, и не встречает
никаких препятствий,

Он пронизывает обширную вселенную до
мельчайших ее расщелин;

Все ее многочисленные формы отражаются в Уме,

Который, светясь подобно превосходному
драгоценному камню, не имеет ни поверхности,
ни внутренности.

28. Пустота, понимаемая в негативном смысле,
отрицает мир причинной обусловленности,

Все пребывает в чрезвычайном смятении и
беспорядке и, несомненно, привлекает к себе все зло;

- Так бывает и тогда, когда существа цепляются за
пустоту,
Ибо это все равно что бросаться в пламя, стараясь
избежать утопления в воде.
29. Когда пытаются осознать истину, отказываясь
при этом от ложного,
Это есть различие, это есть нечто искусственное
и неискреннее;
Йогин, не понимающий, [что значит Ум],
и занятый лишь самодисциплиной,
Способен принять своего врага за собственного
ребенка.
30. Причина разрушения дхармочастиц и потери заслуг
Заключена в существовании относительного
различающего ума;
Поэтому дзэн учит полному проникновению
в природу Ума,
Когда йогин внезапно, посредством своей
интуитивной силы, осознаёт истину не-рождения.
31. Человек огромной воли несет с собой меч праджни,
Чье пылающее лезвие-ваджра отсекает препятствия
знания и невежества;
Он не только рассекает на части рассудок философов,
Но и лишает силы злых духов.
32. Он вызывает раскаты грома Дхармы, он бьет
в барабан Дхармы,

[Реальность —] это ни форма, ни ум, ни действие;
Не успеешь сделать щелчок, как осуществляются
 свыше восьмидесяти тысяч святых учений;
Даже за секунду разрушается злая карма трех
 асанкхей калып;
Какими бы ни были логические суждения, все
 они — неистинные,
Ибо они не имеют никакой связи с моим подлинным
 внутренним светом.

34. [Этот внутренний свет] превышает похвалы
 и превышает оскорбления,
Подобно пространству, он ничем не ограничен;
И все же, всегда безмятежный и всезаполняющий,
 он всегда с нами;
Но следуя за ним, вы его теряете.
Вы не можете поймать его, но в то же самое время
 не можете от него и избавиться;
Когда вы не можете что-либо делать, он продолжает
 свой собственный путь;
Вы молчите, а он говорит; и наоборот, вы говорите,
 а он безмолвствует;
Большие врата милосердия отворяются, несмотря
 ни на какие преграды.

35. Если кто-то спросит меня, какого учения
 я придерживаюсь,
Я скажу, что мое учение — это сила махапраджни:
Вы можете утверждать его или отрицать, но все
 равно оно превышает человеческого понимания;

Вы можете идти в противоположном направлении
или вместе с ним, — сами небеса не знают
его места обитания.

36. Я посвятил этому учению долгие кальпы своей
жизни;

Это не пустые слова, и я не обманываю вас;
Я поднимаю знамя Дхармы, чтобы поддержать
учение, которое я обрел в Сокэе,
Его провозгласил сам Будда.

37. Махакашьяпа был первым, от кого пошла линия
передачи;

Двадцать восемь патриархов последовали за ним
на Запад;

Светильник был морем доставлен в эту страну;
И Бодхидхарма стал в ней первым патриархом.
Всем известно, как шесть патриархов передавали
его рясу друг другу,

И с их помощью многим удалось увидеть свет.

38. Даже истину не следует утверждать [специально];
Что же касается ложного, то оно никогда
не существовало;

Когда отброшены и бытие и не-бытие, даже
не-пустота теряет свой смысл;

Двадцать форм Пустоты изначально не следует
почитать;

Вечное единство состояния татхагаты остается
абсолютно одним и тем же.

39. Разум действует посредством органов чувств,
и таким образом постигается объективный мир;
Эта двойственность смутно проявляется в зеркале;
Если стереть грязь, засияет свет;
Точно так же, если отбросить и ум, и объективный
мир, Сущность утвердит свою истинность.
40. Увы! Этот век упадка полон зла;
Все существа обладают низкими способностями,
и ими с трудом можно управлять;
Чем дальше они отдаляются от эры древней
мудрости, тем сильнее привязываются к ложным
представлениям;
Высший Демон укрепляет свои силы, в то время
как Дхарма ослабляет их; ненависть же
становится безудержной;
Даже когда они изучают «внезапную» школу
буддийского учения, —
Какая жалость! — им не удается понять ее и тем
самым сокрушить зло, словно обломок кирпича!
41. Ум — творец всех деяний, а тело — страдалец от
всех бедствий;
Не будьте наивны и не вините других вместо самих
себя;
Если вы не желаете подвергнуть себя карме, ведущей
в ад,
Прекратите поносить Татхагатово колесо хорошей
Дхармы.

42. В сандаловой роще нет низкорослых деревьев,
Среди ее зарослей одни только львы находят себе
укрытие;
Там нет никаких тревог, там царит только покой,
и только львы бродят в одиночестве;
Остальные звери держатся подальше от этих мест,
да и птицы пролетают мимо.
43. За ними следуют только их собственные детеныши,
Им всего лишь три года — и они уже рычат.
Шакалам гнаться за царем Дхармы бесполезно,
И даже эльфы со всем своим волшебством не могут
следовать за ним.
44. Совершенное «внезапное» учение не имеет ничего
общего с человеческим воображением;
Где осталась хотя бы тень сомнения — там есть и
причина для спора;
Мое суждение не есть результат моего сомнения,
Я только боюсь, как бы ваша практика не привела
вас к нигилизму или позитивизму.¹
45. «Нет» — это не обязательно «нет», а «да» —
не всегда «да»;
Но когда вы допускаете различие хотя бы в волосок,
оно расширяется до тысячи миль;

¹ Позитивизм в данном случае — утверждение о реальности мира. — *Примеч. отв. ред.*

Философы весьма учены, но им недостает праджни;
[Что касается остальных], они либо невежды, либо
неразвиты;

Они принимают содержимое пустого кулака
за нечто реальное, а указательный палец —
за указанную цель;

Когда к пальцу относятся так, словно это сама луна,
все их усилия тщетны;

Они — настоящие праздные мечтатели,
затерявшиеся в мире чувств и предметов.

48. Когда человек вступает в царство не-форм,
он встречает Татхагату,
На самом деле его следует называть Кандзидзай
(Авалокитешвара);
Если сознавать это, препятствия кармы
оказываются пусты,
Ежели нет, то всем нам предстоит оплачивать
долги, созданные в прошлом.

49. Царский стол накрыт для голодных, но они
отказываются есть;
Если больные отворачиваются от хорошего врача,
смогут ли они излечиться?
Практикуйте дзэн, пока вы пребываете в мире
желаний, и подлинная сила интуиции проявит
себя;
Если лотос цветет посреди огня, его никак нельзя
сорвать.

Бхикшу Юсэ (Юн-ши)¹ совершил страшное
преступление, но, обретя просветленное
понимание не-рождения,
Он немедленно достиг буддовости и до сих пор
проживает в другом мире.

50. Доктрину бесстрашия проповедуют громко —
так, как рычит лев;
Как жаль, что неразвитые умы навсегда затвердели,
словно толстая кожа!
Поймите только одно: серьезные проступки —
преграды для просветления,
Они мешают проникнуть в тайны учения Татхагаты.
51. Когда-то давно жили два бхикшу; один совершил
убийство, а другой вступил в связь с женщиной.
Понимание Упали было светлым, как у светлячка,
но плодом его стало только сжимание узлов
преступности;
Но как только оба бхикшу оказались мгновенно
просветлены мудростью Вималакирти,
Их печали и сомнения растаяли, подобно тому как
тает снег на сверкающем солнце.

52. Власть непостижимого освобождения
Создает чудеса — бесчисленные, как песчинки
в Ганге, и не знает никаких пределов;
[Ему] охотно делают четыре вида подношений,

¹ История этого бхикшу изложена в *Сутре об устранении кармических препятствий (Цзин и чжан цзин)*.

Ему выплачивают тысячи слитков золота, но никто
при этом не влезает в долги;
И тем не менее мы не можем в полной мере
отблагодарить его за все то, что он делает для
нас, хоть режьте нас на части, а кости
стирайте в порошок;
Даже фраза, [сказанная им,] является истинной
в течение сотен тысяч коти калып.

53. Он — царь Дхармы, заслуживающий огромного
уважения;
Все Татхагаты — бесчисленные, как песчинки
в Ганге, — свидетельствуют об истинности его
достижения;
Теперь я понимаю, что такое драгоценность-мани,
Теперь я знаю, что все те, кто верит в нее, находятся
в согласии [с ним].

54. Когда смотришь на нее, отчетливо видишь ее,
но никакие другие объекты уже не видны,
Нет ни человека, ни Будды;
Бесчисленные хилиокосмы — просто пузыри
в океане,
Все мудрецы и герои — лишь вспышки света.

55. Сколь бы быстро ни вращалось железное колесо
над моей головой,
Истинная яркость дхьяны и праджни никогда не
угаснет во мне;
Солнце может остынуть, луна — возгореться;

Каким бы сильным ни было зло, истинная доктрина
всегда останется несокрушимой.
Рабочий слон упорно поднимается на самый
крутой холм;
Может ли с ним состязаться жук?

56. Пути большого слона и маленького зайца не
пересекаются,
Высшее просветление находится за пределами
умственной деятельности;
Перестаньте мерить небеса короткой тростинкой;
Если вы все еще не достигли понимания, я помогу вам.

МА-ЦЗУ (БАСО) И ШИ-ТОУ (СЭКИТО), ДВА ВЕЛИКИХ МАСТЕРА ДИНАСТИИ ТАН

Ма-цзу (Басо), получивший после своей смерти титул «дзэнского мастера великой безмятежности» (*да чжи*), назывался также Дао-и (Доити). При рождении он получил имя Ма, а его род происходил из Ханчжоу. Учение Ма-цзу, которое первоначально было распространено в провинции Цзянси, со временем оказало огромное влияние на весь буддийский мир, и этот проповедник стал широко известен под именем «отца Ма», т. е. Ма-цзу.

Согласно историческим данным, дзэн-буддизм был принесен в Китай индийским монахом по имени Бодхидхарма во времена южных и северных династий,

вероятно в конце V в. Но только в эпоху Хуэй-нэна и Шэнь-сю Бодхидхарма был признан первым патриархом дзэн-буддизма в Китае, поскольку именно в это время дзэн как таковой расцвел в качестве одного из важнейших направлений буддизма, созданных китайским религиозным гением. Это направление пустило корни благодаря Ма-цзу (ум. в 788 г.) и Ши-тоу (700—790). Последний был настоятелем монастыря в провинции Хунань, и таким образом Хунань и Цзянси стали центрами дзэнского движения. Все последователи дзэн в Китае, а также в нынешней Японии ведут отсчет от этих двух мастеров эпохи Тан.

Ши-тоу (Сэкито), при рождении названный Чжэнем, прибыл из района Дуаньчжоу. Другое его имя — Си-цзянь. Еще в юности он проявил религиозное рвение, выступив против одного варварского обычая, которого придерживался народ ляо. Речь шла о жертвоприношении быков для успокоения гнева злых духов, которым поклонялись люди. Ши-тоу разрушил много святынь, посвященных этим духам, и таким образом спас многих животных. Вероятно, он действовал весьма решительно и убедительно, поскольку даже старейшины деревни не смогли помешать его стремительной атаке на популярные суеверия. Позже он избрал в качестве религии буддизм и стал учеником Хуэй-нэна. Однако учитель умер, прежде чем Ши-тоу получил формальное посвящение в монашество. Тогда он поехал к Син-сы (ум. в 740 г.) из Цзичжоу, у которого стал изучать дзэн. Син-сы, подобно Нань-юэ Хуай-жану, учителю Ма-цзу, также был учеником Хуэй-нэна.

Прежде чем цитировать Ма-цзу, позвольте мне познакомить вас с некоторыми «вопросами-и-ответами» (мондо, кит. *вэнь да*) Ши-тоу — так, как они записаны в *Передаче Светильника*.

Однажды Син-сы спросил Ши-тоу:

— Говорят, что ум приходит с юга Лина.

— Нет никакого ума, который бы откуда-нибудь приходил, — ответил мастер.

— Если его нет, то откуда же пришли все эти сутры Трипитаки?

— Все они приходят отсюда и ни в чем не нуждаются.

Имя мастера Ши-тоу (что значит «каменная голова») происходит от названия хижины, построенной на гладкой скале, там где находится его монастырь в Хэнчжоу. Однажды Ши-тоу произнес следующую проповедь: «Мое учение, которое мне передали древние будды, не зависит от медитации (*дхьяна*) или какой-либо усердной работы. Достигнув прозрения, обретенного Буддой, вы понимаете, что Ум — это и есть Будда и что Будда — это и есть Ум; вы понимаете, что Ум, Будда, живые существа, *бодхи* (просветление) и *клеша* (страсти) происходят из одной и той же субстанции, известной под различными названиями. Вам следует знать, что сущность вашего разума ни подвержена уничтожению, ни вечна; что она ни чиста, ни загрязнена; что она совершенно безмятежна и самостоятельна, одинакова и для мудрых, и для невежественных; что она не ограничена в своей деятельности; что она не

включена ни в категорию ума (*читта*), ни в категорию сознания (*манас*), ни в категорию мысли (*виджняна*). Три мира (мир желаний, мир формы и мир не-формы) и шесть путей существования суть не что иное, как проявления вашего разума. Все они подобны луне, отраженной в воде, или образам, отраженным в зеркале. Можем ли мы говорить о них как о рожденных или умерших? Если вы осознаете все это, у вас будет все, в чем вы нуждаетесь».

Тогда Дао-у, один из учеников Ши-тоу, спросил его:

- Кто обрел понимание учения Хуэй-нэна?
- Тот, кто понимает буддизм.
- А вы обрели его?
- Нет, я не понимаю буддизма.

Один монах спросил:

- Каким образом человек может добиться освобождения?
- А разве кто-то обратил вас в рабство? — в свою очередь спросил мастер.
- Что такое Чистая Земля?
- А разве кто-то вас запачкал?
- Что есть нирвана? — снова спросил монах.
- Разве кто-то вверг вас в круговорот рождения-и-смерти?

Ши-тоу спросил вновь прибывшего монаха:

- Откуда ты пришел?

— Из Цзянси.

— Видел ли ты великого учителя Ма?

— Да, мастер.

Тогда Ши-тоу указал на связку хвороста и спросил:

— Чем учитель Ма похож на это?

Монах ничего не ответил. Вернувшись к учителю Ма, он передал ему свой разговор с Ши-тоу. Ма спросил:

— Заметил ли ты, насколько большой была связка?

— Она была огромной.

— Ты на самом деле очень сильный человек!

— Почему? — удивился монах.

— Потому, что ты тащил эту огромную связку от Наньюэ до этого монастыря. Только очень сильный человек мог совершить такой подвиг!

Один монах спросил:

— В чем смысл прихода первого патриарха с Запада?

— Спроси столб, стоящий вон там, — ответил мастер.

— Я вас не понимаю.

— Я понимаю не больше, чем ты.

Да-тянь спросил:

— Согласно одному древнему мудрецу, двойственность — это восприятие дао в виде сущего или не-сущего. Расскажите мне, пожалуйста, как можно устранить это препятствие.

— Здесь ничего нет, что же ты желаешь устранить?

Затем Ши-тоу вернулся и продолжил:

— Избавься от своего горла и своих губ, и тогда я посмотрю, что ты сможешь сказать.

— У меня нет ничего, от чего следует избавиться, — сказал Да-тянь.

— Если так, можешь войти во врата.

Дао-у спросил:

— В чем состоит высшее учение буддизма?

— Ты не сможешь его понять, пока оно у тебя есть, — ответил мастер.

— Существует ли что-нибудь сверх его, посредством чего можно совершить новый поворот?

— Небо безгранично, и ничто не мешает белым облакам свободно плыть.

— Что такое дзэн? — спросил монах.

— Кирпич и камень.

— Что такое дао?

— Кусок дерева.

Некто спросил Ма-цзу:¹

— Каким образом человек упражняется в дао?

Мастер ответил:

— В дао нет ничего, в чем следует упражняться. Если в нем и есть какая-либо дисциплина, то совершенствование в ней означает уничтожение дао. Ведь в таком случае можно уподобиться шраваке. А если в дао нет никакой дисциплины, остаешься невеждой.

¹ Это мондо взято из книги *Изречения древних мудрецов (Гу цзунь сю юй лу)*, часть I.

— С помощью какого понимания человек обретает дао?

Вместо ответа мастер произнес следующую проповедь:

— Дао по своей природе изначально совершенно и самодостаточно. Когда человек не держится за необходимость решать жизненные вопросы, хорошие или плохие, он считается практикующимся в дао. Избегать зла и быть привязанным к добру, медитировать на пустоту и вступать в состояние самадхи — значит совершать деяния. Те, кто гонится за внешними объектами, отходят [от дао].

Пусть человек прекратит любую мыслительную деятельность, откажется от всяких фантазий, которыми он наделен в этом тройственном мире. Если в нем остается воображения хотя бы на йоту, он сохраняет свой тройственный мир, источник рождения-и-смерти. Если воображение уничтожается, такой человек полностью устраняет источник рождения-и-смерти, и значит — владеет бесподобным сокровищем, принадлежащим Дхармарадже. Все воображение, скрывавшееся с безначальных времен в невежественном существе, а также ложь, лесть, самомнение, высокомерие и другие пагубные страсти, — все это соединяется в теле Единой Сущности и перестает существовать.

В сутре говорится, что многие элементы соединяются для того, чтобы создать наше тело, и что рождение этого тела означает лишь то, что все эти элементы объединились, а его исчезновение — лишь то, что эти элементы исчезли. Перед своим появлением элементы

не объявляют, что они должны появиться; и перед своим исчезновением они не провозглашают, что должны исчезнуть.

То же самое происходит и с мыслями: одна мысль постоянно следует за другой, предшествующая мысль не ожидает следующей; каждая мысль существует сама по себе и является неподвижной. Это называется *сага-рамудра-самадхи*, то есть «созерцанием печати океана»; это самадхи объемлет все вещи, словно океан, в котором все реки, какими бы они ни были, сами по себе пусты. И соленая вода великого океана, и воды всех впадающих в него рек имеют одинаковый вкус. Человек, живущий в этом океане, живет и во всех потоках, вливающих в него. Человек, купающийся в великом океане, купается и в пустоте всех вод, входящих в него.

Шравака является просветленным, но тем не менее он сбивается с пути; путь обычного человека верен, но все же он в каком-то смысле просветлен. Шравака не сознает, что Ум как таковой не имеет ни ступеней, ни причинной обусловленности, ни воображения. Упражняясь в причине, он достиг следствия и много калп пребывает в самадхи пустоты. Шравака может быть каким угодно просветленным, но все равно он идет по неправильному пути. С точки зрения бодхисаттвы он словно страдает от мучений ада. Шравака погрузил себя в пустоту и не знает, как выбраться из своего состояния спокойного созерцания, поскольку он не способен проникнуть в сущность самой природы Будды.

Человек исключительной воли и превосходного разума под руководством мудрого наставника сразу же вникнет в сущность вещи и поймет, что она не имеет никакого отношения к ступеням и процессам. Такой человек способен мгновенно прозреть собственную изначальную природу. Так, мы читаем в сутре, что у обычных существ мысли изменчивы, но мысли шравака не знают никаких изменений, [и это означает, что он никогда не выходит из состояния созерцания абсолютной безмятежности].

«Состояние омраченности» противопоставляется «состоянию просветленности», но если изначально не существует никакого омрачения, то нет и никакого просветления. Все существа с безначальных времен никогда не находились вне сущности самой Дхармы; они едят, одеваются, разговаривают и отвечают на вопросы, всегда пребывая внутри сущности Дхармы; вся деятельность шести органов чувств, все их занятия существуют в самой сущности Дхармы. Не зная обратного пути к Истоку, они следуют за названиями, цепляются за формы, допускают появление хаотичных фантазий и взращивают все виды кармы. Пусть они когда-нибудь обернут хотя бы одну-единственную мысль к Истоку, и тогда приобретут Ум Будды.

О монахи! Пусть каждый из вас заглянет в свой собственный Ум. Не забывайте то, что я говорю. Как бы красноречиво я ни говорил обо всех этих вещах, бесчисленных, как песчинки многих Гангов, Ум нисколько не увеличивается; и даже тогда, когда нет никакого разговора, Ум нисколько не уменьшается. Вы

можете бесконечно говорить об этих вещах, и это будет все тот же ваш Ум. Вы можете совсем не говорить об этих вещах, и это будет все тот же ваш Ум. Вы можете делить свое тело на многие формы, испускать лучи сверхъестественного света, исполнять восемнадцать чудес, но все то, что вы приобрели, в конце концов окажется всего лишь пеплом от вашего трупа.

Пепел, пропитанный влагой, не имеет никакой жизненной силы и подобен шраваке, который занят исследованием причины и достижением ее плода. Но пепел, еще не пропитанный влагой, оказывается жизнеспособным и подобен бодхисаттве, чья жизнь в дао чиста и не запятнана злом. Если я начну говорить о различных учениях, изложенных Татхагатой, то им не будет конца, даже если я стану рассказывать об этом многие эоны. Все эти учения подобны звеньям бесконечной цепи. Но как только вы сможете проникнуть в сущность Ума Будды, вам уже нечего будет постигать.

Я достаточно долго занимал ваше внимание, теперь же прощайте!

Однажды мирянин Пан¹, дождавшись когда Ма-цзу появится на алтарном возвышении, спросил его:

— Здесь присутствует Изначальное Тело, которое ничем не омрачено. Посмотрите сюда!

Ма-цзу посмотрел вниз. Тогда Пан сказал:

¹ Яп. Хокодзи, один из лучших учеников Ма; дальнейшие цитаты о нем взяты из моих трех «Очерков о дзэн-буддизме» («Essays on Zen»).

— Как превосходно играет мастер на великолепной лютне без струн!

Учитель посмотрел вверх. Пан отвесил поклон, и мастер удалился в свою комнату. Пан последовал за ним и произнес:

— Вы только что сваяли дурака, не правда ли?

Некто спросил:

— Что такое Будда?

— Ум — это и есть Будда, и ничто другое.

Один монах спросил:

— Можете ли вы, не обращаясь к четырем утверждениям и бесконечному ряду отрицаний, сообщить мне прямо сейчас, каков смысл прихода нашего патриарха с Запада?

— У меня нет желания отвечать на этот вопрос сегодня. Пойди в западный зал и спроси об этом Ши-цзана, — сказал учитель.

Монах отправился в западный зал и увидел Ши-цзана, который, указав пальцем на свою голову, произнес:

— Сегодня у меня болит голова и я не могу дать вам какого-либо объяснения. Советую пойти к брату Хаю.

Тогда монах обратился к Хаю, и тот сказал:

— Что касается этого, то я ничего не понимаю.

В конце концов монах возвратился к мастеру и рассказал ему о том, что произошло.

— Голова Цзана — черная, голова Хая — белая, — сказал ему учитель.

Монах спросил:

— Почему вы учите тому, что Ум — не что иное, как Будда?

— Я говорю это для того, чтобы успокоить плачущего ребенка.

— О чем вы станете говорить, когда плач прекратится?

— Ни об Уме, ни о Будде.

— Какое учение вы проповедали бы тому, кто не входит ни в ту, ни в другую группу?

— Я буду говорить: «Это — не что-то».

— Если вы неожиданно встретите человека, который находится в этом, как вы поступите?

— Я позволю ему осознать великое дао.

Мастер спросил Бай-чжана, одного из своих главных учеников:

— Как ты собираешься обучать других?

Бай-чжан молча поднял свой хоссу. Учитель заметил:

— И это все? Другого способа нет?

Бай-чжан отбросил хоссу.

Монах спросил:

— Как человек входит в гармонию с дао?

— Я уже вне гармонии.

Тань-юань, один из непосредственных учеников Ма-цзу, возвратился из своего паломничества. Увидев мастера, он нарисовал на полу круг и после почтительных поклонов встал внутрь него, лицом к учителю. Ма-цзу спросил:

— Таким образом ты желаешь стать Буддой?

— Мне неведомы методы, с помощью которых я бы мог расфокусировать свой взор, — ответил монах.

— Я тебе не ровня.

Монах промолчал.

Однажды в первый месяц четвертого года Чжэньюань (788 г.) во время прогулки в лесах Шимэньшаня Ма-цзу заметил пещеру с гладким полом. Он сказал сопровождающему его монаху:

— Мое тело, подверженное разложению, возвратится в эту землю через месяц.

Четвертого числа второго месяца он плохо себя почувствовал и, как и предсказывал, после совершения омовения сел, скрестив ноги, и скончался.

Хуан-бо (Обаку Киун)¹

ТРАКТАТ О СУЩНОСТИ ПЕРЕДАЧИ УМА (ДЭНСИН ХОЁ)

Мастер сказал Бай-сю:

— И будды, и обычные живые существа² возникают из Единого Ума, и нет никакой иной реальности, кроме

¹ Ум. в 850 г.

² Один из первых уроков в изучении буддизма — понять, что подразумевается под «Буддой» и «обычными живыми существами». Это различие проходит через все разделы буддийской доктрины. Будда является просветленным, тем, кто про-

него. Он существует с незапамятных времен; он не знает ни рождения, ни смерти; он не является ни голубым, ни желтым; он не имеет ни очертаний, ни формы; он выше категорий бытия и не-бытия; он ни стар, ни молод; он ни длинный, ни короткий; ни большой, ни маленький, поскольку превосходит любые пределы, слова, знаки и противоположности. Его следует принимать только таким, каков он есть; если же мы пытаемся схватить его в мысли, он ускользает. Он подобен пространству, границы которого лежат вне какого бы то ни было измерения; никакие концепции здесь неуместны.

Только этот Единый Ум и есть Будда, которого не следует отделять от обычных живых существ. Но чем больше мы ищем его вовне, в мире форм, тем дальше

зрел причину существования, в то время как живые существа представляют собой массы омраченных невежд с хаотичным сознанием. Цель буддизма — дать возможность всем живым существам достичь просветления, стать буддами. Вопрос в том, обладают ли они той же природой, что и Будда; ведь если их природа отлична, то они никогда не смогут стать такими же просветленными, как он. Духовная пропасть между этими двумя группами, по-видимому, слишком велика, для того чтобы можно было ее легко преодолеть, и часто возникает сомнение, есть ли в живых существах вообще нечто такое, что способно преобразиться в буддовость? Позиция дзэн-буддизма заключается в следующем: один и тот же Ум пронизывает все и поэтому невозможно провести какое-либо различие между Буддой и обычными живыми существами; и та и другая группа имеют одну и ту же природу Ума. Что же это за «Ум»? В своих проповедях Хуан-бо пытается решить этот вопрос для своего ученика Байсю.

он ускользает от нас. Совершенно невозможно заставить Будду искать самого себя, так же как нельзя заставить Ум овладеть самим собой. Мы не понимаем, что как только все наши попытки сформулировать мысль прекращаются, Будда являет себя перед нами.

Этот Ум есть не что иное, как Будда, а Будда — это не что иное, как обычное живое существо. Принимая форму живого существа, Ум не страдает от какого-то уменьшения; становясь Буддой, он ничего к себе не прибавляет. Даже когда мы говорим о шести добродетелях совершенствования (*парамита*) и о множестве похвальных поступков — бесчисленных, как песчинки в нескольких Гангах, — это значит, что все они пребывают в самом Уме и не являются чем-то, что может быть добавлено к нему посредством практики. Когда действуют условия,¹ он работает; когда условия прекращают действовать, он сохраняет безмятежность. Те, кто до конца не верит в то, что Ум на самом деле и есть Будда, и пытаются достичь успехов посредством практики, привязанной к форме, — отдаются ложным фантазиям и отклоняются от правильного пути.

Этот Ум — не что иное, как Будда; нет никакого Будды вне Ума и не существует никакого Ума отдельно от Будды. Этот Ум чист и, подобно пространству, не имеет никаких характерных признаков, [посредством которых его можно отличить от других объектов]. Как только у вас мелькнет мысль о нем, как только вы

¹ Кит. *юань* и санскр. *пратьяя*; один из наиболее важных терминов философии буддизма.

начнете формировать идею о нем, вы разрушите саму реальность, ибо окажетесь привязаны к форме. С безначальных времен нет никакого Будды, которому бы была присуща форма. Если вы пытаетесь обрести буддовость, практикуя шесть добродетелей совершенствования и совершая десятки тысяч благородных поступков, то это только упорядочивание [достижений буддовости]; но с безначальных времен не существует какого-либо Будды, достижения которого так бы упорядочивали. Проникая в сущность Единого Ума, вы видите, что нет никакой особенной реальности, [которую можно было бы назвать Умом]. Эта непостижимость является не чем иным, как истиной самого Будды.

Все будды и все живые существа происходят из Единого Ума и между ними нет никакого различия. Это подобно пространству, в котором нет ничего составного и которое не подвержено разрушению. Это подобно великому солнцу, которое освещает все четыре стороны света. Когда оно восходит, его свет проникает во все уголки земли, но само пространство никак не освещается; когда солнце садится, темнота воцаряется повсюду, но на само пространство эта темнота не распространяется. Свет и темнота действуют поочередно, сменяя друг друга, но само пространство — это великая пустота, которая не претерпевает никаких изменений.

То же самое можно сказать и об Уме, который является как сущностью Будды, так и сущностью любого живого существа. Принимая Будду за нечто чистое, светлое и свободное, а живых существ — за омраченных, темных и блуждающих в сансаре, вы никогда не

сможете достичь просветления, как бы сильно [вы к этому ни стремились]; ведь пока вы придерживаетесь этого способа понимания, вы привязаны к форме. Но в этом Едином Уме нет какой-либо особой формы, которую можно ухватить.

Этот Ум — не что иное, как Будда; нынешние буддисты не способны видеть Ум таким, каков он есть. Они представляют себе некий ум вне самого Ума и ищут Будду за пределами формы. Эта практика ошибочна, и это не путь просветления.

Лучше делать подношения религиозному человеку, который свободен от умственных привязанностей,¹ чем всем буддам десяти направлений. Почему это так? Потому, что быть свободным от умственных привязан-

¹ У синь (кит.), или мусин (яп.). Этот термин буквально означает «не-ум» или «не-мысль». Чрезвычайно трудно найти английское слово, которое могло бы ему соответствовать. Близок по смыслу термин «бессознательное», однако он слишком психологичен. *Мусин* — исключительно восточное понятие. Выражение «быть свободным от умственных привязанностей» звучит несколько многословно, но мысль, лежащая в основе него, означает состояние сознания, в котором нет никакого страстного желания, сознательного или бессознательного, основанного на эго-субстанции, или на сущности души, или на уме как факторе, формирующем структурную связь нашей умственной жизни. Буддизм считает такое желание источником всякого зла — как нравственного, так и интеллектуального. Оно действует разрушительным образом не только в личной, но и в общественной жизни. Этому вопросу посвящена отдельная статья в одном из моих «Очерков о дзэн-буддизме».

ностей — значит быть свободным от любых видов фантазий.

Таковость, рассматриваемую с точки зрения ее внутреннего содержания, можно уподобить лесу или скале, поскольку она остается неподвижной и непоколебимой; в то же время внешне она подобна пространству, всепроникающему и ничем не сдерживаемому. Таковость, поскольку она свободна как от активности, так и от бездеятельности, не знает никакой ориентации, не имеет никакой формы и в ней нет ни приобретения, ни потери. Те, кто [слепо] блуждает, не смеют вступить на этот путь, ибо боятся падения в пустоту, в которой для них нет никакой опоры. Они поспешно отступают, едва лишь сталкиваются с ней. Как правило, эти люди — искатели учености и интеллектуального понимания. Таких ищущих — множество, словно волос на голове, тогда как тех, кто прозревает истину, — мало, словно рогов на ней.

Манджушри соответствует *ли* («причине», или «принципу»), а Самантабhadра — *син* («жизни», или «действию»). *Ли* — принцип истинной пустоты и беспрепятственности, *син* — неистощимая жизнь, отделенная от формы. Авалокитешвара соответствует совершенной любви, а Стхамапратта — совершенной мудрости. Вималакирти — значит «незапятнанное имя»; незапятнанность — это Сущность, а имя — это форма. Сущность и форма — это две различимые вещи, отсюда и имя, Вималакирти («чистое имя»). Все, что представлено всеми великими бодхисаттвами, присутствует в каждом из нас, поскольку таково содержание Единого

Ума. Все оказывается правильным, когда мы пробуждаемся к истине.

Нынешние буддисты смотрят наружу, вместо того чтобы вникать в собственный ум. Они привязываются к формам и к миру, что идет вразрез с понятием истины.

Песчинки Ганга Будда упоминает в следующем случае: все будды, бодхисаттвы, Шакрендра и другие боги ступают по этим песчинкам, но те не выражают по этому поводу какой-либо радости; песчинки топчут быки и коровы, по ним ходят овцы, ползают муравьи и другие насекомые, но они вовсе не испытывают из-за этого гнева; песчинки могут скрывать под собой всевозможные сокровища и благовонные вещества, но при этом они не жадничают; они могут быть запачканы всякой грязью и зловонными веществами, но при этом не чувствуют к ним отвращения. Подобная умственная позиция присуща тем, кто реализовал состояние *мусин* («освобождение от умственных привязанностей»).

Когда ум свободен от всякой формы, он постигает, что нет никакого различия между буддами и живыми существами; когда достигается состояние *мусин*, буддийская жизнь обретает свое завершение. Если буддисты не способны вникнуть в истину *мусин* без какого-то посредника, вся их дисциплина никогда не позволит им достичь просветления. Они навсегда окажутся рабами дисциплины и заслуг, о которых заботятся последователи трех колесниц, и они никогда не достигнут освобождения.

Некоторые приобретают это состояние ума (*мусин*) быстрее, чем другие. Одни достигают состояния *мусин* внезапно, просто услышав проповедь о Дхарме, дру-

гие — только после прохождения всего пути бодхисаттвы, включающего десять ступеней веры, десять ступеней пребывания, десять ступеней дисциплины и десять ступеней поворота. Для достижения *мусин* потребуется какое-то время, но как только это состояние приобретено, прекращается всякая дисциплина, любая реализация, и достичь чего-либо еще невозможно. И это правда, потому что это не ложь. Достигается ли *мусин* в одной мысли или только после прохождения десяти ступеней, его практическая деятельность — одна и та же, и не существует вопроса о том, что из этого лучше, а что — хуже. Только одно было объектом долгих лет изнурительной тренировки.

И причинение зла, и совершение добра — последствия привязанности к форме. Когда из-за привязанности к форме причиняется зло, приходится страдать из-за перерождений; когда из-за привязанности к форме совершается добро, приходится провести жизнь, полную тяжелых испытаний. Поэтому лучше внезапно проникнуть в сущность Дхармы, услышав проповедь о ней.

Под Дхармой подразумевается Ум, поскольку отдельно от Ума не существует никакой Дхармы. Ум — не что иное, как Дхарма, ибо отдельно от Дхармы не существует никакого Ума. Этот Ум сам по себе является «не-умом» (*мусин*), но в то же время нет никакого «не-ума». Когда «не-ум» ищут посредством ума, он становится особым объектом мысли. Существует лишь свидетельство молчания, и оно превосходит размышление. Поэтому говорится, что [Дхарма] отрезает путь к словам и прекращает процесс мышления.

Этот Ум есть Источник; он есть Будда, абсолютно чистый по своей природе, и он присутствует в каждом из нас. Все живые существа, какими бы ничтожными и жалкими они ни были, отличаясь в этом отношении от будд и бодхисаттв, имеют одну и ту же субстанцию. Только из-за своих фантазий и ложных различий живые существа созидают свою карму и пожинают ее плоды, в то время как в самой их сущности Будды нет ничего, что было бы затронуто этим. Сущность сама по себе пуста и позволяет всему проходить сквозь себя; она спокойна и безмятежна, просветлена, миролюбива и благодотворна.

Приобретя глубокое внутреннее прозрение всего этого, вы мгновенно осознаёте, что все, в чем вы нуждаетесь, уже избыточно и совершенно и что ничто из всего этого не нуждается в вас. Вы можете усердно упражняться в течение трех асанкхей калп, проходить через все ступени пути бодхисаттвы, но если вы приходите к реализации в одной мысли, это означает, что вы изначально являетесь буддами, и ничто другое. Реализация не добавляет вам чего-то еще сверх этой истины. Оглянувшись назад и обзрев все свои минувшие практики, вы поймете, что они всегда были лишь многочисленными праздными деяниями, совершенными в мечтах. Поэтому Татхагата и говорит, что, обретя просветление, он ничего не достиг, и что если бы он действительно чего-нибудь достиг, Будда Дипанкара никогда бы не засвидетельствовал этого.

Татхагата также говорит, что эта Дхарма всегда одна и та же и что она свободна от изъянов. Под Дхармой

подразумевается бодхи. То есть этот чистый Ум, формирующий источник всех вещей, одинаков во всех живых существах, во всех землях будд и во всех других мирах с их горами, океанами и т. д., с вещами с формой и вещами без формы. Все одинаково, не существует никаких различий между этим предметом и тем. Этот чистый Ум, источник всех вещей, всегда совершенен, просветлен и всепроникающ. Люди не знают об этом и принимают то, что они видят и слышат, или о чем они думают, или то, что они знают, непосредственно за сам Ум; и тогда их духовное понимание сокрыто и не может проникнуть в самую субстанцию, ясную и просветленную. Когда вы осознаёте *мусин* без посторонней помощи, [то есть интуитивно], субстанция открывается вам сама по себе. Это подобно солнцу, появившемуся в небе: его свет пронизывает все десять направлений, и нет ничего, что бы могло ему помешать.

В соответствии с этим, если последователям дзэн не удастся преодолеть мир своих чувств и мыслей, все их занятия и поступки бессмысленны. Но если чувства и мысли уничтожены, все подходы к Уму закрыты, и тогда вообще не существует никакого доступа. Следует признать, что наряду с деятельностью чувств и мыслей существует изначальный Ум, только он и не принадлежит им, и не полностью независим от них. Не возвращайте суждений по поводу своих чувств и мыслей, не поддерживайте свое понимание, основанное на чувствах и мыслях; но в то же время не ищите Ум вдали от своих чувств и мыслей, не пытайтесь постичь Дхарму, отвергая их. Если вы не привязаны к мыслям и не отделены от

них, если вы не пребываете в них и не цепляетесь за них, тогда вы наслаждаетесь своей совершенной и беспрепятственной свободой, тогда у вас есть собственная обитель просветления.

Когда люди узнают, что передаваемое от одного будды к другому и есть Ум, они воображают, будто существует какой-то особенный предмет, некий «ум», который они пытаются постичь или осознать; но это значит искать что-либо за пределами Ума или создавать нечто несуществующее. На самом деле Ум единствен. Нельзя овладеть им, воздвигая другой ум; как бы долго, пусть даже сотни тысяч кальп, вы ни искали его, вы никогда не сможете сказать, что нашли его. Только непосредственно пробудившись к состоянию *мусин*, вы приобретете свой собственный Ум. Это подобно тому, как некий человек усиленно ищет жемчужину, которая на самом деле спрятана у него на лбу: до тех пор пока он ищет ее за пределами себя, во всех десяти направлениях, он не найдет ее; но пусть мудрец хотя бы однажды укажет ему, где сокрыта эта жемчужина, и человек немедленно ощутит свою драгоценность, которая была с ним изначально.

То, что последователям дзэн не удается постичь Будду, связано с их неверным пониманием того, где находится их собственный Ум. Они ищут его вовне, выдумывают различные виды упражнений, которыми они надеются постепенно овладеть, и усердно трудятся в течение многих жизней. И все же они не могут достичь просветления. Никакие занятия несравнимы с мгновенным пробуждением к состоянию *мусин*.

Придя к прямому пониманию того, что все вещи по своей природе ничем не обладают, ничего не достигают, ни от чего не зависят, нигде не пребывают и взаимно друг друга не обуславливают, вы освободитесь от лелеемых фантазий по поводу реализации бодхи. Если бодхи реализовано, тогда реализован и ваш собственный Ум, который есть Будда. Все деяния прошедших веков тогда становятся не чем иным, как реальной дисциплиной. Обнаружение человеком у себя на лбу своей же драгоценности не имеет ничего общего с усилиями, затраченными на внешние поиски. Будда говорит: «Я не достигал чего-либо в моем достижении просветления». Заботясь о том, чтобы мы поверили в это, он обращается к пяти глазам¹ и пяти утверждениям.² И это — правда, потому что это не ложь, и это первое истинное утверждение.

¹ Пять глаз таковы: 1) физический глаз, 2) небесный глаз, 3) глаз мудрости, 4) глаз Дхармы, 5) глаз Будды.

² В *Алмазной сутре (Ваджраччхедика)* Будда дает пять утверждений, которые касаются истины его учения.

ТРИ ИНВАЛИДА¹*Предварительное замечание*

Если установлены врата и дворы, тогда есть и «два», и «три», и царство множественности; если говорить всерьез о высших предметах, постигаемых интуитивно, мир «семерок» и «восьмерок» полностью разрушится. Какими бы ни были воззрения и мнения, их следует дробить на части, так чтобы даже преграды из золотых цепей были бы успешно преодолены. Когда отдаются высочайшие приказы, стираются все следы, и ничего нельзя обнаружить. Сможем ли мы решить такой коан? Позвольте тому, у кого есть глаз на лбу, позаботиться об этом.²

¹ Гэнся — японское прочтение имени китайского мастера дзэн Сюань-ша (835—908). Нижеследующий текст — литературный перевод случая № 88 из *Би янь цзи*, одного из наиболее значительных и в то же самое время самых популярных дзэнских текстов. Слова в скобках в «Иллюстрирующем случае» и в стихах Сэттё относятся к Энго. Относительно характера и композиции *Би янь цзи* см. мои «Очерки о дзэн-буддизме». [См.: Судзуки Д. Т. *Очерки о дзэн-буддизме. Вторая часть*. СПб., 2004. С. 271 и сл. — *Примеч. отв. ред.*]

² Цель этого замечания — заставить читателя отбросить свой относительный взгляд на вещи, с тем чтобы достигнуть абсолютной основы всех вещей.

Иллюстрирующий случай

Гэнся прочел следующую проповедь:

— Все достойные мастера настоящего времени утверждают, что они трудятся на благо всех живых существ. [— Каждый держит лавку по средствам. — Одни богаты, другие бедны.]

Поскольку это так, что вы будете делать, если перед вами внезапно появятся три инвалида? [— Выдирая сорняки, мы хотим отпугнуть змей. — Что касается меня, то мои глаза вследствие этого открываются шире, а мой рот — закрывается. — Все мы должны отступить равно на три тысячи *ли*.]

Те, кто слеп, не могут видеть вас, даже если вы держите в руке молоток или *хоссу*. [— Абсолютно слепой. — Это не кто иной, как «благодетель всех существ». — Очевидно, он не совсем слеп.]

Те, кто глух, не могут слышать вас, даже если вы говорите достаточно громко. [— Абсолютно глухой! — Это не кто иной, как «благодетель всех существ». — Очевидно, он не совсем глух. — Но кое-что все же остается не услышанным.]

Те, кто нем, не могут высказать свои мысли, даже имея внутреннее понимание. [— Абсолютно немой! — Это не кто иной, как «благодетель всех существ». — Очевидно, он не совсем нем. — Но кое-что все же остается невысказанным.]

Какое лечебное средство вы можете предложить таким людям? Если вы не знаете, как обращаться с ними, то следует признать, что буддизму не хватает

таинственных действий. [— Совершенно верно, этот мир — я сам готов отказаться, сложив руки. — «Благодетель» уже достигим! — «Он уже найден».]

Монах спросил Уммона (Юнь-мэнь), что значит быть просветленным. [— Экая важность, расхаживать и спрашивать! — Ах!]

Уммон сказал: «Кланяйтесь!» [— Стоит подуть ветру, трава ложится. — Тюх!]

Когда монах перестал кланяться, [— Посох монаха сломан!]

Уммон ткнул его посохом и монах отпрянул. Уммон сказал: «Значит, вы не слепы?» [— Абсолютно слеп! — Не говорите, что у этого монаха слабое зрение.]

Тогда Уммон велел ему подойти, и монах подошел. [— За секунду омылся грязной водой из ковша. — Каннон приближается! Дать «кац!» было бы лучше.]

Уммон спросил: «Значит, вы не глухи?» [— Абсолютно глух! — Не говорите, что у этого монаха слабый слух.]

Далее Уммон продолжал: «Вы понимаете?» [— Почему он не дает ему хороший корм? — Жаль, что он вообще что-то произнес.]

«Нет, учитель, я не понимаю», — таков был ответ. [— Двойной коан! — Какая жалость!]

Уммон сказал: «Значит, вы не немые?» [— Абсолютно нем! — Какое красноречие! — Не говорите, что этот монах нем.]

Теперь монах уловил суть. [— Готовит лук и стрелы, когда вор уже далеко ушел. — После всего этого он — просто старая чашка!]

Комментарий

В этой проповеди Гэнся представляет свою точку зрения: после столь долгих лет изучения дзэн он способен видеть все в абсолютной нагоде, без какого-либо приукрашивания, полностью отбросив фантазии и освободившись от рассуждений. В те дни существовало много дзэнских монастырей, соперничавших друг с другом.

Гэнся обычно говорил своим монахам: «Все достойные мастера настоящего времени утверждают, что они трудятся на благо всех живых существ. Поскольку это так, что вы будете делать, если перед вами внезапно появятся три инвалида? Тот, кто слеп, не может видеть вас, даже если вы держите в руке молоток или хоссу. Тот, кто глух, не может слышать вас, даже если вы говорите достаточно громко. Тот, кто нем, не может высказать свои мысли, даже имея внутреннее понимание. Какое лечебное средство вы можете предложить таким людям? Если вы не знаете, как обращаться с ними, то следует признать, что буддизму не хватает таинственных действий».

Если люди воспринимают эти слова просто как рассказ о неких слепом, глухом и немом, они безуспешно блуждают во мраке. Поэтому и говорится, что не следует искать смысл в словах, которые способны только убивать; нужно непосредственно вникнуть в дух Гэнся и тогда смысл станет ясным.

Так Гэнся обычно проверял, насколько глубоко монахи понимали это утверждение, и однажды один монах, который оставался с ним в течение некоторого времени,

дождался, пока учитель придет в зал Дхармы, и произнес: «Вы позволите изложить вам мое понимание вашей притчи о трех инвалидах?» Гэнся ответил: «Да, конечно». После чего монах заявил: «Прощайте, учитель!» — и покинул помещение. Гэнся сказал: «Не так, не так». Мы должны признать, что этот монах полностью понял проповедь Гэнся.

Позже Хогэн (кит. Фа-янь, ум. в 958 г.) утверждал: «Услышав, как мастер Дзидзо (Ди-цзан) упоминал слова этого монаха, я смог понять проповедь Гэнся об этих трех инвалидах».

Теперь я спрашиваю вас. [Вот загадка для вас, монахи!] Если тот монах не понял смысла проповеди Гэнся, почему Хогэн сделал такое утверждение? А если тот монах понял смысл проповеди Гэнся, то почему последний произнес: «Не так, не так»?

Однажды Дзидзо сказал Гэнся: «Говорят, что вы читали проповедь о трех инвалидах, так ли это?» Гэнся ответил: «Да». Тогда Дзидзо спросил: «У меня есть глаза, уши, нос и язык; какое лечение вы предложили бы мне?» Гэнся был весьма удовлетворен этим вопросом Дзидзо.

Поняв смысл проповеди Гэнся, осознаешь и то, что ее силу не следует искать в словах. Вы также увидите, что осознавшие естественным образом отличаются от всех остальных людей.

Позже, когда один монах прибыл к Уммону (Юнь-мэнь, ум. в 949 г.) и спросил его о проповеди Гэнся, тот продемонстрировал свое понимание следующим образом. Уммон приказал монаху: «Кланяйтесь!» Когда

монах перестал отвешивать поклоны, Уммон ткнул его своим посохом и монах подался назад. Уммон спросил: «Значит, вы не слепы?» Затем Уммон велел ему подойти и монах приблизился. Уммон снова спросил: «Значит, вы не глухи?» В конце он поинтересовался: «Вы понимаете?» — «Нет, мастер», — прозвучал ответ, на что Уммон заметил: «Значит, вы не немые?» Эти вопросы помогли монаху ухватить суть.

Если бы этот монах, пришедший к Уммону, в какой-то степени понимал смысл проповеди Гэнся, он ударил бы по сиденью учителя, когда тот приказал кланяться, и не стал бы больше суетиться. Но позвольте мне спросить вас: поняли ли Уммон и Гэнся эту проблему одинаково? Скажу вам, что их понимание обращено на одно и то же. Древние мастера действуют среди нас и применяют различные ухищрения, потому что им интересно наблюдать, как кто-нибудь заглатывает наживку и попадает на крючок. Они отпускают колкие замечания, дабы заставить нас прозреть великое событие этой жизни.

Мой учитель Госо (У-цзу, ум. в 1104 г.) говорил: «Один хорошо излагает, но ничего не понимает; другой понимает, но не может говорить. Если эти двое окажутся перед вами, как вы распознаете их? Если вы не можете различить их, то не можете и рассчитывать на то, что освободите людей от их зависимости и привязанности. Но если вы способны сделать это, я позабочусь о том, чтобы вы как можно скорее вошли в мои врата; я надену пару сандалий и пробегу внутри вашего тела несколько раз еще до того, как вы осознаете это. Однако если вы

не сможете проникнуть в суть этого вопроса, стоит ли в таком случае разыскивать эту старую чашку? Лучше эти поиски прекратить».

Вы желаете знать, каков окончательный смысл этого сложного рассказа о слепом, глухом и немом? Давайте посмотрим, что говорит об этом Сэттё.

Стихотворные примечания Сэттё

Слепой, глухой, немой! [— Даже раньше, чем произнесено слово. — Три органа чувств в полном порядке. — Уже закончен один абзац!]

Безгранично за пределами воображаемых ухищрений. [— Где вы хотите разыскивать его? — Есть ли нечто, что позволяет вам размышлять? — Какое это имеет отношение вообще?]

Выше небес и ниже небес! [— Совершенно свободно действует Истина. — Ты сказал!]

Как нелепо! Как уныло! [— Что это за нелепость, что это за унылость? — Частично яркое и частично темное.]

Ли Лоу не знает, как отличить правильный цвет. [— Слепец! — Хороший мастер не оставляет следов. — Абсолютно слепой!]

По каким признакам Ши Куан узнает таинственную мелодию? [— Тугоухий! — Нельзя оценить величайшую заслугу. — Абсолютно глухой!]

Какая жизнь может сравниться с этим? Сидя в спокойном одиночестве у окна, [— Это способ идти

дальше. — Не пытайтесь прокормиться в пещере призраков. — Разбейте сразу этот бочонок с угольной смолой!]

Я наблюдаю, как падают листья и цветут растения; я вижу, как одно время года сменяет другое. [— Какое сейчас время года, как вы думаете? — Не считайте, что это пустяк. — Сегодня вечер сменяет утро; завтра вечер сменяет утро.]

Тогда Сэттё сказал: «Понимаете ли вы это или нет?» [— «Повторяется в гатхе».]

Железная застава без ворот! [— Приходи со своей верой! — Очень плохо, что он был освобожден так легко. — «Тогда он ударил».]

Комментарий Энго к стихам Сэттё

«Слепой, глухой, немой!

Безгранично за пределами воображаемых ухищрений».

Так Сэттё уничтожил для вас все, смешав то, что вы видите, с тем, чего вы не видите; то, что вы слышите, с тем, чего вы не слышите; и также то, о чем вы говорите, с тем, о чем вы не можете говорить. Все это полностью устранено, и вы приобретаете жизнь слепого, глухого и немого. Здесь со всеми вашими фантазиями, ухищрениями и расчетами покончено раз и навсегда, они уже ни к чему. Именно здесь — высшая точка дзэн, именно здесь — истинная слепота, истинная глухота и истинная немота, каждая в своей безыскусности и простоте.

«Выше небес и ниже небес!
Как нелепо! Как уныло!»

Здесь Сэттё поднимает одну руку и опускает другую. Скажите мне, что он считает нелепым, а что — унылым? Нелепо, что этот немой человек вовсе не нем, что этот глухой человек — вовсе не глух; приводит в уныние то, что тот, кто вовсе не слеп, — совершенно слеп, и что тот, кто вовсе не глух, — совершенно глух.

«Ли Лоу не знает, как отличить правильный цвет».

Будучи неспособным отличить синее от желтого, красное — от белого, он, безусловно, слеп. Ли Лоу¹ жил при императоре Хуане. Говорят, он мог видеть кончик волоска на расстоянии сотни шагов. Острота его зрения была сверхъестественной. Император Хуан, отправившийся в увеселительную поездку к реке Чи, уронил свой драгоценный камень в воду и приказал Ли достать его. Но тот потерпел неудачу. Тогда император приказал, чтобы камень искал Чигоу, однако и тому также не удалось сделать это. Тогда приказ достать драгоценность получил Сян-ван, и он достал ее. Следовательно,

«Когда погружается Сян-ван, драгоценность сияет
ярче всего;

Но там, где ходит Ли Лоу, волны поднимаются
аж до самого неба».

¹ Он же Ли Чжу — трехглавый дух, охранявший дерево лангань, на котором вырастал прекрасный нефрит. — *Примеч. отв. ред.*

Когда мы поднимаемся к этим высшим сферам, даже глаза Ли Лоу не способны распознать, какой цвет правильный.

«По каким признакам Ши Куан узнает таинственную мелодию?»

Ши Куан жил при династии Чжоу; он был сыном Цзин Куана из царства Цзинь, ныне это провинция Цзянси. Его другое имя — Цзы-и. Он мог отчетливо различать пять звуков и шесть нот; он даже мог слышать возню муравьев на другой стороне холма. Когда Цзинь и Чу находились в состоянии войны, Ши Куан, спокойно перебирая струны своей лютни, предсказывал ее неблагоприятные последствия для Чу. Однако, несмотря на этот удивительный слух, Сэттё (Сюэ-доу) объявляет, что Ши Куан не способен распознать таинственную мелодию. Ведь тот, кто вовсе не глух, на самом деле глух. Самый тонкий звук в высших сферах превосходит остроту слуха Ши Куана. Сэттё говорит: «Я не собираюсь быть ни Ли Лоу, ни Ши Куаном, но

«Какая жизнь может сравниться с этим?»

Сидя в спокойном одиночестве у окна,

Я наблюдаю, как падают листья и цветут растения;

я вижу, как одно время года сменяет другое».

Достигнув этой стадии реализации, осознаешь, что видение — это не-видение, слушание — это не-слушание, проповедь — это не-проповедь. Если голоден — ешь, если устал — поспи. Пусть листья падают, пусть растения цветут, как им нравится. Когда падают листья,

я знаю, что сейчас осень; когда цветут растения, я знаю, что сейчас весна. В каждом времени года есть свои особенности.

Расчистив все, Сэттё наконец открывает вам проход, говоря: «Вы понимаете или нет?» Он сделал для вас все, что мог; он устал, у него хватает сил лишь обернуться и показать вам эту железную заставу без ворот. Это самое важное выражение. Взгляните и увидите это собственными глазами! Если вы колеблетесь, то навсегда потеряете ориентир.

Энго (Юань-у, автор этого комментария) поднял свой хоссу и сказал: «Вы видите?» Затем ударил им о свое сиденье и сказал: «Вы слышите?» Спустившись со своего сиденья, он спросил: «Велась ли о чем-нибудь речь?»

ДЕСЯТЬ РИСУНКОВ О ПАСТУХЕ И БЫКЕ

Предисловие

Считают, что автором этих «Десяти рисунков о пастухе и быке» был дзэнский мастер династии Сун по имени Какуан Сиэн (Го-ань Ши-юань), принадлежавший к школе риндзай. Он также был автором стихов и вступительных слов, относившихся к этим рисункам. Однако Какуан не был первым, кто попытался проиллюстрировать ступени дзэнской практики, поскольку в своем общем предисловии к рисункам он сам ссылается

Подобно чистому золоту, он сияет даже в печи;
По бесконечной дороге [рождения-и-смерти] он
уверенно идет к самому себе;
В каком бы обществе он ни оказывался, его движения
свободны и неторопливы.

Бык Дзиттоку постепенно белеет, как и бык Сейкё, и в этом отношении оба образа отличаются от интерпретации Какуана. У того никакой процесс не представлен. В Японии десять рисунков Какуана получили широкое распространение, и в настоящее время их воспроизводят все книги, написанные на эту тему. Самая ранняя интерпретация, как кажется, относится к XV в. Однако в Китае, по-видимому, в моде было другое издание, основанное на рисунках Сэйкё и Дзиттоку. Автор этих изображений не известен. Издание, содержащее предисловие Чжу-хуна (1585 г.), включает десять рисунков, каждый из которых предваряется стихотворением Пу-мина. Относительно самого Пу-мина Чжу-хун признается, что не знает, кто это такой. В этих рисунках окраска быка изменяется в соответствии с тем, как пастух обращается с ним. Ниже воспроизведены оригинальные китайские описания вместе со стихами Пу-мина.

Таким образом, насколько я установил, существует четыре вида пасторальных рисунков: 1) Какуана, 2) Сэйкё, 3) Дзиттоку и 4) неизвестного автора.

Рисунки Какуана представлены здесь в обработке Сюбуна, дзэнского священника XV в. Оригиналы рисунков хранятся в Сёкокудзи, Киото. Сюбун — один из величайших мастеров монохромной живописи периода Асикага.

Какуан

ДЕСЯТЬ РИСУНКОВ
О ПАСТУХЕ И БЫКЕ

I

Поиск быка

Животное никогда не терялось, какой же смысл искать его? Причина, по которой пастух и бык далеки друг от друга, состоит в том, что пастух сам пошел против своей сокровенной природы. Животное теряет дорогу, поскольку пастух, ведомый своими омрачающими чувствами, сам сбился с пути. Он все дальше и дальше удаляется от своего дома и блуждает по окольным тропам и окрестным дорогам. Желание выгоды и страх потери горят как пламя; понятия правильного и ошибочного «стреляют» словно оружие.

Одинокий в пустынном месте, заблудившийся в джунглях, мальчик все ищет и ищет!

Вздыхающиеся волны, далекие горы и бесконечная дорога;

Истощенный и потерявший надежду, он не знает, куда идти,

Он лишь слышит вечерних цикад, поющих в кленовых лесах.

I

Поиск быка.

II
Видит следы.

III
Видит быка.

IV

Бык пойман.

V

Пасет быка.

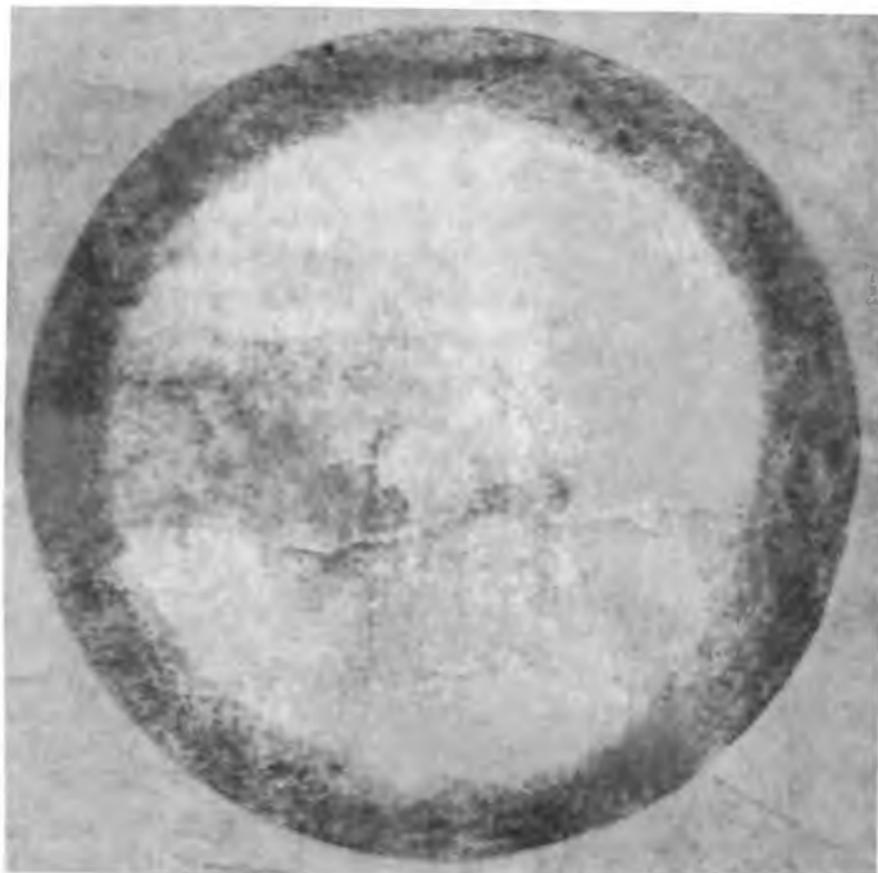
VI

Прибывает домой верхом на быке.

VII

Бык забыт, человек остается один.

VIII

Нет ни быка, ни человека.

IX

Возвращение к первоначалу, возврат к источнику.

Х

Вступает в город и готов одарять благами.

II

Видит следы

Обращаясь за помощью к сутрам и изучая доктрины, он приходит к некоему пониманию и находит следы. Теперь он знает, что все сосуды, какого бы размера они ни были, сделаны из золота и что объективный мир — это отражение его собственного «я». И все же он не способен разглядеть, что́ есть добро, а что́ — зло; его ум все еще находится в неведении относительно истины и лжи. Пока он еще не вошел во врата, но уже заметил следы.

То возле реки, то под деревьями встречаются следы пропавшего быка;

Душистые травы растут стеной — нашел ли он путь?

Как бы далеко ни бродил по холмам зверь,

Чутье пастуха простирается до небес и ничто не может укрыться от его взора.

III

Видит быка

Мальчик находит путь при помощи звука, который он слышит; таким образом он вникает в суть вещей и все его чувства находятся в гармонии. Это проявляется во всех его действиях.

Вон на той ветке весело поет соловей;
Солнце греет, дует мягкий прохладный ветерок; зеленые ивы стоят на берегу;

Бык представлен целиком, не скрыта ни одна его часть;

Великолепная голова украшена величественными рогами, — какой художник может воспроизвести его образ?

IV

Бык пойман

Мальчик, долго блуждавший в диких местах, находит наконец быка и пытается взять его на привязь. Однако из-за непреодолимого давления внешнего мира быка трудно удерживать. Он постоянно стремится убежать к старому душистому полю. Дикая природа все еще непокорна, она решительно не хочет сдаваться. Если пастух желает, чтобы бык примирился с ним, он должен непременно пользоваться своей плеткой.

Приложив усилия, мальчик в конце концов одерживает верх над быком.

Но как необузданна воля быка, как неукротима его сила!

Порой он самодовольно передвигается по равнине, Как вдруг, гляди! Он вновь скрывается в непроницаемом тумане горного ущелья.

V

Пасет быка

Когда уходит одна мысль, другая приходит ей на смену, а затем и та сменяется следующей — так действует бесконечный ряд мыслей. Посредством просветления все это превращается в истину; но если преобладает неуверенность, утверждается ложь. Вещи подчиняют нас себе не из-за объективного мира, а из-за самообмана ума. Не ослабляйте привязь, держите ее крепко и не допускайте никаких колебаний.

Чтобы животное не убежало в мир омрачений,
Мальчик не должен расставаться с плеткой и привязью;

Если о быке хорошо заботиться, он станет чистым и послушным;

Без цепей и без привязи он сам последует за пастухом.

VI

Прибывает домой верхом на быке

Борьба окончена; человека уже не заботят ни приобретение, ни утрата. Он распевает грубую песню лесника, он насвистывает простые мелодии деревенского мальчика. Усевшись на быка, он не обращает внимания ни на что суетное. Даже если его окликнут, он не повер-

нет головы; как бы его ни соблазняли, он никогда не вернется назад.

Восседая на животном, он не спеша направляется домой;

Как мелодично льются звуки флейты, окутанные вечерним туманом!

Он едет, напевая песенку, победив время; его сердце переполнено неопишуемой радостью!

Теперь он один из тех, кто знает, — стоит ли об этом говорить?

VII

Бык забыт, человек остается один

Дхармы — одно, а бык — это символ. Если вы осознали это, то вам нужны не капкан и не сеть, а заяц или рыба. Это подобно золоту, очищенному от грязи; это подобно луне, появляющейся из-за облаков. Единственный луч светит безмятежно и пронизательно, так же он светил и до сотворения мира.

Верхом на животном он наконец возвращается домой,

Но, смотри же! Быка больше нет, лишь человек восседает безмятежно.

Красное солнце уже поднялось высоко, но он все еще продолжает спокойно спать;

Под соломенной крышей без дела лежат его хлыст и привязь.

VIII

Нет ни быка, ни человека¹

Смятение преодолено, преобладает одна безмятежность; даже представления о святости нет. Он не задерживается там, где пребывает Будда, и быстро проходит там, где нет Будды. Если устранена двойственность, человек даже с тысячей глаз не способен обнаружить лазейку. Святоша, которому птицы подносят цветы, — это пустозвон.

Нет ничего — ни хлыста, ни привязи; ни человека, ни быка:

Разве можно объять взором просторы небес?

В пылающей печи не найти никаких снежинок:

Когда положение дел таково, проявляется дух древнего мастера.

¹ Было бы интересно сравнить с тем, что говорит об этом один философ-мистик: «Человек станет действительно бедным и свободным от своей тварности, каким он был при своем рождении. И я говорю вам, посредством вечной истины, что до тех пор пока вы желаете исполнять волю Бога и имеете какое-либо желание достичь вечности и Бога, вы не являетесь подлинно бедными. Поистине духовно беден тот, кто ничего не желает, ничего не знает и ни к чему не стремится» (Инге (Inge) приводит эту цитату Экхарта в книге «Light, Life and Love»).

IX

Возвращение к первоначалу, возврат к источнику

Когда-то давно, во времена чистые и безупречные, человек не был осквернен. Он следит за развитием вещей, но сам пребывает в неподвижной безмятежности не-утверждения. Он не отождествляет себя с майе-подобными трансформациями, [которые пытаются овладеть им], избегает понятия «я», [которое само по себе искусственно]. Реки — голубые, горы — зеленые; сидя в одиночестве, он наблюдает, как вещи подвергаются изменениям.

Вернуться к первоначалу, вернуться к источнику — значит сделать неверный шаг!

Лучше всего — оставаться дома, быть слепым и глухим и ни о чем не заботиться;

Сидя в хижине, он не замечает никаких внешних вещей;

Взгляни на потоки воды — кто-нибудь знает их?
А ярко-красные цветы — для кого они?

X

Вступает в город и готов одарить благами

Вход в его дом с соломенной крышей закрыт, и даже мудрейшие не знают, где он находится. Невозможно уловить никаких проблесков его внутренней жизни: он

продолжает свой собственный путь, не следуя заветам древних мудрецов. С тыквой¹ в руках он идет на рынок; опираясь на посох,² он возвращается домой. Он находится в обществе виноторговцев и мясников; и он и они обращены в будд.

С голой грудью и босиком он появляется на рынке; Вымазанный грязью и весь в золе, как широко он улыбается!

Нет нужды в таинственной силе богов,
Ибо стоит ему прикоснуться, — смотри! — сухие деревья пышно расцветают.

Неизвестный мастер
ДЕСЯТЬ РИСУНКОВ
О ПАСТУХЕ И БЫКЕ

I

Необученный

Животное свирепо фыркает, яростно пронзая воздух рогами.

Бешено мчась по горным тропам, оно удаляется все дальше и дальше!

¹ Символ пустоты (*шуньята*).

² Никакого лишнего имущества у него нет, поскольку он знает, что желание обладать — это проклятие человеческой жизни.

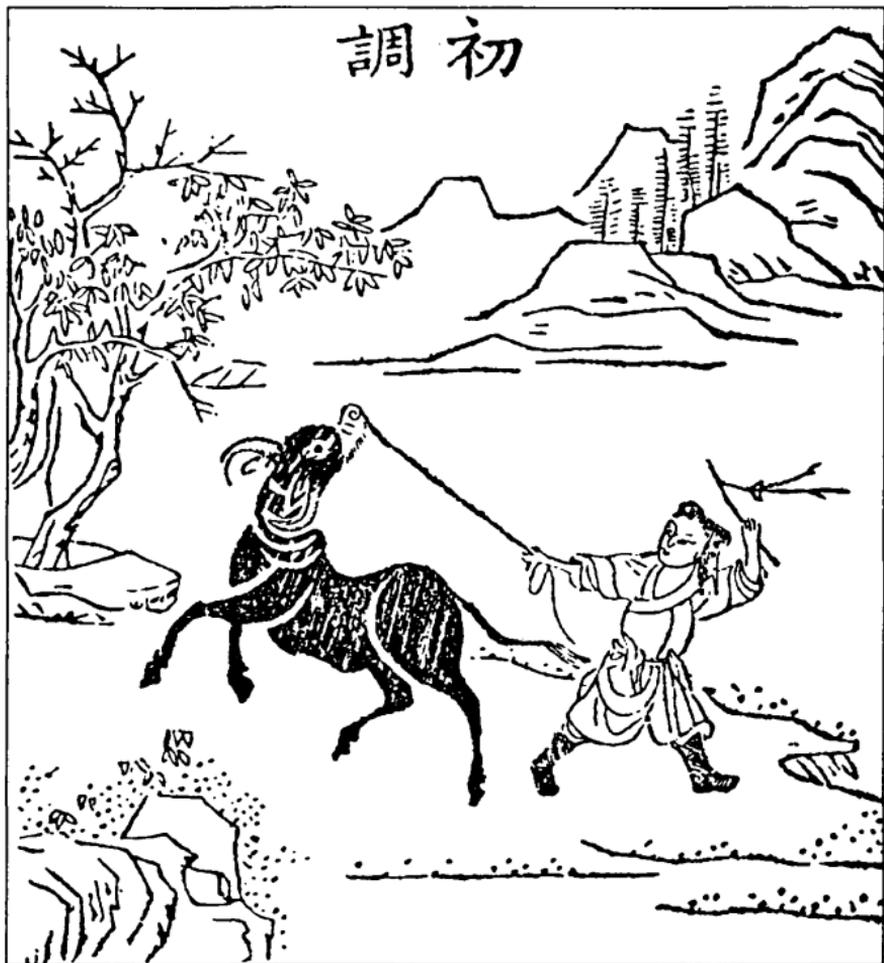
未 牧

I

Необученный.

初調

II

Обучение началось.

III

В упряжи.

昔廻

IV

Лицом к лицу.

V

Прирученный.

VI

Отсутствие препятствий.

運任

VII

Все идет как идет.

忘相

VIII

Все забыто.

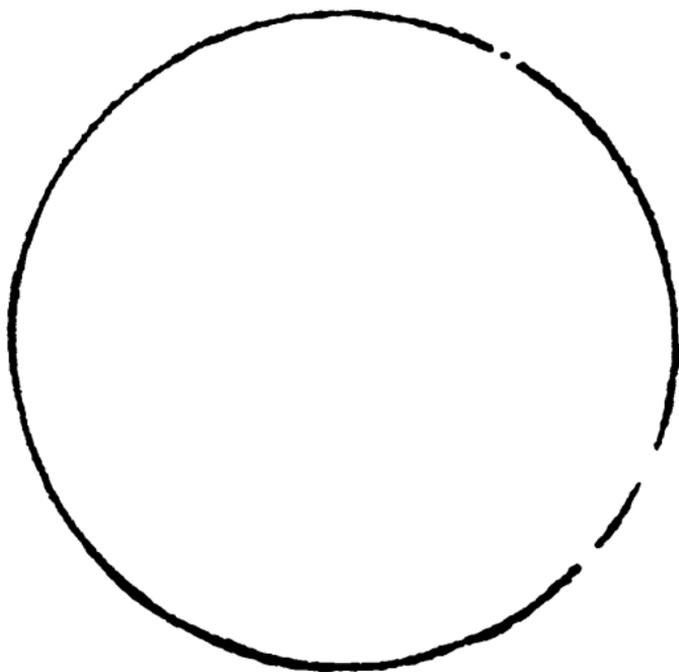
獨照

IX

Одинокая луна.

泯雙

X

Исчезли оба.

Темное облако висит над входом в долину,
И, как знать, сколько прекрасной свежей травы гибнет под его дикими копытами!

II

Обучение началось

У меня есть соломенная веревка, я пропускаю ее сквозь его ноздри,

Он сразу же пытается вырваться, но я его сурово хлещу и хлещу;

Животное сопротивляется со всей силой, присущей его природе — дикой и неуправляемой,

Но сельский пастух никогда не ослабляет натяжения свой привязи, и его крепкий кнут всегда наготове.

III

В упряжи

Постепенно смирившись с веревкой, животное не сопротивляется, и его ведут на привязи,

Пересекая реку или двигаясь по горной тропе, оно следует за своим хозяином;

Тот крепко держит веревку, никогда не ослабляя ее,

И весь день напролет он настороже, почти не чувствуя усталости.

IV

Лицом к лицу

После долгих дней приручения виден результат — животное уже ходит по кругу;

Дикая и неуправляемая природа наконец-то сломлена, бык смирился.

Но тот, кто покори́л его, еще не верит ему до конца;

Он все еще держит в руке соломенную веревку, которой бык теперь привязан к дереву.

V

Прирученный

Под зеленой ивой, у старой горной реки,
Быка отпускают на свободу, и он бродит, где ему хочется;

Вечером, когда легкий туман опускается на пастбище,
Мальчик идет домой вместе с животным, которое спокойно следует за ним.

VI

Отсутствие препятствий

На зеленом поле лежит довольное животное и бездельничает,

Не нужен уже ни хлыст, ни какие-либо другие сдерживающие средства;

Мальчик тоже спокойно сидит под сосной,

Наигрывая мелодию покоя, исполненную радости.

VII

Все идет как идет

Вечернее солнце освещает ручей, медленно бегущий вдоль берега, на котором растут ивы,

Стоит туман, и кажется, что трава на лугу встала стеною;

Проголодавшись, он щиплет траву; испытывая жажду, он пьет жадными глотками, и время проходит приятно и незаметно;

Мальчик часами дремлет на скале, не замечая ничего, что творится вокруг.

VIII

Все забыто

Животное, совершенно белое, теперь окружают белые облака,

Человек совершенно свободен и беззаботен, как и его спутник;

Белые облака, пронизанные лунным светом, отбрасывают на землю свои белые тени,

Белые облака и яркий лунный свет — каждый следует своему движению.

IX

Одинокая луна

Животного нигде нет, и пастух — хозяин своего времени,

Он — одинокое облако, легко плывущее мимо горных вершин;

Хлопая в ладоши, он радостно поет при лунном свете,
Но помнит о последней преграде, которая все еще остается на пути к дому.

X

Исчезли оба

И человек и животное исчезли, никаких следов не оставив,

Яркий лунный свет пуст и светел, как и все десять тысяч вещей, освещаемых им;

Если кто-нибудь спросит о сути всего этого,
Взгляни на полевые лилии и вдохни их душистую свежесть.

V

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ЯПОНСКИХ МАСТЕРОВ ДЗЭН

Дайо (1235—1308), Дайто (1282—1336) и Кандзан (1277—1360) — три выдающихся мастера в истории японской школы риндзай-дзэн. Все нынешние мастера этой школы, живущие в Японии, — их духовные потомки. Дайо ездил в Южный Китай и обучался там дзэн под руководством Кидо (Сю-тан), чьи большие надежды относительно его иностранного ученика полностью оправдались, и это подтверждает вся история японского дзэн. Дайто — основатель монастыря Дайтокудзи, Кандзан — Мёсиндзи; оба монастыря находятся в Киото. Мусо (1273—1351), который принадлежал к другой ветви дзэн, обладал художественными талантами. Известно множество садов, спроектированных им, и эти сады до сих пор хорошо сохранились. Мусо был основателем многих дзэнских храмов по всей Японии, среди которых наиболее выдающийся — Тэнрюдзи в Сага, около Киото. Хакуин (1685—1768) — основоположник современного риндзай-дзэн. Без упоминания его имени было бы трудно рассказывать о дзэн в Японии. Он не был основателем какого-нибудь крупного храма, имевшего большое религиозное значение; он вел скромную жизнь в маленьком храме в провинции Суруга, посвятив себя воспитанию дзэнских монахов и распространению своего учения среди мирян.

Дайо-кокуси

О ДЗЭН

Есть реальность, которая ближе неба и земли;
Но у нее нет ни формы, ни названия;
Глазами ее не увидеть;
У нее нет голоса, чтобы уши могли ее слышать;
Назовешь ее Умом или Буддой — разрушишь ее природу,

Ибо она тогда будет подобна воображаемому цветку-призраку;

Это не Ум и не Будда;

Пребывая в безмолвии, она таинственно мерцает,

Ее может узреть только чистое око.

Это Дхарма, которая превосходит и форму и звук;

Это Дао, которое превыше всех слов.

Желая завлечь слепых,

Будда позволил словам шутливо срывать с его золотых уст;

С тех самых пор небо и земля усыпаны колючками шиповника.

О мои добрые достойные друзья, собравшиеся здесь!
Если вы желаете услышать громовой голос Дхармы,
Исчерпайте слова, освободите свои мысли,
Ибо только тогда вы сможете прийти к осознанию этой Единой Сущности.

Брат Хуэй говорит: «От дхармы Будды

Не следует отрываться в угоду простым человеческим мнениям».

Хакуин. Дайто-кокуси.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПРОПОВЕДЬ¹

Тот, кто вступает на путь буддизма, прежде всего должен твердо верить в достоинство и почтенность монашества, поскольку именно этот путь уводит от бедности и нищеты. Это монашеское достоинство является достоинством сыновства Дхармараджи тройного мира: никакое царское величие, которое простирается над ограниченной территорией земли, не может с ним сравниться. Монашеская почтенность — это отцовство над всеми живыми существами: никакая родительская почтенность, относящаяся лишь к главе небольшой семьи, не сравнится с ней. Монах пребывает в состоянии достоинства и почтенности; он живет в скальной пещере Дхармы, в которой радуется величайшему счастью духовной жизни под благословенной защитой всех стражей-богов Трех Драгоценностей, и, скажите мне, есть ли иное счастье, превосходящее это?

Бритая голова и выкрашенное одеяние — благородные символы состояния бодхисаттвы; храмовые строения со всеми орнаментальными принадлежностями — знаки почтительности к буддийской добродетели, не имеющие ничего общего с простыми декоративными мотивами.

На самом деле то, что монах, принимающий эти формы достоинства и почтенности, получает любые подно-

¹ Это последняя проповедь мастера, прочитанная им ученикам перед уходом из жизни.

Хакуин. Автопортрет.

шения от своих последователей, то, что ему позволено спокойно изучать Истину, не обременяя себя мирскими занятиями, есть результат любви к нему со стороны будд и патриархов. Если монах не может преодолеть поток рождения-и-смерти в этой жизни, когда же он надеется ответить на все добрые чувства, питаемые к нему его предшественниками? Никогда не следует упускать благоприятную возможность, ведь время уходит; поэтому пусть монах всегда бдительно следит за тем, чтобы его жизнь не проходила в праздности.

Единственный путь, ведущий к вершине, — таинственная ортодоксальная линия передачи, учрежденная буддами и патриархами, и идти по этой дороге — значит понимать, что́ они сделали для нас. Если монах не способен следовать этим путем, тем самым он отказывается от достоинства и почтенности своего сана, заточает себя в труппы бедности и страдания. Старея, я чувствую величайшее сожаление, что так бывает, и поэтому никогда не переставал давать всем вам, монахи, строгие указания на этот счет. Теперь же, накануне своего ухода, я сердцем остаюсь с вами и искренне умоляю вас, чтобы вы никогда не искали изъянов в достоинстве и почтенности монашества, чтобы вы всегда размышляли о том, что́ относится к монашескому статусу. Умоляю, умоляю вас, монахи, всегда помните об этом!

Таков материнский совет Нампо,¹ старого нищего монаха из монастыря Кэнтё.

¹ Это подлинное имя Дайо-кокуси; Дайо — его посмертный почетный титул.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПРОПОВЕДЬ

О вы, насельники этого горного монастыря, вспомните, что вы собрались здесь во имя религии, а не ради одежды и пищи. Пока у вас есть плечи (то есть тело), у вас будет и одежда, и пока у вас есть рот, у вас будет и пища. Будьте внимательны в течение всего дня, посвящайте себя изучению непостижимого. Время летит как стрела, поэтому никогда не позволяйте себе отвлекаться на мирские заботы. Всегда будьте настороже. После моего ухода некоторые из вас, возможно, будут руководить пятью процветающими храмами; надстройки, залы и святые книги в этих храмах украшены золотом и серебром, и миряне станут шумно толпиться в храмовых приделах. Другие, возможно, будут часами читать сутры и рецитировать дхарани и, долго восседая в созерцании, будут отказываться от сна; возможно, они будут принимать пищу только раз в день и соблюдать дни поста и в течение шести дневных страж совершать все необходимые религиозные церемонии. Они могут полностью посвятить себя этим занятиям, но если их мысли не будут сосредоточены на непостижимом и непередаваемом Пути будд и патриархов, то и они, возможно, станут игнорировать закон духовной причинной обусловленности и закончат тем, что порвут с истинной религией. Все они относятся к роду злобных духов; сколь бы много времени ни прошло после моего ухода, они не могут называться моими потомками.

Но пусть при этом будет существовать хотя бы один человек, который живет на отшибе в соломенной лачуге и проводит свои дни, питаясь кореньями диких растений, сваренными в горшке с отбитыми ножками. Если он будет сосредоточенно предаваться своим [духовным] занятиям, то окажется именно тем, с кем я буду ежедневно беседовать, и он будет знать, как благодарить за свой образ жизни. Кто будет презирать такого человека? О монахи, будьте усердны и прилежны!¹

Дайто-кокуси

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Будды и патриархи разрубают на части —
Меч всегда заострен!
Там, где вращается колесо,
Пустота скрежещет зубами.

¹ В тех монастырях, которые тем или иным образом связаны с автором этого назидания, оно читается (или, скорее, распевается) до того, как начинается проповедь, или *тэйсё*.

Созн. Бхрапала.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПРОПОВЕДЬ¹

Эти события относятся к периоду Сэгэн (1259 г.). Наш отец-основатель, достопочтенный Дайо, пересек бурные волны великого океана, чтобы изучать дзэн в Сунском Китае. Он расспрашивал Сюй-тана (Кидо), великого дзэнского мастера из Цзинцу (Дзиндзу), и под его началом всецело посвятил себя реализации дзэнского опыта. В конце концов, находясь в Цзиншане (Киндзан), он сумел овладеть всеми тайнами дзэн и был удостоен похвалы наставника как тот, кто «вернется еще один раз»;² кроме того, ему также было дано пророчество, что «число его потомков будет всегда расти». Эта истинная линия школы Ян-ци (Ёги) была перенесена в нашу страну, и заслуга в этом принадлежит нашему почтенному основателю.

Дайто, мой преподобный старый учитель, следовал по стопам Дайо, который обосновался в западной части

¹ Мусо-дайси — посмертный почетный титул, данный императором Кандзану-кокуси, основателю монастыря Мёсиндзи в Киото, одного из наиболее важных центров дзэн в Японии. Все дзэнские мастера современной Японии — его духовные потомки. Имеются некоторые сомнения по поводу подлинности этого назидания, поскольку его содержание слишком уж отеческое.

² Сакридагамин (санскр.), одна из четырех основных ступеней пути буддийской «благородной личности». — *Примеч. отв. ред.*

столицы; лично прислуживая ему, он тесно общался с мастером во время своего пребывания в Мандзю (в Киото) и в Кэнтё (в Камакура). В течение многих лет служения Дайто никогда не ложился на кровать поспать. Во многом он напоминает нам древних святых. Когда в конце концов он овладел дзэн, преподобный Дайо засвидетельствовал это, но приказал довести мастерство до полного развития за двадцать лет тихого уединения. Нет сомнений, что Дайто доказал право быть великим и достойным преемником своего прославленного учителя Дайо. Он воскресил дзэн, который пребывал в состоянии упадка; он оставил назидание своим последователям — всегда внимательно и ревностно хранить живой истинный дух учения дзэн; все это — его заслуга.

То, что я — согласно августейшему приказу его светлости, экс-императора Ханадзоно, — прибыл для основания этого монастыря, есть результат отеческой заботы моего последнего учителя, который разжевывал пищу для своего беспомощного ребенка. О мои последователи! Когда-нибудь я, возможно, буду забыт вами, но если вы забудете об искреннем духе Дайо и Дайто, то вы — не мои потомки. Я молю, чтобы вы стремились к пониманию сути вещей. Бо-юнь (Хакуун) был впечатлен великими заслугами Бай-чжана (Хякудзэ), а Ху-цю (Кокю) был тронут назидательными словами Бо-юня. Таковы наши предки. Вы должны делать все, что от вас зависит, и не совершать ошибок: не срывать листья и не отламывать ветви, [вместо того чтобы завладеть самим корнем].

ПРОЩАЛЬНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Существует три рода учеников. Те, кто энергично избавляются от различных омрачающих условий жизни и сосредоточенно посвящают себя [духовным] занятиям, относятся к первому роду. Те, кто не настолько преданы делу изучения и предаются пустой любви к книгам, принадлежат ко второму роду. Те, кто, скрывая собственную духовную яркость, лишь перепевают слова будд и патриархов, относятся к низшему роду. Что касается тех, кто упоен мирской литературой и озабочен лишь устройством своей литературной карьеры, то они — просто миряне с бритыми головами и их нельзя отнести даже к низшему роду. Что же до тех, кто думает только о пище да сне, кто пребывает в праздности, — то можно ли их вообще называть теми, кто носит черную рясу? Поистине, как их охарактеризовал один старый мастер, это вешалки для одежды, мешки для риса. Поскольку они не монахи, то их нельзя называть моими учениками, и им не следует входить в мой монастырь и храмовые здания; следует воспрещать им даже временно оставаться там, не говоря уже о том, чтобы привлекать их к труду как послушников. Когда столь старый человек, как я, произносит такие слова, то можно подумать, что ему недостает всеобъемлющей любви. Но это не так. Главное — предоставить возможность этим людям понять их ошибки. Исправившись, они могут стать живыми растениями в садах патриархов.

Кайхоку Юсё. Кандзан и Дзиттоку.

Хакуин

ПЕСНЬ МЕДИТАЦИИ

Все живые существа изначально будды.
Это как лед и вода;
Не существует никакого льда отдельно от воды;
Вне живых существ где искать будд?
Не зная, насколько близка истина,
Люди ищут ее вдалеке — как жаль!
Они подобны тому, кто, стоя в воде,
Жалобно стонет из-за жажды;
Они подобны сыну богача,
Который блуждал среди нищих.
Мы странствуем по шести мирам
Из-за того, что заблудились во тьме неведения;
Все больше и больше сбиваясь с пути,
Сумеет ли мы выбраться из круга рождения-и-
смерти?

Если говорить о медитации, практикуемой в махаяне,
То не хватит слов, чтобы по-настоящему прославить ее:
Совершенные добродетели, такие как милосердие,
нравственность и другие,

Взывание к имени Будды, исповедь и аскетическая
практика

И многие другие благие поступки, достойные наг-
рад, —

Все они вытекают из практики медитации;

Даже те, кто практиковал ее, сидя только одиножды,

Узрят, как вся их злая карма уничтожится;

Они нигде не обнаружат следов зла,
А Чистая Земля окажется совсем рядом.

Переполненные благоговением, пусть они прислушались к этой истине хотя бы раз,

И пусть восхвалят и радостно воспримут ее,
И тогда наверняка обретут бесконечное блаженство.

Вот так, размышляя про себя,
Свидетельствуя об истине природы «я»,
О той истине, что природа «я» — это не-природа,
Они преодолевают сложные ухищрения.

Для них открываются ворота единства причины и следствия,

Ведущие прямо к пути недвойственности и нетройственности.

Пребывая с не-особенным, которое является особенным,

Куда б они ни уходили и откуда бы ни возвращались, они остаются всегда неподвижными,

Удерживая не-мысль, которая лежит в мысли,

В каждом своем действии они слышат голос истины.

Как безгранично небо беспрепятственного самадхи!

Как прозрачен прекрасный лунный свет четверичной мудрости!

Чего им недостает в этот момент?

Когда Истина, неизменно спокойная, открывается им,

Именно *эта* земля и становится лотосом Чистой Земли,

И именно *это* тело и становится телом Будды.

VI

БУДДИЙСКИЕ ИЗВАЯНИЯ
И ИЗОБРАЖЕНИЯ
В ДЗЭНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Посетителей какого-либо дзэнского монастыря в Японии встречают различные буддийские образы, установленные в различных его уголках. Данный раздел посвящен описанию таких фигур.

БУДДА

У любой буддийской школы в Японии есть свой *хондзон*, то есть «главный почитаемый», или основной объект поклонения. Например, *дзэдо* и *син* поклоняются Амида Нёраю; *сингон* — Дайнити Нёраю (Махавайрочана); *нитирэн* и *дзэн* — Сяка Нёраю (Шакьямуни). Но в соблюдении этой традиции дзэн не было единодушия, и поэтому основателям любого храма или монастыря давались в этом деле широкие полномочия.

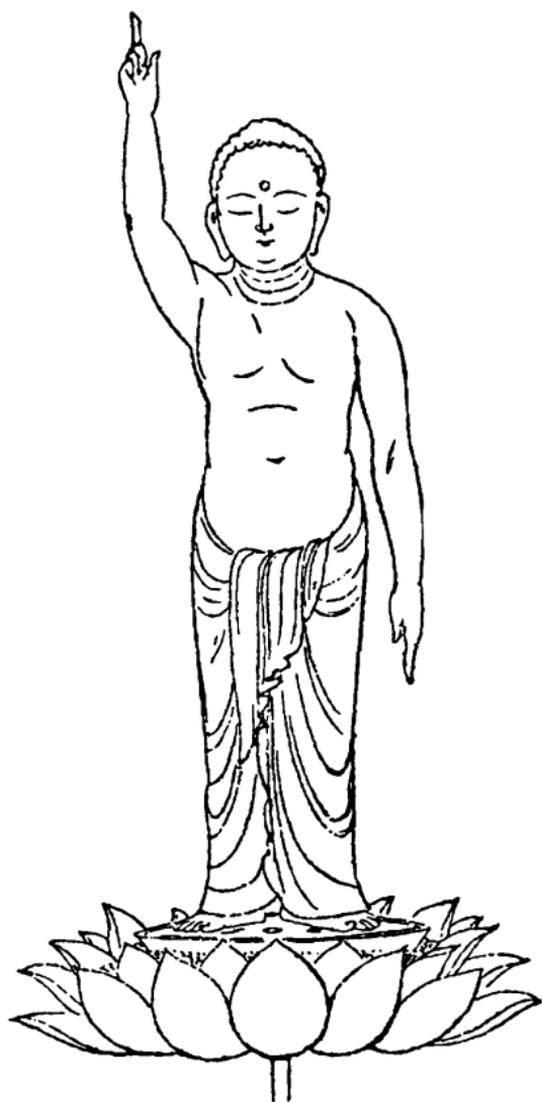
Будда Шакьямуни, без сомнения, — наиболее важный образ во всех дзэнских духовных институтах, ибо дзэн утверждает, что он передает сердце Будды — начиная с первой передачи, происшедшей между Шакьямуни и Махакашьяпой. Таким образом, Шакьямуни

Будда Шакьямуни в позе медитации.

Будда в сопровождении двух бодхисаттв и двух архатов.

Рождение Будды.

Вхождение Будды в нирвану.

Бхайшаджьягуру (Якуси Нёрай).

занимает самое почетное место на дзэнском алтаре. Но часто мы видим там статуи и Каннон (Авалокитешвара), и Якуси (Бхайшаджьягуру), и Дзидзо (Кшитигарбха), и Мироку (Майтрея), и даже целую троицу — Амида, Сяка и Мироку. Амида — это Будда прошлого, Сяка — Будда настоящего, Мироку — Будда будущего.

Если хондзоном является Шакьямуни, иногда он изображается вместе с парой бодхисаттв и парой архатов. Бодхисаттвы — это Мондзю (Манджушри) и Фугэн (Самантабhadра), архаты — Касё (Махакашьяпа) и Анан (Ананда). Шакьямуни выступает здесь, так сказать, в роли и исторического, и метафизического лица. Если его сопровождают два главных ученика, в этом случае он — историческая фигура; если же рядом с ним находятся Мондзю и Фугэн, которые олицетворяют соответственно мудрость и любовь, два главных принципа высшей реальности, то Шакьямуни — это Вайрочана, стоящий над миром перерождений. Здесь мы обнаруживаем философию *Аватамсаки*, или *Гандавьюхи*, включенную в дзэн. Фактически, наша религиозная жизнь имеет два аспекта — сам опыт и его философию.

Эти аспекты представлены в буддизме троицей исторической (Шакьямуни, Кашьяпой и Анандой) и троицей метафизической (Вайрочаной, Манджушри и Самантабhadрой). Ананда символизирует учение, эрудицию и философствование, Кашьяпа — жизненную силу, опыт и понимание, а Шакьямуни — естественное объединение обоих аспектов, в котором опыт и эрудиция гармонично взаимодействуют. Часто забывают, что ре-

лигия нуждается в философии, и одно из главных достоинств буддизма состоит в том, что он никогда не игнорировал ее. Где бы ни распространялся буддизм, он всегда помогал местным гениям развивать их философию или же интеллектуально подкреплял уже существовавшие верования.

Возможно, лишь в дзэнском монастыре отмечают рождение Будды, его просветление и его нирвану. В буддизме махаяны зачастую преобладают идеалистические, метафизические и абстрактные толкования так называемых исторических фактов жизни Будды, и развитие идеала бодхисаттвы отодвинуло исторических персонажей на задний план. Тем самым Вайрочана или Амитабха заняли место Будды Шакьямуни, и глава бодхисаттв полностью вытеснил главу архатов.

Но дзэн не забыл об исторической стороне жизни Будды. На первый взгляд, дзэн не уделяет внимания земным событиям, но факт того, что он развивался в Китае, где роль истории в культурной жизни народа огромна, указывает на его связь с землей. Так, три наиболее значительных события в жизни Будды упоминаются должным образом, и во всех основных дзэнских монастырях в Японии ежегодно исполняются тщательно разработанные ритуалы — в день рождения Будды, в день достижения им просветления и в день его ухода в нирвану.¹

Рождение Будды — так, как оно представляется последователями дзэн, — заметно контрастирует с рож-

¹ Соответственно 8 апреля, 8 декабря и 15 февраля.

дением Христа. Младенец Будда изображен в полный рост, правой рукой он указывает на небо, а левой — на землю; при этом он восклицает: «На небесах и под небесами я — единственный, кто достоин почитания!» Его голос достигает самых дальних пределов великой тысячи миров, и все живые существа (а в буддизме не мертва даже материя) разделяют радость рождения Будды, сознавая, что и им тоже предназначено когда-то стать буддами.

Восьмого апреля изображение этого младенца Будды, стоящего в бронзовой чаше, вынимают из святилища и начинается церемония крещения младенца душистым чаем, заваренным из нескольких растительных листьев. После этого чай предлагают детям. В наше время этот праздник широко отмечается во всех крупных городах Японии — и не только последователями дзэн, но и всеми буддистами, включая монахов, священников, мирян, мирянок и их детей.

Шакьямуни-просветленный изображается сидящим на троне в виде лотоса, который помещен в главном зале дзэнского монастыря. Обычно он восседает в позе медитации.

Сцена нирваны Будды, как правило, представлена на живописной картине. Исключение, возможно, составляет сцена из зала нирваны в монастыре Мёсиндзи (Киото), которая выбита на бронзовой плите. Самая известная картина ухода в нирвану написана Тёдэнсу из Тофукудзи; ее высота — около шестнадцати ярдов.¹

¹ Около пяти метров. — *Примеч. отв. ред.*

БОДХИСАТТВЫ

Если в главном зале Будды образ Шакьямуни отсутствует, то на его место помещается изображение одного из следующих бодхисаттв: Мондзю (Манджушри), Фугэн (Самантабhadра), Каннон (Авалокитешвара), Якуси (Бхайшаджьягуру), Мироку (Майтрея), Дзидзо (Кшитигарбха), а иногда и Кокудзо (Акашагарбха).

Мондзю и Фугэн, как правило, изображаются в паре; это основные бодхисаттвы в картине описания реальности с точки зрения *Аватамсака сутры* (*Кэгон*). Мондзю олицетворяет праджню. Восседая верхом на льве, он держит меч, который, как считают, отсекает всякие интеллектуальные и эмоциональные затруднения и открывает путь свету трансцендентальной праджни. Фугэн располагается на слоне; он воплощает любовь (*каруна*). Различие между каруной и праджней состоит в том, что праджня указывает на уничтожение и идентичность, а каруна — на творение и множественность. Первая — интеллектуальна, вторая — эмоциональна; одна объединяет, а другая разделяет. Десять обетов Фугэна хорошо известны тем, кто изучает *Кэгон*.

Каннон — единственно бодхисаттва сострадания. В этом отношении он похож на Фугэна. В *Хоккэ-кё* (*Саддхарма пундарика*), а также в *Рёгонкё* (*Шурангама*) ему посвящена отдельная глава. Это один из наиболее популярных махаянских босацу, или бодхисаттв.

Манджушри (Мондзю-босацу).

Самантабхра (Фугэн-босау).

Авалокитешвара (Каннон-босацу).

Майтрея (Мироку-босацу).

Кшитигарбха (Дзидзо-босацу).

Якуси — это бодхисаттва-врач. Он держит в своих руках магический кувшин; его сопровождают двенадцать богов, каждый из которых представляет один из двенадцати обетов. Главная цель появления этого бодхисаттвы в земном мире — исцеление существ от неведения, самого страшного заболевания, которое унаследовали живые существа.

Дзидзо — в настоящее время преимущественно популярный в народе покровитель детей, однако первоначально он давал обеты спасти нас от страданий на шести путях существования. Тем самым он разделяется на шесть форм, каждая из которых в качестве стража стоит на одной из шести дорог. Изображения шести Дзидзо часто можно встретить на обочине деревенской дороги. Обычно Дзидзо представляют в одеянии монаха, с бритой головой; в его руке — длинный дорожный посох. В периоды Камакура и Асикага он был достаточно популярным объектом поклонения, и сохранилось много прекрасных художественных скульптур этого бодхисаттвы эпохи Камакура.

Мироку — это будущий Будда; в настоящее время он пребывает на небесах Тушита, ожидая своего времени, чтобы появиться среди нас. По своему характеру он тоже сострадателен, на что и намекает его имя. Его иногда называют Буддой, а иногда — бодхисаттвой. Предполагают, что он пребывает на одном из небес, но часто встречается и на земле.

АРХАТЫ

Архаты, обычно их шестнадцать, устанавливаются на втором этаже башенных врат. Все они изображаются как жители неких далеких гор, и каждый из них — глава многочисленных последователей. Их гротескная, неприятная внешность странным образом контрастирует с обликом бодхисаттв. Они являются чудотворцами, которым покорствуют дикие звери. По-видимому, эта особенность вызывала интерес дзэнских монахов-художников, для которых архаты сделались излюбленными объектами художественного творчества.

В крупном дзэнском монастыре пятистам архатам отводится особый придел.

Бхрапапала — один из шестнадцати архатов, который обрел свое *сатори* во время купания. В наши дни его образ помещается в нише комнаты для омовений, примыкающей к залу для медитации. Когда монахи совершают омовение, они оказывают почтение его фигуре.¹ Представленные картины находятся в Энгакудзи (Камакура) и являются одним из национальных сокровищ Японии.

¹ «The Training of the Zen Monk», p. 40.

Пятеро из шестнадцати архатов.

Шестеро из шестнадцати архатов.

Пятеро из шестнадцати архатов.

БОЖЕСТВА-ПОКРОВИТЕЛИ

Ниже пойдет речь о божествах, выбранных из сонма буддийских божеств-покровителей и считающихся исключительно дзэнскими. У каждого из них есть собственное, особое место обитания, пребывая в котором, они исполняют свои обязанности по защите буддизма.

Ни-о, или «два царя-стража», устанавливаются по обеим сторонам входных врат. Они олицетворяют две формы бога Ваджры: одна, мужская, — с плотно закрытым ртом; другая, женская, — с открытым ртом. Они охраняют святое место от незваных гостей.

Си-тэнно, или «четыре бога-стража», помещаются в зале Будды в четырех углах алтаря. Из этих богов наиболее популярен Тамонтэн (Вайшравана), страж севера. Вероятно, это связано с тем, что он — бог познания, а также бог богатства.¹

Трудно проследить, каким образом объектом культа в дзэнском монастыре стала Бэндзайтэн (Сарасвати), которая была в Индии богиней одноименной индийской реки.² Некоторые говорят, что по своему происхождению Бэндзайтэн — не Сарасвати, а Шридеви.³

¹ Это популярный персонаж индуистской мифологии, бог Кубера. — *Примеч. отв. ред.*

² Сарасвати часто упоминается в «Ригведе» как полноводная река, по берегам которой селились арии; впоследствии она пересохла. Богиня Сарасвати — покровительница данной реки, а также супруга бога Брахмы; кроме того, она — богиня знаний и искусства. — *Примеч. отв. ред.*

³ Т. е. супруга Шивы. — *Примеч. отв. ред.*

Два бога-хранителя порога (ниво).

Четыре бога-стража.

Бэндзайтэн.

Самбокодзин.

Скандадева (Идатэн).

Учхушма (Усусаматэн).

Махакала (Дайкокутэн).

Как бы то ни было, существует предание о том, что некая женщина часто присутствовала на проповеди одного священнослужителя; позже она явилась ему во сне и сказала, что раньше она враждебно относилась к буддизму, но теперь обрела просветление и хочет стать защитницей этого учения. Так или иначе, но даже в дзэнском монастыре, в котором господствуют самые строгие формы аскетизма, есть помещение, в котором пребывает эта богиня.

Идатэн — это бог кухни, присматривающий за провизией общины. Первоначальным санскритским аналогом этого бога, по-видимому, был Сканда, а не Веда, как можно предположить, исходя из слова *ида* (кит. *вэйто*). Это один из восьми генералов, входящих в свиту Вирудхаки, бога-покровителя южной стороны. Он быстро бегает, и где бы ни происходили какие-либо неприятности, он тотчас же там появляется. В китайском монастыре его образ занимает важное место в зале четырех богов-покровителей, но в Японии его устанавливают в небольшой раке, примыкающей к монашеской столовой.¹

Усусама Мёо — это бог туалетной комнаты. На санскрите *уччхушма* (отсюда Усусама) означает «сушение», «поджаривание», то есть очищение от грязи посредством обжигания, поскольку огонь — наилучшее очищающее средство. Мёо относится к классу *видьяраджей*, особому разряду богов, которые персонифицируют гнев.²

¹ См. также мою книгу «The Training of the Zen Monk», р. 106.

² *Ibid.*, р. 44.

Самбо Кодзин, по-видимому, — это горный японский бог, принявший вид некоего индийского бога. Его место — снаружи храмовых строений. Поскольку все монастыри, как правило, располагаются в горах, этот бог, который, как считают, управляет всей округой, размещается рядом, дабы он смог защищать общину от посягательств злых духов.

Дайкокутэн, индийским прототипом которого иногда считают Махакалу,¹ в настоящее время — исключительно японский бог. На плече он несет большую суму и стоит на мешках с рисом. Усматривают его фаллическое происхождение, но в его образе нет ничего, что бы намекало на это. Он является богом материального благосостояния и подобно Идатэн заботится о физическом здоровье членов общины. Но его почитают не во всех дзэнских монастырях.

Везде, где проповедуется, воспроизводится или декламируется *Праджняпарамита*, шестнадцать «благих богов» стоят рядом и охраняют души посвященных от соблазнов, насылаемых врагом. И поскольку дзэн связан с философией праджни, они являются также и дзэнскими богами. На одной из картин изображено даже больше шестнадцати фигур. Дополнительные четыре персонажа, находящиеся на переднем плане, — это Дзэтай-босацу (Садапарарудита) и Дзинся-дайю (слева), а также — Сюань-цзан, отличительный признак которого — сумка на спине, и Хою-босацу (Дхармодгата)

¹ Шива в своей грозной форме; буквально — «Великое время». — *Примеч. отв. ред.*

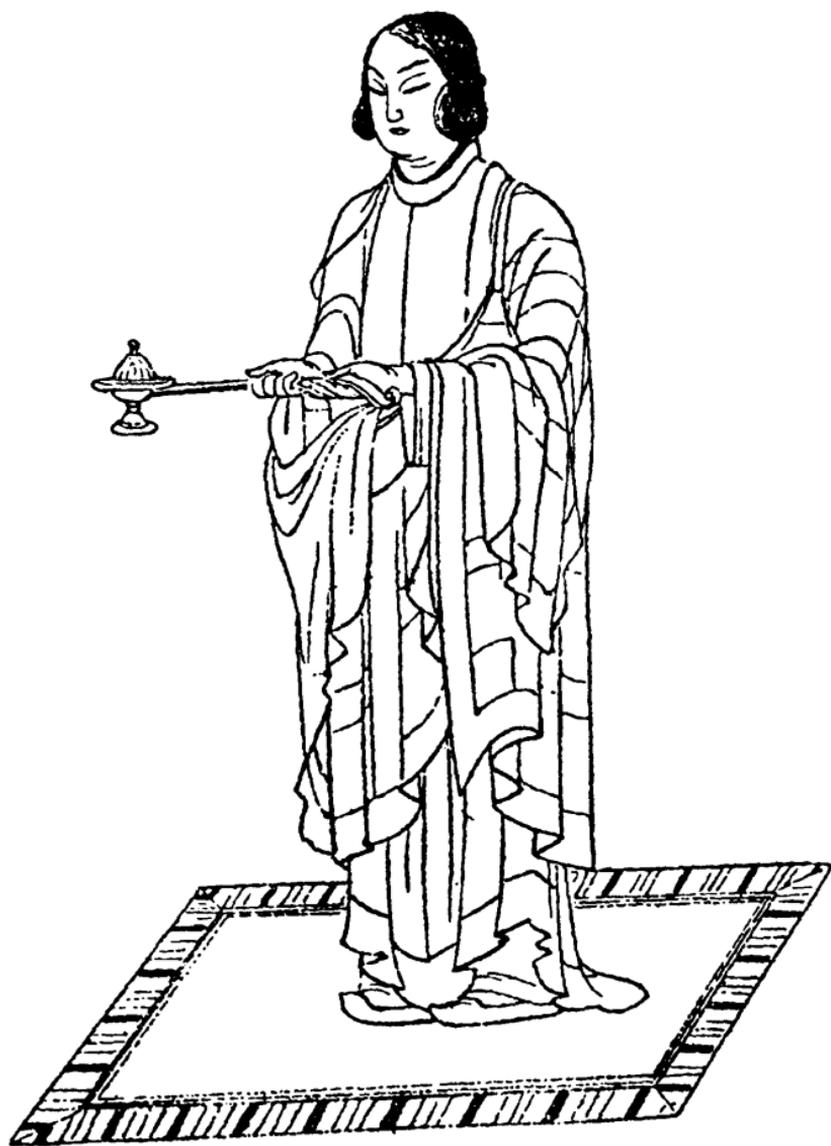
(справа). Дзётай и Хою — главные персонажи *Праджняпарамита сутры*; об этом говорится во второй части моих «Очерков о дзэн-буддизме». Сюань-цзан — переводчик *Махапраджняпарамита сутры* в шестистах цзюанях (свитках), а также комментария Нагарджуны к этой сутре в ста цзюанях. Когда он путешествовал по диким местам, к нему пристал Дзинся, бог пустыни, который до прибытия Сюань-цзана много раз препятствовал проникновению благочестивых китайских паломников в Индию. На шее этого бога висела веревка, на которую он нанизал шесть черепов своих жертв. Выслушав *Праджняпарамиту* в изложении Сюань-цзана, он обратился в буддизм и стал ревностным покровителем священного текста. Этим и объясняется его присутствие на этом рисунке.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Кроме этих мифологических персонажей, в дзэнском монастыре находят «приют» и некоторые исторические личности, тесно связанные не только с дзэн, но и с буддизмом в целом. Естественно, самое почетное место после Будды Шакьямуни занимает Бодхидхарма, основатель дзэн-буддизма. Однако японские последователи дзэн больше почитают основателя того или иного храма, и в каждом дзэнском учреждении Японии есть особый зал, посвященный его основателю, перед образом которого все время горит масляная лампа. Бодхидхарма ни

Бодхидхарма (Дарума).

Сётоку-тайси.

Фу-дайси (Фукё, Фу Си).

на кого не похож, поэтому его можно узнать везде, где бы он ни находился. Дзэнские мастера очень любят изображать его, упражняя свою любительскую кисть. Возможно, другим настолько же любимым образом является Каннон.

Фу-дайси (Фу Да-ши), также известный как Дзэн-нэ-дайси (Шань-хуэй, 493—564), был современником Бодхидхармы. Он не имеет отношения к официальной линии дзэнской передачи, но его жизнеописание и его проповеди, зафиксированные в *Передаче Светильника (Чуань дэн лу, XXVII)*, напоены, если можно так выразиться, дзэнским ароматом. Его знаменитая гатха хорошо известна всем приверженцам дзэн.¹ Традиция считает его изобретателем такого приспособления, как *риндзо (лунь цзан)*, представляющего собой систему вращающихся полок для хранения китайской Трипитаки. По этой причине его изображение, вместе с изображениями двух его сыновей, устанавливают в буддийской библиотеке в качестве своеобразного бога литературы.

В дзэнском монастыре есть множество древних странных персонажей, из которых наиболее известны те, что имеют китайское происхождение, — Кандзан (Хань-шан) и Дзиттоку (Ши-дэ). Это бродячие поэты-аскеты. Другой персонаж, принадлежащий к этой группе, — Хотэй (Пу-тай). Роль этого образа довольно сильно отличается от его роли в японском буддизме, о чем я писал в своей статье «Впечатления о китайском буддизме» («*Impressions of Chinese Buddhism*»), опубли-

¹ См.: Suzuki D. T. *Introduction to Zen*. P. 58.

кованной в «Восточном буддисте» («Eastern Buddhist», VI, 4).

Одним из самых примечательных персонажей культурной истории Японии был Сётоку-тайси (574—622), и поэтому неудивительно, что все японские буддисты отдают дань его памяти, устанавливая его статую в монастырских строениях. Существует легенда, согласно которой Бодхидхарма прибыл в Японию, после того как закончил свою деятельность в Китае, и под видом убогого нищего обрелся в Катаока Яма, около Нара. Сётоку-тайси встретил его там, и, как считают, они обменялись стихотворными посланиями.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

I

ГАТХИ И МОЛИТВЫ

Зачин сутры	9
Исповедь	10
Тройное прибежище	10
Четыре великих обета	10
Поклонение <i>шарире</i>	11
Учение семи будд	12
Гатха о непостоянстве	12
Сутра Эммэй Каннон, заключенная в десяти строках	14
Молитва по случаю кормления голодных духов	14
Общая молитва	18
Молитва о колоколе	19

II

ДХАРАНИ

Дхарани для удаления бедствий	24
Дхарани Великого Сострадателя	24
Дхарани победоносного венца Будды	26

III
СУТРЫ

Праджняпарамита хридая сутра (Сингё)	32
Самантамукха париварта (Каннонгё)	40
Ваджраччхедика сутра (Конгокё)	52
Ланкаватара сутра	69
Шурангама сутра (Рёгонкё)	89

IV
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
КИТАЙСКИХ МАСТЕРОВ ДЗЭН

<i>Бодхидхарма</i> . Два вступления в Дао	104
<i>Сэн-цань (Сосан)</i> . О вере в Ум (Синь синь мин) . . .	108
<i>Хуэй-нэн (Эно)</i> . Дань цзин	117
<i>Юнцзя-даши (Ёка-дайси)</i> . Песнь просветления . .	127
<i>Ма-цзу (Басо)</i> и <i>Ши-тоу (Сэкито)</i> , два великих мастера династии Тан	147
<i>Хуан-бо (Обаку Киун)</i> . Трактат о сущности передачи Ума (Дэнсин Хоё)	159
<i>Гэнся</i> . Три инвалида	171
Десять рисунков о пастухе и быке	181

V
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ЯПОНСКИХ МАСТЕРОВ ДЗЭН

<i>Дайо-кокуси</i> . О дзэн	220
<i>Дайо-кокуси</i> . Прощальная проповедь	222
<i>Дайто-кокуси</i> . Прощальная проповедь	225

<i>Дайто-кокуси. Последнее стихотворение</i>	226
<i>Кандзан-кокуси. Прощальная проповедь</i>	228
<i>Мусо-кокуси. Прощальная проповедь</i>	230
<i>Хакуин. Песнь медитации</i>	232

VI

БУДДИЙСКИЕ ИЗВАЯНИЯ И ИЗОБРАЖЕНИЯ В ДЗЭНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Будда	237
Бодхисаттвы	246
Архаты	253
Божества-покровители	257
Некоторые исторические персонажи	267

Научное издание

Дайсэцу Тэйтаро Судзюки

АНТОЛОГИЯ ДЗЭН-БУДДИЙСКИХ ТЕКСТОВ

Редактор издательства *Т. А. Ломакина*

Художник *П. Палей*

Технический редактор *Е. Г. Коленова*

Корректор *А. К. Рудзик*

Компьютерная верстка *Е. С. Егоровой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.

Сдано в набор 28.01.05. Подписано к печати 27.05.05.

Формат 70 × 108 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная.

Гарнитура Академическая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12.3. Уч.-изд. л. 8.8.

Тираж 2000 экз. Тип. зак. № 4018. С 102

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

main@nauka.nw.ru

Первая Академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-026235-8

785020 262355

Антология
**ДЗЭН-
БУДДИЙСКИХ**
ТЕКСТОВ

В свою «Антологию дзэн-буддийских текстов» крупнейший знаток дзэн Дайсэцу Тэйтаро Судзуки включил различные произведения, имеющие то или иное отношение к этой известной дальневосточной буддийской традиции.

Махаянские сутры и сборники заклинаний (дхарани), знаменитые дзэнские коаны и проповеди дзэнских учителей – это и многое другое, целиком либо во фрагментах, можно встретить на страницах этой увлекательной и богато иллюстрированной книги. В приложении японский буддолог также подробно описывает культовые и памятные изображения, размещенные в большинстве дзэнских монастырей.

